

Всероссийский научный журнал

ВОПРОСЫ ПРАВА

№ 4

(октябрь-декабрь)

2026 г.

Учредитель: Грудцына Л.Ю., доктор юридических наук, профессор, эксперт РАН

Издатель: Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»

Основан в 2012 году.

Выходит один раз в 3 месяца.

Зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации. ISSN 2949-0871.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-49170 от 23 марта 2012 г.)

С 2013 г. журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

С 2015 г. журнал является площадкой для публикации материалов участников международных научно-практических конференций и круглых столов, научных статей магистрантов, аспирантов и адъюнктов из России, стран СНГ и зарубежных государств.

ВОПРОСЫ ПРАВА

Всероссийский научный журнал

Ежеквартальный научно-правовой журнал, посвящённый актуальным вопросам теории и истории права и государства, а также проблемам конституционного (государственного) права и законодательства в России и мире, теоретико-правовым исследованиям.

Председатель редакционного совета: Иванова Светлана Анатольевна

Главный редактор: Виноградова Елена Валерьевна

Первый заместитель главного редактора: Шайхуллин Марат Селирович

Корректор: Козлова Вера Евгеньевна

Компьютерная верстка: Ерошина Екатерина Андреевна

Дизайн, web: Ерцев Роман Александрович

Офис редакции: г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Этаж 2. Офис В 218.

WhatsApp: +7-926-125-33-23.

Официальный сайт: <https://v-prava.ru>

E-mail: editor@law-books.ru

Почтовый адрес редакции (для корреспонденции): 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, 28-57.

При использовании опубликованных материалов ссылка на Всероссийский научный журнал «Вопросы права» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении.

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

РУБРИКИ ЖУРНАЛА

Специальность: 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
- МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
- ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН
- ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ
- ПРАВООБРАЗОВАНИЕ И ПРАВОТВОРЧЕСТВО
- ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПОНИМАНИЯ
- ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА
- ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА
- ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС

Специальность: 5.1.2. – Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

- ПОЛИТИКА И ПРАВО
- КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО
- ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ
- ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КОНСТИТУЦИИ
- МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО
- ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА
- ИННОВАЦИИ

JOURNAL HEADINGS

Specialty: 5.1.1. - Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

- HUMAN RIGHTS
- METHODOLOGY AND HISTORY OF LEGAL SCIENCE
- HISTORY OF THE STATE AND RIGHTS OF FOREIGN COUNTRIES
- HISTORY OF THE RUSSIAN STATE AND LAW
- LEGAL FORMATION AND LEGAL CREATION
- PROBLEMS OF LEGAL UNDERSTANDING
- PROBLEMS OF THE THEORY OF LAW
- INTERPRETATION OF LAW
- PHILOSOPHICAL DISCOURSE

Specialty: 5.1.2. - Public law (public law) sciences (legal sciences)

- POLICY AND LAW
- CONSTITUTIONAL (STATE) LAW
- POLICY AND SECURITY
- THEORY AND HISTORY OF THE CONSTITUTION
- MUNICIPAL LAW
- JUSTICE AND JURISPRUDENCE
- INNOVATIONS

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ научных статей, направленных в редакцию Всероссийского научного журнала «Вопросы права»

1. Рецензируемое научное издание – Всероссийский научный журнал «Вопросы права» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих тематике журнала, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов, докторами или кандидатами юридических наук, и имеют в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой научной статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции рецензируемого научного издания в течение пяти лет.
2. Редакция Всероссийского научного журнала «Вопросы права» направляет авторам представленных материалов копии рецензий и/или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию Всероссийского научного журнала «Вопросы права» соответствующего запроса.
3. Рецензент оценивает основные достоинства и недостатки рукописи статьи, руководствуясь при этом следующими критериями: соответствие содержания статьи профилю журнала, актуальность избранной темы, научный и методологический уровень, использование необходимых методик исследования, новизна и оригинальность основных положений и выводов, практическая полезность. При анализе представленных материалов, рецензентом уделяется внимание следующим вопросам: а) общий анализ научного уровня, терминологии, структуры статьи, актуальности темы; б) оценка подготовленности статьи к изданию в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи; в) научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки и практики; г) место рецензируемой работы среди других работ на подобную тему: что нового в ней или чем она отличается от них, не дублирует ли содержание рукописи работы других авторов или ранее напечатанные работы данного автора); д) допущенные автором неточности, ошибки, нарушение правил цитирования.
1. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать две недели с момента поступления рукописи к рецензенту.
2. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.
3. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:
 - а) рекомендовать принять рукопись к публикации;
 - б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;
 - в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);
 - г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).
4. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ:

Ари Палениус – проф., директор кампуса г. Керава Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия)
Арройо Эна Росьо Карнеро – Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо.

Безерра Феликс Валуа Гуара – Juris Doctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.

Велиев Исахан Вейсал оглы – доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Деян Вучетич – доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Джун Гуан – проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Дуран Роберто Альваро Гусман – Juris Doctor (Боливия), глава Национальной службы юридической помощи Боливии.

Ким Эшли – D.Div., Ph.D., Th.D. (Англия), вице-президент Нортекс Лтд.

Лаи Дешенг – проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Марек Вочозка – проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)

Нематов Акмал Рауфджонович – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)

Она Гражина Ракаускиене – проф., Университет им. Миколаса Ромериса (Литва)

Пол Брэнд – профессор истории права Англии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Пол Дэвис – профессор корпоративного права (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Предраг Димитриевич – доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Тепман Леонид Наумович – доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)

Чирич Александр – доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

INTERNATIONAL COUNCIL:

Ari Palenius – prof., Director of the campus, the Kerava Laurea University of Applied Sciences (Finland)

Arroyo Ena Rosyo Karnero – Ph.D., Professor (Peru), head of the department of political and public sciences of law department of National university of Trujillo.

Bezerra Felix Valois Goira – Juris Doctor (Brazil), the director of strategic programs and activity of the Secretariat of planning and modernization of public administration of the state Tocantins.

Veliyev Isakhan Veysal Oglou – doctor of jurisprudence, professor (Azerbaijan Republic)

Dejan Vuchetich – the doctor of jurisprudence, the associate professor of public sciences of law department of University Nish (Serbia)

Jun Guan – prof., Deputy. Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Durán Roberto Alvaro Guzman – Juris Doctor (Bolivia), the head of National service of a legal aid of Bolivia.

Kim Ashley – D.Div., Ph.D., Th.D. (England), vice-president Norteks of Ltd.

Lai Desheng – prof., Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Marek Vochozka – prof., Rector of the Institute of Technology and Business Graduate School of Technology and Economics (Czech Republic)

Nematov Akmal Raufdzhonovich – the doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of department of theoretical problems of the modern state and the right of Institute of philosophy, political science and the right of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)

Ona Grazyna Rakauskiene – prof., University. Mykolas Romeris (Lithuania)

Paul Brend – professor of history of the right of England (Ph.D.) Oxford university (London)

Paul Davies – professor of corporate law (Ph.D.) Oxford university (London)

Predrag Dimitriyevich – the doctor of jurisprudence, professor of administrative law, the dean of law department of University Nish (Serbia)

Tepman Leonid Naumovich – Doctor of Economics, professor (House of scientists Haifa. Israel)

Chirich Alexander – the doctor of jurisprudence, professor of the international commercial law, the head of the department of a commercial law of law department of University Nish (Serbia)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель: **С.А. Иванова** – доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН, Почетный адвокат России

А.П. Галоганов – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Междунационального союза (содружества) адвокатов

В.Н. Жуков – доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

И.А. Конюхова – доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия

А.В. Рагулин – доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов

Б.В. Сангаджиев – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

Б.С. Эбзеев – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России

Н.Д. Эриашвили – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Института государственного управления и права Государственного университета управления.

EDITORIAL BOARD:

Chairman: **S.A. Ivanova** — Doctor of Law, Professor, Deputy First Vice-Rector for Academic and Methodological Work, Professor of the Department of Finance University under the Government of the Russian Federation, Expert of the Russian Academy of Sciences, Honorary Lawyer of Russia

A.P. Haloganov - Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President International Union (Commonwealth) of Lawyers

V.N. Zhukov - Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

I.A. Konyukhova - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional Law and Professor, Department of Constitutional Law, Russian Academy of Justice

A.V. Ragulin - Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Problem Research Center organization and activities of the Bar of the Eurasian Research Institute of Law, Chairman of the Commission for the Protection of the Rights of Lawyers-Members of Lawyers Guilds of Russian Lawyers

B.V. Sangadzhiev - Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities of the Legal Institute of RUDN University

B.S. Ebzeev - Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (inresignation), member of the CEC of Russia

N.D. Eriashvili - Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Business and Labor Law Institute of Public Administration and Law of the State University of Management

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: *Виноградова Елена Валерьевна*, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права РАН

Первый заместитель главного редактора: *Шайхуллин Марат Селирович*, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России», руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права.

Специальность: 5.1.1 — Теоретико-исторические правовые науки

А.А. Дорская - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

В.О. Миронов - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного права и управления таможенной деятельностью ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» (ВлГУ).

Д.А. Пашенцев - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, главный научный сотрудник отдела теории права и межотраслевых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор Московского городского педагогического университета и Университета Правительства Москвы, руководитель центра развития просветительской деятельности для сельских территорий Российского государственного университета народного хозяйства имени В.И. Вернадского.

В.Е. Усанов - доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, президент Союза экспертов в области управления «Международная академия менеджмента».

М.С. Шайхуллин - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России», руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права.

Специальность: 5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

О.Н. Булаков - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного Университета

Е.В. Виноградова - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права РАН

Л.Ю. Грудцына - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», профессор кафедры патентного права и правовой охраны средств индивидуализации ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», Почетный адвокат России, эксперт РАН.

В.В. Комарова – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Почетный работник сферы образования РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Б.В. Сангаджиев - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Д.П. Стригунова - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

EDITORIAL BOARD:

=====

Editor-in-chief: *Vinogradova Elena Valerievna*, Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher of the Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

First Deputy Editor-in-Chief: *Shaikhullin Marat Selirovich*, Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Federal State Educational Institution of
Higher Education "Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia",
Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law Problems.

Specialty: 5.1.1 - Theoretical and historical legal sciences

A.A. Dorskaya - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen.

V.O. Mironov - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law and Management of Customs Activities of the Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletovs (VISU).

D.A. Pashentsev - Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Theory of Law and Intersectoral Research of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of the Moscow City Pedagogical University and the University of the Government of Moscow, head of the center for the development of educational activities for rural areas of the Russian State University of National Economy named after V.I. Vernadsky.

V.E. Usanov - Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, President of the Union of Experts in the Field of Management "International Academy of Management".

M.S. Shaikhullin - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia", Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law.

Specialty: 5.1.2 - Public legal (state legal) sciences

O.N. Bulakov - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Russian State University for the Humanities

E.V. Vinogradova - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

L.Yu. Grudtsyna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Professor of the Department of Patent Law and Legal Protection of Means of Individualization of the Russian State Academy of Intellectual Property, Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences.

V.V. Komarova - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy)", Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

B.V. Sangadzhiev - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

D.P. Strigunova - Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of International and Integration Law, Institute of Law and National Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation".

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

- Прокопова М. А. * К вопросу о судебной защите избирательных прав при использовании дистанционного электронного голосования: проблемы доказывания и определения нарушений 13
- Храмцов Ю. Б. * Контрольные (надзорные) мероприятия исполнительной власти в период действия постановления Правительства РФ №336 от 10.03.2022 г. 16

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

- Сергеев И. В. * Социокультурные аспекты доступности бесплатной юридической помощи: роль адвокатуры в формировании правовой культуры населения 19
- Рочева С. С. * Применение зарубежного опыта правового регулирования защиты персональных данных в российской правовой системе 23

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА

- Шарков А. В. * К вопросу о правовом статусе публичных (общественных) пространств 31
- Мустафаева А. С. * Судебное усмотрение как механизм трансформации диспозитивных норм в императивные ограничения свободы договора: теоретико-правовой анализ 35
- Мякишева Н. В. * Функциональная и дефектная неопределенность в праве: критерии разграничения 39
- Шеинов А. А. * К вопросу о разграничении понятий экстерриториального и экстратерриториального применения права 44
- Ермак Д. А. * Трансформация правовых категорий в условиях цифровизации: теоретико-правовой анализ 49

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

- Казакова Е. Б., Нарматова С. Э. * Правовые аспекты регулирования информационной безопасности как приоритет национальной безопасности 53

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

- Черняков В. Е., Осавелюк А. М. * Вспомогательные органы Совета Федерации ФС РФ и Бундесрата ФРГ: сравнительно-правовой анализ 58

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

- Иванова Т. А. * Правовая природа и эволюция инструментов противодействия юридическим лицам с признаками фиктивности в налоговом праве 65
- Сухарькова Д. М. * Финансово-правовой статус вертикально-интегрированных нефтяных компаний 71

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

- Джога Д. С. * Вердикт присяжных заседателей как акт самостоятельной судебной власти: проблемы формирования, содержания и преодоления 76
- Пеленицына М. В., Ибрагимова К. А. * Современные направления судебного контроля в гражданском судопроизводстве 80
- Тихонова Л. О. * Цифровизация примирительных процедур в арбитражном процессе: онлайн-медиация и дистанционные форматы примирения 85

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

- Гюлбанкян А. С. * Институт экстрадиции как комплексное межотраслевое правовое явление: историко-правовой генезис, понятие и природа 88
- Антонова А. А. * Правовая природа процедуры реорганизации юридических лиц в российском праве 94
- Сальникова Е. С. * Условия, порядок и последствия реализации одностороннего отказа от исполнения обязательств 100

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

- Губарева П. В. * От подрядных грамот до Гражданского кодекса: история становления строительного подряда в России 106
- Валуева А. Д. * Основания наследования имущества (на примере законодательства России и Республики Беларусь) 112

Лысенко Е. А. * Критерии разграничения перепланировки и реконструкции жилых помещений в контексте защиты стабильности гражданского оборота	117
--	-----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Быковский Т. Н. * Социально-демографический портрет лица, совершающего преступления в сфере незаконного оборота оружия (на материалах судебной статистики)	120
Рогожина С. Г. * Квалификация преступлений, совершённых с использованием искусственного интеллекта: новые вызовы для уголовного закона	126

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Максимкин Я. А. * Правовая природа производных финансовых инструментов по законодательству России и Гонконга	130
--	-----

CONTENT:

POLITICS AND LAW

- Prokopova M. A. * On the issue of judicial protection of electoral rights in the use of remote electronic voting: problems of proof and determination of violations 13
- Khrantsov Yu. B. * Control (supervisory) measures of the executive authority during the period of effectiveness of the Decree of the Government of the Russian Federation No. 336 of 10.03.2022 16

HUMAN RIGHTS

- Sergeev I. V. * Sociocultural aspects of the accessibility of free legal aid: the role of the bar in shaping the legal culture of the population 19
- Rocheva S. S. * Application of foreign experience in the legal regulation of personal data protection within the Russian legal system 23

ISSUES IN LEGAL THEORY

- Sharkov A. V. * On the issue of the legal status of public (public) spaces 31
- Mustafaeva A. S. * Judicial discretion as a mechanism for transforming dispositive norms into imperative restrictions on freedom of contract: theoretical and legal analysis 35
- Myakisheva N. V. * Functional and defective uncertainty in law: criteria for distinction 39
- Sheinov A. A. * To the question of distinguishing the consents of extraterritorial and extraterritorial application of law 44
- Ermak D. A. * Transformation of legal categories in the context of digitalization: a theoretical and legal analysis 49

NATIONAL SECURITY

- Kazakova E. B., Narmatova S. E. * Legal aspects of information security regulation as a national security priority 53

PUBLIC INTERNATIONAL LAW

- Chernyakov V. E., Osavelyuk A. M. * Auxiliary bodies in the Federation Council of the Russian Federation and the Bundesrat of the Federal Republic of Germany: a comparative legal analysis 58

LAW AND ECONOMICS

- Ivanova T. A. * The legal nature and evolution of instruments for countering legal entities displaying signs of fictitiousness in tax law 65
- Sukharkova D. M. * The financial legal status of vertically integrated oil companies 71

JUSTICE AND JUDICIAL PRACTICE

- Dzhoga D. S. * The verdict of the jury as an act of independent judicial power: problems of formation, content and overcoming 76
- Pelenitsyna M. V., Ibragimova K. A. * Modern directions of judicial control in civil proceedings 80
- Tikhonova L. O. * Digitalization of conciliation procedures in arbitration process: online mediation and remote reconciliation formats 85

ISSUES OF RUSSIAN LEGISLATION

- Gyulbankyan A. S. * The institution of extradition as a complex interdisciplinary legal phenomenon: historical and legal genesis, concept and nature 88
- Antonova A. A. * Legal nature of the reorganization procedure of legal entities in Russian law 94
- Salnikova E. S. * Conditions, procedure and consequences of unilateral refusal to perform obligations . . . 100

CIVIL AND ENTREPRENEURIAL LAW

- Gubareva P. V. * From contract charters to the Civil Code: the history of the formation of construction contracting in Russia 106
- Valueva A. D. * Grounds for property inheritance (a comparative analysis of the legislation of Russia and the Republic of Belarus) 112
- Lysenko E. A. * Criteria for differentiating redevelopment and reconstruction of residential premises in the context of protecting the stability of civil turnover 117

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

Bykovsky T. N. * Socio-demographic profile of the offender committing crimes related to illicit arms trafficking (based on judicial statistics) 120

Rogozhina S. G. * Classification of crimes committed using artificial intelligence: new challenges for criminal law 126

INTERNATIONAL LAW

Maximkin Ya. A. * Legal nature of derivative financial instruments under the laws of Russia and Hong Kong 130

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 11.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2949-0871-2026-4-13-15

ПРОКОПОВА Мария Александровна,
студентка Крымского филиала
ФГБОУ ВО «РГУП имени В.М. Лебедева»,
Симферополь, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДИСТАНЦИОННОГО ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАРУШЕНИЙ

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье исследуются проблемы судебной защиты избирательных прав граждан при использовании дистанционного электронного голосования (ДЭГ). Анализируются нормативные основы ДЭГ, правовые позиции Верховного Суда РФ, а также практика рассмотрения споров, связанных с применением электронных технологий на выборах. Выявляются трудности доказывания нарушений при дистанционном волеизъявлении: анонимность бюллетеня, отсутствие бумажного следа, технические сбои. Рассматриваются вопросы идентификации избирателей и обеспечения тайны голосования. На основе изученных источников формулируются предложения по совершенствованию законодательства и судебной процедуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дистанционное электронное голосование, судебная защита, избирательные права, доказывание, тайна голосования, цифровые технологии, идентификация избирателя.

PROKOPOVA Maria Alexandrovna,
Student of the Crimean branch of
Federating State Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»,
Simferopol, Russia

ON THE ISSUE OF JUDICIAL PROTECTION OF ELECTORAL RIGHTS IN THE USE OF REMOTE ELECTRONIC VOTING: PROBLEMS OF PROOF AND DETERMINATION OF VIOLATIONS

ANNOTATION. This article examines the problems of judicial protection of citizens' electoral rights in the use of remote electronic voting (REV). The regulatory framework of REV, legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as the practice of resolving disputes related to the use of electronic technologies in elections are analyzed. Difficulties in proving violations during remote voting are identified: anonymity of the ballot, lack of a paper trail, technical failures. The issues of voter identification and ensuring the secrecy of voting are considered. Based on the studied sources, proposals for improving legislation and judicial procedure are formulated.

KEY WORDS: remote electronic voting, judicial protection, electoral rights, proof, secrecy of voting, digital technologies, voter identification.

Внедрение дистанционного электронного голосования (ДЭГ) в российский избирательный процесс, начавшееся с экспериментов в Москве в 2019 году и получившее дальнейшее развитие в федеральном законодательстве, поставило перед судами новые вызовы. Традиционные механизмы судебной защиты избирательных прав, ориентированные на бумажный бюллетень, визуальное наблюдение и подсчет голосов вручную, оказались недостаточно при-

способленными для цифровой среды. Я полагаю, что ключевая проблема заключается в том, что при ДЭГ само нарушение (взлом системы, сбой алгоритма, подмена голоса) чрезвычайно сложно доказать в суде, а тайна голосования, являясь конституционным принципом, одновременно служит непреодолимым препятствием для проверки правильности учета каждого отдельного голоса.

Правовое регулирование дистанционного

электронного голосования находится в стадии формирования. Федеральным законом от 23 мая 2020 г. № 154-ФЗ в статью 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» включено определение дистанционного электронного голосования как голосования без бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения. При этом, как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 июня 2023 г. № 24, административное исковое заявление о защите избирательных прав при ДЭГ подается в суд по месту нахождения территориальной избирательной комиссии дистанционного электронного голосования, а если такая комиссия не сформирована – по месту нахождения комиссии, организующей ДЭГ [1, п. 22]. Я обращаю внимание на то, что данное разъяснение носит процедурный характер, но не решает вопрос о том, какие доказательства могут быть признаны допустимыми при оспаривании итогов ДЭГ.

Первый масштабный эксперимент по применению ДЭГ на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва в 2019 году сразу же породил судебные споры. Как отмечает Ю.Я. Дубровина, кандидат в депутаты И.В. Ульянченко оспаривал решение Мосгоризбиркома, утверждая, что применение ДЭГ нарушает принципы тайного голосования и равенства избирательного права, а также использование специального программного обеспечения, не входящего в ГАС «Выборы», противоречит федеральному законодательству [2, с. 65]. Суды отказали в удовлетворении требований, апеллируя к добровольности выбора формы голосования и наличию шифрования данных. Однако, как справедливо замечает автор, уже по итогам голосования кандидат Р.А. Юнеман указывал на три сбоя в системе электронного голосования, однако суд счел, что технические неполадки не повлияли существенным образом на итоги выборов. Я считаю, что здесь возникает системная проблема: суд, не имея возможности провести независимую техническую экспертизу работы программного обеспечения (в силу закрытости кода и режимных требований), вынужден доверять заверениям организаторов голосования, что ставит под сомнение реальную возможность защиты права.

Проблема идентификации личности избирателя при дистанционном голосовании также имеет процессуальное измерение. С.А. Трыканова, анализируя организационно-правовые условия ДЭГ, предлагает обратиться к опыту Эстонии, где используется система ID-карт, содержащих персональную информацию избирателя, защищенных шифрованием и позволяющих с помощью электронно-цифровой подписи

проголосовать за кандидата [4, с. 86]. Я полагаю, что внедрение аналогичной системы в России, хотя и повысило бы уровень идентификации, не решило бы проблему доказывания в суде: электронная подпись удостоверяет личность, но не гарантирует отсутствие принуждения при волеизъявлении или технического сбоя, приведшего к искажению голоса. Кроме того, как справедливо отмечает автор, доступ к цифровым порталам может быть ограничен для отдельных категорий граждан, что создает риск нарушения принципа равенства, а это обстоятельство также может стать предметом судебного обжалования.

Наиболее тревожные оценки перспективам судебной защиты избирательных прав при ДЭГ дает А. Чертков. Он указывает, что «фактически кроме нескольких случаев «электоральных экспериментов» на муниципальном уровне выборы в Мосгордуму в 2019 г. стали единственным крупным экспериментом по использованию дистанционного электронного голосования и повлекли не только многочисленные обращения в суд (в том числе ставших основанием для принятия Постановления КС от 24 марта 2020 г. № 12-П), но и масштабные протестные акции» [5]. Автор обращает внимание на фундаментальную коллизию: в российских судах электронная переписка требует «бумажного» нотариального заверения, а отношение к электронным доказательствам не самое серьезное. Я разделяю эту обеспокоенность и считаю, что при отсутствии четких процессуальных правил оценки цифровых доказательств (логов системы, криптографических подтверждений, результатов независимого аудита кода) судебная защита избирательных прав при ДЭГ рискует стать фикцией.

Исследование отношения избирателей к новым технологиям показывает, что молодежь, которая является основным пользователем ДЭГ, в целом позитивно оценивает дистанционное голосование. А.А. Закусин, проведя аутентичный опрос 150 студентов Марийского государственного университета, установил, что 31 % опрошенных получают информацию о политике из интернета, а 69 % вообще не интересуются политикой через радио или телевидение [3, с. 278]. При этом автор предлагает внести изменения в ФЗ № 67, УК и КоАП в части урегулирования отношений, связанных с осуществлением ДЭГ, а также создать новую главу, посвященную специфике электронного голосования. Я поддерживаю эту идею, но полагаю, что необходимо пойти дальше и дополнить КАС РФ специальными положениями о распределении бремени доказывания при оспаривании итогов ДЭГ. В частности, следует установить, что организатор ДЭГ обязан предоставить суду не только общие сведения о работе системы, но и возможность проведения независимой технической экспертизы с сохранением тайны голосования (например,

путем деанонимизации только тех голосов, в отношении которых заявлены нарушения, с согласия избирателя).

Подводя итог, я формулирую следующие выводы.

Во-первых, действующее законодательство и судебная практика не выработали эффективных механизмов доказывания нарушений при дистанционном электронном голосовании, что создает риск невозможности нарушения избирательных прав.

Во-вторых, анонимность бюллетеня, являясь неотъемлемым принципом демократических выборов, при ДЭГ парадоксальным образом лишает избирателя возможности доказать, что его

голос был учтен неверно.

В-третьих, для решения указанных проблем необходимо, на мой взгляд, внести изменения в КАС РФ, предусмотрев возможность назначения компьютерно-технической экспертизы программного обеспечения ДЭГ с соблюдением режима тайны голосования, а также законодательно закрепить обязанность организаторов ДЭГ обеспечивать хранение неизменяемого аудита всех транзакций (блокчейн-протокола) для целей возможного судебного исследования.

Только при таких условиях судебная защита избирательных прав в цифровую эпоху сможет оставаться реальной, а не декларативной.

Список литературы:

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2023 г. № 24 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета. 2023. 7 июля.

[2] Дубровина Ю.Я. Конституционно-правовая защита избирательных прав граждан России при применении новых избирательных технологий // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 2 (139). С. 62-69.

[3] Закусин А.А. Внедрение электронных технологий в российский избирательный процесс // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2019. Т. 5. № 3. С. 277-281.

[4] Трыканова С.А. Направления развития организационно-правовых условий цифрового дистанционного голосования в России // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 1. С. 85-87.

[5] Чертков А. Риски электронного голосования: перспективы защиты избирательных прав граждан вызывают беспокойство. // Адвокатская газета. 2020. 15 июня. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/riski-elektronnogo-golosovaniya/> (дата обращения: 18.05.2026).

References:

[1] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 24 dated June 27, 2023, «On Certain Issues Arising During Court Proceedings in Administrative Cases Concerning the Protection of the Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. July 7, 2023.

[2] Dubrovina Yu.Ya. Constitutional and Legal Protection of the Electoral Rights of Russian Citizens in the Context of New Electoral Technologies // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2021. No. 2 (139). Pp. 62–69.

[3] Zakuskin A.A. Implementation of Electronic Technologies in the Russian Electoral Process // Bulletin of Mari State University. Series «Historical Sciences. Legal Sciences.» 2019. Vol. 5. No. 3. Pp. 277–281.

[4] Trykanova S.A. Directions for the Development of Organizational and Legal Conditions for Digital Remote Voting in Russia // Education. Science. Scientific Personnel. 2021. No. 1. Pp. 85–87.

[5] Chertkov A. Risks of Electronic Voting: Prospects for Protecting Citizens' Electoral Rights Raise Concerns // Advokatskaya Gazeta. June 15, 2020. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/riski-elektronnogo-golosovaniya/> (accessed: May 18, 2026).

ХРАМЦОВ Юрий Борисович,
магистрант, Уральский Государственный
Экономический Университет, Екатеринбург, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
МОРОЗОВА Александра Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент, Уральский Государственный
Экономический Университет, Екатеринбург, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

КОНТРОЛЬНЫЕ (НАДЗОРНЫЕ) МЕРОПРИЯТИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РФ №336 ОТ 10.03.2022

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются вопросы, реализации контрольных (надзорных) мероприятий исполнительной властью в период действия моратория на проведения проверок, внесённых Постановлением правительства №336 от 10.03.2022 и продленных Постановлением Правительства №372 от 10.03.2023г. Исследование показало, что исполнительная власть нашла методы де-юре обойти введённый мораторий..

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: контрольное (надзорное) мероприятие, мораторий, проверка, прокуратура, исполнительная власть, федеральный закон №294-ФЗ от 26.12.2008, федеральный закон №248-ФЗ от 31.07.2020, федеральный закон №2202-1 от 17.01.1992, постановление, №372 от 10.03.2023г., №336 от 10.03.2022.

KHRAMTSOV Yuri Borisovich,
Master's student, Ural State Economic University,
Yekaterinburg, Russia

Academic Supervisor:
MOROZOVA Alexandra Sergeevna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Ural State Economic University, Yekaterinburg, Russia

CONTROL (SUPERVISORY) MEASURES OF THE EXECUTIVE AUTHORITY DURING THE PERIOD OF EFFECTIVENESS OF THE DECREE OF THE GOVERNMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION No. 336 OF 10.03.2022

ANNOTATION. The article examines issues related to the implementation of control (supervisory) measures by the executive branch during the period of the moratorium on inspections, introduced by Government Resolution No. 336 dated March 10, 2022, and extended by Government Resolution No. 372 dated February 10, 2023. The study showed that the executive branch has found ways to circumvent the imposed moratorium de jure.

KEY WORDS: control (supervisory) activity, moratorium, inspection, prosecutor's office, executive authority, Federal Law No. 294 FZ dated 26.12.2008, Federal Law No. 248 FZ dated 31.07.2020, Federal Law No. 2202 1 dated 17.01.1992, resolution No. 372 dated 10.03.2023, resolution No. 336 dated 10.03.2022.

Тяжело недооценить актуальность исследуемой темы в настоящей статье, так как в статье фактически исследуется настоящий период и сформированная на данный момент практика за период с 2023 по настоящее время. В условиях динамично меняющегося законодательства в целом и частности принятием Постановления Правительства №372 от 10.03.2023

года, которое фактически продляет мораторий на проведение проверок, внося технические изменения в ряд нормативных актов (включая постановления правительства № 336 и № 415), регулируя порядок ведения единого реестра проверок и работу государственных информационных систем. На данный момент мораторий на проведение плановых и внеплановых прове-

рок продлен до 2030 года. С учетом того, что период моратория существует уже четыре года, исполнительная власть фактически трансформировала проведения контрольных (надзорных) мероприятий, чтобы юридически была возможность осуществлять проверку. С учетом того, что мораторий на проведении проверок действует до 2030 года, данная тема будет актуальна как минимум до окончания периода, установленного постановлением.

В настоящее время период действия моратория на проведения контрольных (надзорных) мероприятий со стороны исполнительной власти возникает уникальное противоречие: с одной стороны власть и её полномочия и права на проведение проверок в целях реализации своих властных полномочий, с другой стороны мораторий на проведение проверок который фактически лишает полноценно реализовывать властные полномочия.

Для оценки возникшего противоречия необходимо прямо разобрать, что включает в себя «исполнительная власть».

Власть — специфический инструмент управления, используемый для достижения поставленных целей, способность и возможность осуществлять целенаправленное воздействие на общественные отношения, подчинение воли управляемого объекта воле субъекта управления. [1]

Исполнительная власть – это деятельность по управлению государством и обществом, подчиненная контролю со стороны других ветвей власти (законодательной и судебной) и состоящая в осуществлении специально созданными органами государственной власти особых функций и установленной законом компетенции. [1] [2]

Следовательно, в период действия Постановления правительства № 336 от 10.03.2022г, которое было изменено Постановлением Правительства №372 от 10.03.2023г., которое в свою очередь продлило мораторий на проведение проверок как плановых, так и внеплановых. Исполнительная власть не может в полной мере реализовывать свои полномочия в сфере контроля (надзора) при проведении проверочных мероприятий. В свою очередь отсутствие полноценных контрольных (надзорных) функций у исполнительной власти, влияет на выполнения целей создания данных государственных и муниципальных органов.

В связи с тем, что охват действующего законодательства, регламентирующий виды контроля (надзора) исполнительной властью очень обширен и фактически регулирует практически все виды взаимодействия физических и юридических лиц между собой, так и с государством или муниципалитетом. Для достижения властных полномочий и целей создания государственных и муниципальных органов, одними из них приме-

няются определенные действия, которые трансформировали взаимодействие и юридически соблюдая Постановление правительства № 336 от 10.03.2022г, которое было изменено Постановлением Правительства №372 от 10.03.2023г., следовательно, мораторий как таковой не действует. Другие органы и организации действуют по-иному, а именно, применяют федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» №2202-01 от 17.01.1992.

Для понимания объема возникшего юридического пробела, разберем более подробно два юридически возможных действия, которые применяется исполнительной властью, для достижения проведения контрольных (надзорных) мероприятий в период действия Постановления правительства № 336 от 10.03.2022г, которое было изменено Постановлением Правительства №372 от 10.03.2023г.

При первом варианте развития ситуации органы и организации, выполняющие функцию исполнительной власти, переводят из разряда контрольных (надзорных) мероприятий проведение проверок, а именно плановых и внеплановых в разряд непрерывного мониторинга. В связи с тем, что Постановление правительства № 336 от 10.03.2022г, которое было изменено Постановлением Правительства № 372 от 10.03.2023 года фактически вводит мораторий на проведение проверок плановых и внеплановых, непрерывный мониторинг не подпадает под действия Постановления. В рамках проведения непрерывного мониторинга зачастую устанавливается график или достижение результата (пример: доставка, увольнение, прием на работу иностранного гражданина и т.п.), при котором фактически проверяемое лицо обязано предоставить пакет документов в государственный или муниципальный орган на основе данных документов производится проверка. При этом пакет документов зачастую аналогичен при проведении плановой или внеплановой проверки.

При втором варианте развития ситуации органы и организации, выполняющие функцию исполнительной власти, зачастую инициируют проведение проверки со стороны прокуратуры. Согласно ч. 2 ст. 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» №2202-1 от 17.01.1992. следует, что проверка исполнения законов проводится на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором, в случае, если эти сведения нельзя подтвердить или опровергнуть без проведения указанной проверки. Следовательно, любая поступившая информация о необходимости проведения проверки в связи с нарушением законодательства РФ, прав и свобод граждан или организации, в период действия моратория на проведения проверок, приводит к решению о проведении проверки вынесенное в соответ-

ствии законодательством РФ. В связи с тем, что проверки проводятся зачастую в специализированных отраслях, которые подчинены конкретным органам или организациям исполнительной власти, сотрудников из этих органов и организаций фактически привлекают к проведению проверки в качестве специалистов или экспертов. При этом в период проведения проверочных мероприятий документы направляют для оценки нарушений действующего законодательства в органы и организации исполнительной власти, которые ранее были привлечены к проведению проверки сотрудниками прокуратуры. Но что более важно, что после того как будет дана оценка нарушения законодательства РФ, специалистами или экспертами, привлеченными из органов и организаций исполнительной власти сотрудниками прокуратуры, проверяющий сотрудник прокуратуры, в случае выявленных нарушений, направит представление руководителю органа или организации исполнительной власти с требованием: принять меры к привлечению к ответственности проверяемое лицо.

Важно отметить, что эти два способа, а особенно второй, имеет существенный коррупционный фактор:

1) ширина дискреционных полномочий –

выражающаяся в том, что сотрудники исполнительной власти при инициации проверки могут воздействовать на конкретное лицо, при этом законно не проверяя других;

2) пробел в праве – выражающаяся в том, что фактически проверку можно иницировать, через прокуратуру и выйти из-под действия Постановления Правительства №372 от 10.03.2023, Федерального закона №294-ФЗ от 26.12.2008, Федерального закон №248-ФЗ от 31.07.2020;

3) коллизия в праве – выражающаяся в том, что постоянный мониторинг и плановые или внеплановые проверки фактически могут иметь одинаковую суть, но при этом при мониторинге могут не соблюдаться ряд установленных законодательных норм;

Исследование показало, что в период действия моратория на проведения проверок исполнительная власть нашла способы юридически обосновано проведения контрольных (надзорных) мероприятий в виде проверок. Исследование подтвердило, что в связи с возможностью де-юре обойти введенный мораторий это привело к появлению в законодательстве коррупционных факторов. Наличие коррупционных факторов приводит к необходимости внесения изменений в законодательство РФ.

Список литературы:

[1] Старостина С.А. Система и структура органов исполнительной власти Российской Федерации. Учебное пособие. // Проспект – 2025. 161 с.

[2] Нудненко Н.А. Конституционное право России: учебник для среднего профессионального образования // Юрайт – 2025. 505 с.

References:

[1] Starostina S.A. System and Structure of Executive Bodies of the Russian Federation: A Study Guide. // Prospekt – 2025. 161 p.

[2] Nudnenko N.A. Constitutional Law of Russia: A Textbook for Secondary Vocational Education // Yurayt – 2025. 505 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 11.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2949-0871-2026-4-19-22

СЕРГЕЕВ Илья Владимирович,
магистрант, студент заочной формы обучения, Юридический институт,
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»,
Киров, Россия,
e-mail: yur_inst@vyatsu.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ДОСТУПНОСТИ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ: РОЛЬ АДВОКАТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. В работе предпринята попытка переосмыслить институт бесплатной юридической помощи через призму социокультурного подхода. Автор исходит из того, что доступ к правовой поддержке зависит не только от нормативных гарантий, но и от уровня правосознания граждан, их доверия к институтам, информационной среды региона. На материале законодательства и правоприменительной практики анализируются барьеры, препятствующие реализации права на помощь: от недостаточной информированности до скептического отношения к официальным процедурам. Особое внимание уделяется просветительской функции адвоката — не просто как исполнителя норм, но как проводника правовых ценностей в обществе. В заключении формулируются предложения по адаптации системы БЮП к региональным социокультурным особенностям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: бесплатная юридическая помощь, правовая культура, правосознание, адвокатура, социокультурные факторы, доступ к правосудию, правовое просвещение, региональная специфика.

SERGEEV Ilya Vladimirovich,
Master's student, part time student, Law Institute,
Vyatka State University, Kirov, Russia

SOCIOCULTURAL ASPECTS OF THE ACCESSIBILITY OF FREE LEGAL AID: THE ROLE OF THE BAR IN SHAPING THE LEGAL CULTURE OF THE POPULATION

ANNOTATION. This paper attempts to reinterpret the institution of free legal aid through a sociocultural lens. The author proceeds from the premise that access to legal support depends not only on statutory guarantees but also on citizens' legal awareness, their trust in institutions, and the regional information environment. Drawing on legislation and law enforcement practice, the study analyzes barriers hindering the realization of the right to legal aid: from insufficient awareness to skeptical attitudes toward official procedures. Special attention is paid to the educational function of the lawyer—not merely as a norm-applier but as a conduit of legal values in society. The conclusion formulates proposals for adapting the free legal aid system to regional sociocultural specifics.

KEY WORDS: free legal aid, legal culture, legal consciousness, advocacy, sociocultural factors, access to justice, legal education, regional specifics.

Введение

Конституция Российской Федерации в статье 48 закрепляет право каждого на квалифицированную юридическую помощь, предусматривая её бесплатное оказание в установленных законом случаях. Однако, как показывает практика, формальное наличие гарантии не гарантирует её фактической реализации. Разрыв между нормативным идеалом и повседневной реальностью во многом объясняется социокультурными фактора-

ми, которые традиционно остаются на периферии правовых исследований.

Актуальность обращения к данной проблематике обусловлена несколькими обстоятельствами. Степень научной разработанности темы подтверждается трудами таких исследователей, как А.А. Рассохина, Е.Е. Светачева, В.Ю. Панченко и других, однако социокультурный аспект требует дальнейшего осмысления. Во-первых, низкий уровень правовой культуры значительной части

населения приводит к тому, что граждане просто не знают о возможности получения бесплатной помощи [1, с. 165]. Во-вторых, институциональное недоверие, укоренённое в историческом опыте и подкрепляемое современными практиками, снижает мотивацию обращения за защитой прав. В-третьих, региональная неравномерность развития инфраструктуры юридической помощи создаёт дополнительные барьеры для жителей малых городов и сельских территорий — проблема, особенно значимая для субъектов РФ с низкой плотностью населения, к числу которых относится и Кировская область.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой и социологический. Целью настоящего исследования является выявление социокультурных детерминант, влияющих на доступность бесплатной юридической помощи, и обоснование роли адвокатуры в преодолении этих барьеров через просветительскую деятельность. Для достижения цели поставлены задачи: проанализировать основные социокультурные барьеры доступа к помощи, оценить просветительский потенциал адвокатуры и предложить адаптивные механизмы для регионов.

Бесплатная юридическая помощь: между нормой и культурой

Традиционный подход к анализу бесплатной юридической помощи фокусируется на правовых механизмах: кто имеет право, кто оказывает, в каком порядке. Такой взгляд, безусловно, необходим, но недостаточен. Как отмечает В.Ю. Панченко, юридическая помощь личности соответствует признакам социального явления: она предполагает проблемную ситуацию, профессиональный характер деятельности, адресность и направленность на результат [2, с. 20]. Это позволяет рассматривать БЮП не только как юридический институт, но и как социокультурный феномен.

В этом измерении бесплатная помощь выполняет функцию трансляции правовых ценностей. Когда адвокат разъясняет клиенту не просто норму, но и логику её применения, он формирует у гражданина представление о праве как о системе, а не наборе разрозненных предписаний. Е.Н. Доброхотова, анализируя взаимодействие органов общественного контроля и юридических клиник, указывает на их вклад в «формирование правовой культуры населения» [3, с. 213–214]. Этот тезис справедлив и в отношении адвокатуры: каждый случай оказания помощи — это микроакт правового просвещения.

Однако эффективность такой трансляции зависит от восприимчивости аудитории. Здесь мы сталкиваемся с парадоксом: те, кто наиболее нуждается в правовой поддержке, часто наименее готовы её принять. Низкая правовая грамотность

сочетается со скептицизмом: «Зачем обращаться, если всё равно не помогут?» — типичная установка, отражающая не только личный опыт, но и коллективные представления о работе институтов.

Барьеры доступа: когда право «не работает»

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить несколько групп препятствий, имеющих социокультурную природу.

Информационный дефицит. Проблема незнания о праве на бесплатную помощь остаётся одной из наиболее острых. И.В. Белов отмечает, что «граждане, проживающие в сельской местности, не знают о праве на бесплатную юридическую помощь, а также об органах, её предоставляющих» [4, с. 12]. В условиях, когда традиционные каналы коммуникации (газеты, радио) теряют аудиторию, а цифровые ресурсы недоступны для старшего поколения, информирование становится самостоятельной задачей. Положительный пример Адвокатской палаты Ульяновской области, распространившей 300 000 листовок о «горячей линии» [5, с. 75], показывает: простые, но массовые меры могут дать эффект.

Институциональное недоверие. Этот барьер сложнее диагностировать, но его влияние очевидно. Граждане, имевшие негативный опыт взаимодействия с государственными структурами, склонны проецировать его на всю систему правовой помощи. Особенно ярко это проявляется в регионах с низким уровнем доверия к власти. Адвокат в такой ситуации оказывается в двойственной позиции: с одной стороны, он представитель профессионального сообщества, с другой — часть «системы», к которой у клиента могут быть претензии.

Процедурная сложность. Требование документального подтверждения статуса (малоимущего, инвалида и т.д.) создаёт дополнительные трудности. Для человека в кризисной ситуации сбор справок может стать непреодолимым препятствием. Как справедливо отмечает М.С. Беляева, «необходимость документального подтверждения статуса создаёт дополнительные барьеры, особенно для лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации» [6, с. 47–48].

Вопрос качества. Г.М. Резник подчёркивает: «квалифицированной... может считаться помощь, оказываемая специалистами по праву... при обязательном соблюдении профессиональных стандартов и этических норм» [7, с. 27]. Низкое качество бесплатной помощи не просто не решает проблему клиента — оно подрывает доверие ко всей системе. Один негативный опыт может сформировать устойчивое представление: «бесплатное = некачественное».

Адвокат как «переводчик» права: просветительская функция в действии

В условиях описанных барьеров фигура адвоката приобретает особое значение. Адвокатура, будучи институтом гражданского общества [8],

обладает уникальным потенциалом для преодоления разрыва между нормой и практикой.

Просветительская роль адвоката проявляется на нескольких уровнях:

1. Разъяснение через диалог. В отличие от формального информирования, консультация предполагает диалог. Адвокат не просто цитирует норму, но адаптирует её к конкретной ситуации клиента, показывая, как абстрактное правило работает в реальности. Это формирует у гражданина не просто знание, но понимание.

2. Формирование правовой позиции. Помощь в осознании своих прав и способов их защиты способствует переходу от пассивного ожидания к активной правовой позиции. Клиент начинает видеть себя не как объект воздействия, а как субъект права.

3. Демонстрация этических стандартов. Соблюдение адвокатом принципов конфиденциальности, независимости, добросовестности показывает гражданину образец профессионального поведения. Это особенно важно в контексте общего кризиса доверия к профессионалам.

4. Образовательная активность. Участие в работе юридических клиник, проведение лекций, публикация разъяснений в СМИ — всё это расширяет аудиторию правового просвещения за пределы индивидуальных консультаций. Д.Н. Поляков, анализируя опыт Омской юридической академии, отмечает, что клиники «не должны отвлекать студентов от аудиторных занятий, а, наоборот, ещё больше привлекать к ним» [9, с. 41] — то есть просвещение работает в обе стороны.

Стандарт оказания адвокатом бесплатной юридической помощи, утверждённый Федеральной палатой адвокатов РФ, закрепляет обязанность адвоката «разъяснять доверителю права и обязанности, связанные с защитой его прав и законных интересов» [10]. Эта норма, однако, остаётся декларацией, если не подкрепляется методической поддержкой и оценкой эффективности просветительской работы.

Региональный контекст: почему «универсальные» решения не работают

Опыт Кировской области, как и других субъектов РФ с низкой плотностью населения, показывает: социокультурные барьеры имеют региональную специфику.

Во-первых, территориальная удалённость усиливает информационный дефицит. Житель отдалённого поселения может физически не иметь доступа к пункту оказания помощи, а цифровые сервисы не всегда компенсируют эту проблему из-за низкой цифровой грамотности или отсутствия стабильного интернета.

Во-вторых, локальные правовые культуры влияют на восприятие помощи. В некоторых сообществах обращение за правовой поддержкой может восприниматься как «донос» или «конфликтность», что создаёт дополнительное социальное

давление.

В-третьих, кадровый дефицит: в малых городах и сёлах часто просто нет адвокатов, готовых участвовать в системе БЮП. Это создаёт порочный круг: нет спроса — нет предложения, нет предложения — не формируется спрос.

Эти особенности требуют не механического переноса «успешных практик», а адаптации подходов к локальному контексту. Выездные консультации, сотрудничество с местными НКО, использование местных медиа для информирования — такие меры могут быть эффективнее масштабных, но обезличенных кампаний.

Направления развития: от констатации к действию

Преодоление социокультурных барьеров требует комплексного подхода. Представляется целесообразным:

1. Дифференцированное информирование. Вместо единой кампании — сегментация аудитории и каналов: соцсети для молодёжи, местные газеты и радио для старшего поколения, личные встречи в сельских клубах для удалённых территорий.

2. Поддержка юридических клиник как «мостика» между теорией и практикой. Студенты под руководством опытных юристов могут оказывать первичную помощь, одновременно формируя правовую культуру у клиентов и профессиональные компетенции у себя. Для аграрных регионов это особенно актуально: выпускники, получившие опыт работы с реальными запросами населения, с большей вероятностью останутся в регионе.

3. Упрощение процедур подтверждения права на помощь. Межведомственное электронное взаимодействие могло бы снизить бюрократическую нагрузку на граждан. Однако важно сохранить баланс: упрощение не должно вести к злоупотреблениям.

4. Мониторинг качества с обратной связью. Система оценки не должна сводиться к формальной отчётности. Включение отзывов граждан, анализ повторных обращений, экспертная оценка сложных случаев — такие механизмы помогут выявить системные проблемы.

5. Развитие «мягких» форм просвещения. Лекции, семинары, кейс-стади в школах, колледжах, на предприятиях могут формировать правовую культуру превентивно, до возникновения конфликтной ситуации.

Заключение

Бесплатная юридическая помощь — это не просто механизм реализации конституционной гарантии. Это инструмент формирования правовой культуры, способ трансляции ценностей права в общество. Низкий уровень правосознания и институционального недоверия создают барьеры, которые невозможно преодолеть только правовыми средствами.

Адвокатура, обладая профессиональной ква-

лификацией, этическими стандартами и независимостью, занимает уникальную позицию для преодоления этих барьеров. Однако потенциал просветительской функции реализуется лишь тогда, когда она становится не факультативным дополнением, а органичной частью профессиональной деятельности.

Региональная специфика требует отказа от

универсальных решений в пользу адаптивных подходов. Только учитывая социокультурный контекст — уровень информированности, локальные практики доверия, кадровые возможности — можно сделать конституционное право на юридическую помощь реальной ценностью для каждого гражданина.

Список литературы:

- [1] Рассохина А.А., Светачева Е.Е. Проблема эффективной реализации бесплатной юридической помощи, 2018. С. 165.
- [2] Панченко В.Ю. Юридическая помощь личности (общетеоретический аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004.
- [3] Доброхотова Е.Н. Взаимодействие органов общественного контроля и юридических клиник в обеспечении прав граждан // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 5–6. С. 213–214.
- [4] Белов И.В. Государственные юридические бюро как субъекты оказания бесплатной юридической помощи // Бесплатная юридическая помощь: законодательное регулирование и практика применения в Российской Федерации: материалы международной научно-практической конференции. Саратов, 2015. С. 12.
- [5] Кухарева О.А., Перминова М.В. Бесплатная юридическая помощь и социальные проекты государства: проблемы реализации // Бесплатная юридическая помощь: законодательное регулирование и практика применения в Российской Федерации. Саратов, 2015. С. 75.
- [6] Беляева М.С. Проблемы оказания бесплатной юридической помощи, влияющие на доступность правосудия в гражданском судопроизводстве // Сборник научных трудов. 2021. С. 41–51.
- [7] Резник Г.М. К вопросу о конституционном содержании понятия «квалифицированная юридическая помощь» // Адвокат. 2007. № 4. С. 27.
- [8] Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».
- [9] Поляков Д.Н. Юридическая клиника как составляющая образовательной программы Омской юридической академии // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: материалы всероссийской научно-практической конференции. Омск, 2018. С. 41.
- [10] Стандарт оказания адвокатом бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи. Утвержден XII Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2023.

References:

- [1] Rassokhina A.A., Svetacheva E.E. The Problem of Effective Implementation of Free Legal Aid, 2018, p. 165.
- [2] Panchenko V.Yu. Legal Aid to the Individual (General Theoretical Aspect): Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences. Krasnoyarsk, 2004.
- [3] Dobrokhotova E.N. Interaction between Public Oversight Bodies and Legal Clinics in Ensuring Citizens' Rights // Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2015. No. 5–6, pp. 213–214.
- [4] Belov I.V. State Legal Bureaus as Providers of Free Legal Aid // Free Legal Aid: Legislative Regulation and Application Practice in the Russian Federation: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Saratov, 2015, p. 12.
- [5] Kukhareva O.A., Perminova M.V. Free Legal Aid and State Social Projects: Implementation Challenges // Free Legal Aid: Legislative Regulation and Application Practice in the Russian Federation. Saratov, 2015, p. 75.
- [6] Belyaeva M.S. Issues in the Provision of Free Legal Aid Affecting Access to Justice in Civil Proceedings // Collection of Scientific Papers. 2021, pp. 41–51.
- [7] Reznik G.M. On the Constitutional Content of the Concept of «Qualified Legal Aid» // Advokat. 2007. No. 4, p. 27.
- [8] Federal Law No. 63-FZ of May 31, 2002, «On Advocacy and the Bar in the Russian Federation.»
- [9] Polyakov D.N. The Legal Clinic as a Component of the Educational Program of the Omsk Law Academy // Current Issues in Civil Law and Procedure: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Omsk, 2018, p. 41.
- [10] Standard for the Provision of Free Legal Aid by an Attorney within the Framework of the State System of Free Legal Aid. Approved by the XI All-Russian Congress of Attorneys on April 20, 2023.

РОЧЕВА София Сергеевна,
*бакалавр Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: snrchv@gmail.com*

ПРИМЕНЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются пределы и условия применения зарубежного опыта правового регулирования защиты персональных данных в российской правовой системе после законодательных изменений 2025 г., затронувших согласие субъекта, локализацию баз данных, обезличивание сведений, административную ответственность операторов и правовой режим высокорисковой цифровой обработки. Особое внимание уделено соотношению российских реформ с зарубежными механизмами подотчетности контролера, оценки воздействия на защиту данных, трансграничных гарантий, алгоритмической прозрачности и риск-ориентированного надзора. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой, системный методы и элементы функционального анализа правовых конструкций. Формально-юридический метод использован для оценки действующих обязанностей оператора по Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» в редакции с учетом изменений 2024-2025 гг.; сравнительно-правовой метод позволил сопоставить российскую модель регулирования с подходами Европейского союза, Совета Европы, Бразилии, Калифорнии и Китайской Народной Республики; системный метод применен для определения места зарубежных механизмов в российской системе конституционных гарантий, информационного законодательства, административного надзора и локального регулирования деятельности операторов. Научная новизна выражается в обосновании постреформенной модели функциональной адаптации зарубежного опыта, при которой иностранные правовые механизмы оцениваются не как образцы для законодательного копирования, а как инструменты восполнения конкретных пробелов российского регулирования. Обоснован вывод о том, что после реформ 2025 г. перспективными направлениями развития остаются риск-профилирование операций обработки, методически оформленная оценка воздействия при высокорисковой обработке, внутреннее заключение о допустимости трансграничной передачи, содержательная алгоритмическая прозрачность и специальные гарантии против повторной идентификации обезличенных данных.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: персональные данные, защита данных, российское право, зарубежный опыт, реформа 2025 года, подотчетность оператора, оценка воздействия, обезличенные данные, трансграничная передача, автоматизированная обработка.

ROCHEVA Sofia Sergeyevna,
*Bachelor, Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia*

APPLICATION OF FOREIGN EXPERIENCE IN THE LEGAL REGULATION OF PERSONAL DATA PROTECTION WITHIN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

ANNOTATION. The article examines the limits and conditions for applying foreign experience regarding the legal regulation of personal data protection within the Russian legal system following the legislative changes of 2025. These changes affected data subject consent, database localization, data anonymization, the administrative liability of data controllers (operators), and the legal regime governing high-risk digital processing. Particular attention is paid to the relationship between Russian reforms and foreign mechanisms concerning controller accountability, data protection impact assessments, cross-border safeguards, algorithmic transparency, and risk-based supervision. The methodological framework of the study comprises formal-legal, comparative-legal, and systemic methods, alongside elements of the functional analysis of legal constructs. The formal-legal method was used to assess the current obligations of data controllers under Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006, «On Personal Data,» as amended in 2024–2025; the

comparative-legal method enabled a comparison of the Russian regulatory model with approaches adopted by the European Union, the Council of Europe, Brazil, California, and the People's Republic of China; and the systemic method was applied to determine the place of foreign mechanisms within the Russian system of constitutional guarantees, information legislation, administrative supervision, and the internal regulation of data controller activities. The scientific novelty lies in the substantiation of a post-reform model for the functional adaptation of foreign experience, wherein foreign legal mechanisms are evaluated not as templates for legislative replication, but as tools to address specific gaps in Russian regulation. The study substantiates the conclusion that, following the 2025 reforms, promising areas for development include risk profiling of processing operations, methodologically structured impact assessments for high-risk processing, internal assessments regarding the permissibility of cross-border transfers, substantive algorithmic transparency, and specific safeguards against the re-identification of anonymized data.

KEY WORDS: personal data, data protection, Russian law, foreign experience, 2025 reform, controller accountability, impact assessment, anonymized data, cross-border transfer, automated processing.

Развитие цифровой экономики, платформенных сервисов, биометрической идентификации, искусственного интеллекта и государственных информационных систем существенно изменило содержание правовой охраны персональных данных. В современных условиях личная информация сохраняет значение объекта конфиденциальности, одновременно приобретая статус ресурса административного управления, коммерческой аналитики, кредитного скоринга, медицинской диагностики, образовательных платформ, маркетинговой сегментации и алгоритмического прогнозирования поведения граждан. Вследствие подобной трансформации правовое регулирование персональных данных постепенно смещается от модели разового согласия к модели управляемого жизненного цикла данных, включающей оценку риска, документирование решений оператора, проверяемость обработки, контроль трансграничных потоков и защиту субъекта от непрозрачных автоматизированных решений.

Указанное изменение технологической среды непосредственно влияет на постановку исследовательской проблемы. Если ранее сравнительно-правовой анализ чаще строился вокруг вопроса о возможности заимствования европейской модели защиты данных, то в настоящее время подобный подход нуждается в уточнении. Российское законодательство в 2024-2025 гг. существенно усилило публично-правовую составляющую регулирования: Федеральным законом от 30 ноября 2024 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» расширена административная ответственность за нарушения в сфере персональных данных; Федеральным законом от 28 февраля 2025 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» введены новые положения об обезличенных данных и изменены правила локализации отдельных операций с персональными данными граждан Российской Федерации; Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 156-ФЗ «О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о

внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» закреплено требование об отдельном оформлении согласия на обработку персональных данных, поэтому зарубежный опыт уже не может рассматриваться как внешний образец для прямого переноса; он должен оцениваться через способность усилить ту модель, которая формируется в российском праве после названных реформ.

В научной литературе защита персональных данных традиционно раскрывается через несколько взаимосвязанных плоскостей: правовой статус субъекта, обязанности оператора, пределы цифрового оборота сведений, институциональная роль надзорного органа и соотношение частноправовых и публично-правовых средств защиты. Э. В. Талапина подчеркивает, что российское регулирование персональных данных развивается в европейском контексте, однако не может сводиться к формальному воспроизведению внешних правовых моделей [1, с. 124]. Данная позиция сохраняет значение и после реформ 2025 г., поскольку обновление российского законодательства не отменяет сравнительно-правовой перспективы, но требует более строгого отбора зарубежных механизмов. В развитие рассматриваемого подхода А. В. Минбалева указывает на необходимость модернизации законодательства с учетом новых технологических угроз, включая обработку больших массивов данных, нейросетевые технологии и возрастание риска неправомерного использования персональной информации [2, с. 86].

Логическим продолжением названной дискуссии становится вопрос о том, за счет каких регулятивных средств возможно обеспечить не декларативную, а проверяемую защиту субъекта персональных данных. В данном отношении показательно исследование И. А. Шелудченко, где защита персональных данных рассматривается через призму делегированного правотворчества: автор обращает внимание на возрастающую зависимость фактической эффективности регулирования от подзаконных, методических, технических и организационных правил, конкретизирующих поведение операторов [3, с. 82]. Следовательно, при оценке зарубежного опыта

принципиально важно учитывать содержание заимствуемой нормы в связи с инфраструктурой ее исполнения: методическими разъяснениями, надзорной проверкой, локальными процедурами и профессиональной практикой операторов.

Переход от общего сравнения правопорядков к анализу исполнимых механизмов особенно заметен в условиях формирования экономики данных. С. А. Быстрыкова справедливо связывает развитие правового регулирования персональных данных с расширением цифрового оборота информации и необходимостью поиска баланса между экономической ценностью данных и гарантиями прав граждан [4, с. 180]. Названная позиция позволяет уточнить предмет настоящего исследования: зарубежный опыт интересен не сам по себе, а постольку, поскольку он помогает определить процедуры, способные соединить технологическую обработку с правовой проверяемостью, минимизацией рисков и реальным контролем субъекта над собственными сведениями.

Переход к подобной постановке вопроса требует разграничения правовой трансплантации и функциональной адаптации: в теории сравнительного правоведения правовая трансплантация традиционно понимается как перенос нормы либо института из одной системы в другую. Однако критики данной концепции обоснованно указывают, что норма не существует вне языка правопорядка, судебной практики, административных процедур, профессиональной культуры и институциональной среды [5, с. 114]. Применительно к персональным данным данное возращение приобретает особое значение: подотчетность, оценка воздействия, алгоритмическая прозрачность или договорные гарантии трансграничной передачи не являются самодостаточными формулами. Их результативность зависит от методики оценки, компетентного надзора, локальных регламентов, ответственных подразделений оператора, понятных критериев проверки и санкционного механизма.

Из чего следует, что функциональная адаптация зарубежного опыта должна строиться не на внешнем сходстве правовых конструкций, а на проверке их пригодности для российской правовой системы. Первый критерий проверки – конституционная совместимость, предполагающая соответствие заимствуемого механизма гарантиям неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, судебной защиты и допустимых пределов ограничения прав. Второй критерий – институциональная исполнимость, выражающая способность оператора выполнить обязанность без чрезмерной нагрузки, особенно если речь идет о малом и среднем бизнесе, образовательных, медицинских и муниципальных организациях. Третий критерий – надзорная проверяемость, позволяющая Роскомнадзору оценить соблюдение требования не декларативно, а через документы, журналы учета, локальные акты, отчеты

об инцидентах и внутренние заключения оператора. Четвертый критерий – технологическая нейтральность, обеспечивающая применимость нормы к биометрии, искусственному интеллекту, облачным сервисам, рекомендательным алгоритмам, цифровым профилям и будущим технологиям без постоянного фрагментарного изменения закона. Пятый критерий – правозащитная результативность, предполагающая способность механизма снижать реальный риск утечки, повторной идентификации, дискриминационного профилирования, незаконной трансграничной передачи либо принятия юридически значимого решения без понятного для субъекта объяснения.

После определения методологических критериев становится возможным перейти к конкретным зарубежным механизмам, сохраняющим значение для российского права после реформ 2025 г. Первым среди них выступает подотчетность контролера. В европейской модели данная категория охватывает обязанность соблюдать требования закона и одновременно предполагает способность доказать соблюдение правовых принципов применительно к конкретным операциям обработки. Л. А. Байгрейв характеризует современное право защиты данных как систему, в которой формальные права субъекта должны обеспечиваться организационными обязанностями лица, определяющего цели и средства обработки [6, с. 74]. О. Лински, развивая сходную позицию, связывает европейское регулирование с переходом от узкого понимания конфиденциальности к более широкой модели институциональной ответственности за информационную власть [7, с. 97]. Для российского права данный подход имеет существенное значение, однако его нельзя представлять как полностью отсутствующий: ст. 18.1 Федерального закона № 152-ФЗ уже закрепляет обязанность оператора принимать необходимые и достаточные меры, издавать локальные акты, осуществлять внутренний контроль, оценивать возможный вред и подтверждать принятие мер по запросу уполномоченного органа.

Именно по данной причине практическая адаптация подотчетности должна состоять не в простом введении новой обязанности, а в конкретизации уже имеющегося регулирования применительно к высокорисковым операциям обработки. В российской модели следует развивать не общий массив документов для всех операторов, а риск-профиль обработки, включающий цель, правовое основание, категории данных, категории субъектов, срок хранения, круг получателей, техническую инфраструктуру, наличие трансграничного элемента, вероятность повторной идентификации, использование автоматизированного решения и меры минимизации вреда. Предложенная конструкция не дублирует ст. 18.1 Федерального закона № 152-ФЗ, а наполняет уже существующую обязанность содержанием, при-

годным для последующей надзорной проверки.

Следующим элементом, связанным с подотчетностью, выступает оценка воздействия на защиту данных. Если подотчетность отвечает на вопрос о том, способен ли оператор подтвердить правомерность своих действий, то оценка воздействия позволяет определить, были ли риски выявлены до начала обработки. В европейском праве данная процедура применяется при обработке, способной создать высокий риск для прав и свобод физических лиц, особенно при использовании новых технологий, масштабной обработке чувствительных сведений, систематическом наблюдении и профилировании. Современные зарубежные исследования показывают, что оценка воздействия должна пониматься не как технический отчет, а как инструмент защиты фундаментальных прав, позволяющий заранее выявить риск дискриминации, непропорционального вмешательства и утраты субъектом контроля [8, с. 8].

Вместе с тем оценка воздействия не должна механически переноситься в российское законодательство в максимально широком виде. Если распространить ее на любую обработку персональных данных, она быстро превратится в формальный документ и увеличит административную нагрузку без очевидного правозащитного результата, поэтому для российской системы более обоснован ограниченный, риск-ориентированный вариант: оценка воздействия должна проводиться при масштабной обработке специальных категорий персональных данных, биометрии, данных несовершеннолетних, медицинской и финансовой информации, скоринге, профилировании, обработке для целей машинного обучения, трансграничной передаче в юрисдикции с неопределенным уровнем защиты и использовании автоматизированных решений, влияющих на доступ к работе, кредиту, социальной выплате, образованию или медицинской помощи. В указанном смысле зарубежная модель DPIA может быть адаптирована не как буквальный аналог европейского регулирования, а как российская процедура оценки высокорисковой обработки, соотношенная со ст. 18.1, ст. 19 и ст. 21 Федерального закона № 152-ФЗ.

Из процедуры оценки риска закономерно возникает вопрос о трансграничной передаче персональных данных, поскольку именно при выходе сведений за пределы национальной юрисдикции контроль субъекта и надзорного органа объективно осложняется. После изменений последних лет российское право уже содержит достаточно развитую уведомительную и оценочную конструкцию, поэтому предложение о простом усилении уведомления не обладало бы научной новизной. Более точным является вопрос о содержании внутреннего вывода оператора: каким образом он устанавливает допустимость передачи, оценивает получателя, правовой режим ино-

стрannого государства, договорные гарантии, меры конфиденциальности, срок хранения, дальнейшие операции и способы защиты субъекта. К. Кунер обоснованно показывает, что трансграничные потоки данных находятся в поле конфликта между защитой частной жизни, экономической необходимостью обмена информацией и различием национальных режимов надзора [9, с. 889]. В развитие рассматриваемой позиции Л. Брэдфорд, М. Абой и К. Лидделл отмечают, что договорные конструкции остаются важным инструментом трансграничной передачи, но нуждаются в связи с оценкой фактической способности импортера соблюдать гарантии защиты [10, с. 17].

Для российской правовой системы перспективна не механическая рецепция европейских стандартных договорных условий, а введение внутреннего заключения о допустимости трансграничной передачи как части документационного досье оператора. Данное заключение должно фиксировать правовое основание передачи, цель, получателя, категорию данных, срок дальнейшего хранения, применяемые организационные и технические меры, порядок реагирования на запросы субъекта, условия прекращения обработки и механизм ответственности иностранного получателя. Подобный документ не заменяет уведомление Роскомнадзора, но делает уведомительную процедуру содержательной, поскольку оператор заранее формирует аргументированную позицию о допустимости передачи и сохраняет ее для последующей проверки.

Наряду с трансграничной передачей особое значение приобретает автоматизированная обработка, поскольку алгоритмические решения способны воздействовать на права субъекта менее заметно, чем традиционные формы сбора и передачи сведений. В российском праве уже существует ст. 16 Федерального закона № 152-ФЗ, посвященная решениям, принимаемым исключительно на основании автоматизированной обработки персональных данных. Следовательно, предложение просто закрепить право на защиту от автоматизированного решения было бы некорректным. Проблема заключается в другом: современная цифровая практика редко сводится к полностью автоматическому решению. Алгоритм может не принимать окончательный акт, но фактически предопределять человеческий выбор через рейтинг, скоринговый балл, цифровой профиль, категорию риска, рекомендацию, предварительный отказ или автоматическое ранжирование.

Данная проблема усиливается нестабильностью границы между персональной и неперсональной информацией. П. М. Шварц и Д. Дж. Солов указывают, что сведения, первоначально не позволяющие идентифицировать лицо, могут приобрести идентифицирующее значение после сопоставления с иными массивами данных [11, с. 1836]. В контексте алгоритмической обработ-

ки данное означает, что субъект может не понимать, какие данные повлияли на результат, почему система отнесла его к определенной группе и каким образом он может оспорить вывод. Российская дискуссия по автоматизированной обработке уже поднимает вопрос о недостаточной конкретизации прав субъекта при принятии решений на основании алгоритмической обработки [12, с. 110]. Одновременно исследования персональных данных в связи с искусственным интеллектом показывают, что ключевым риском является не только утечка информации, но и непрозрачное использование данных для машинного анализа, прогнозирования, классификации и последующего юридически значимого решения [13, с. 72].

Поэтому адаптация зарубежного опыта должна состоять не в требовании раскрывать программный код или математическую модель, а в закреплении минимального стандарта юридически значимой информации. Оператор должен предоставлять субъекту сведения о факте использования автоматизированной обработки, категориях использованных данных, общем характере факторов, повлиявших на результат, возможных юридических последствиях, порядке подачи возражения и лице либо подразделении, ответственном за пересмотр. В зарубежной литературе право на объяснение и человеческое участие рассматривается как один из наиболее сложных элементов регулирования искусственного интеллекта, поскольку чрезмерное требование раскрытия алгоритма может конфликтовать с коммерческой тайной, а слишком общее уведомление не обеспечивает субъекту реальной защиты [14, с. 229]. Для высокорисковых сфер – кредитование, трудоустройство, образование, медицина, социальные выплаты, страхование – требуется не декларативное рассмотрение возражения, а мотивированный пересмотр с участием уполномоченного работника, способного оценить доводы субъекта и при необходимости изменить результат.

Если алгоритмическая обработка демонстрирует сложность объяснения решений, то обезличивание персональных данных раскрывает иную сторону той же проблемы – невозможность считать цифровой риск устраненным за счет одного лишь изменения формы сведений. Российские изменения 2025 г. придали обезличенным данным особое значение, поскольку данная процедура стала рассматриваться как способ снижения риска и одновременно как инструмент формирования составов данных для государственных информационных систем и развития экономики данных. В научной литературе уже отмечается, что правовой режим обезличенных персональных данных не может строиться на презумпции полной безопасности, поскольку современные технологии сопоставления массивов информации сохраняют риск повторной идентификации

[15, с. 47]. В. Ю. Туранин характеризует обезличивание как правовой эксперимент, в рамках которого необходимо учитывать возможности развития данных и риски неконтролируемого оборота информации [16, с. 643]. Е. В. Полуянова, анализируя современные подходы к обезличиванию, обращает внимание на необходимость специальной регламентации данной процедуры, поскольку формальное удаление прямых идентификаторов не всегда исключает восстановление связи между сведениями и конкретным лицом [17, с. 423].

Зарубежный опыт в данной части полезен прежде всего через идею непрерывной оценки риска повторной идентификации. Обезличивание не должно пониматься как разовое техническое действие, поскольку оно образует правовой и организационно-технический режим, зависящий от состава исходных данных, доступности дополнительных массивов, числа получателей, способов преобразования сведений, целей последующего использования, длительности хранения и вероятности обратного сопоставления. Для российской правовой системы перспективным является закрепление требований к методам обезличивания в сочетании с процедурным стандартом контроля: оператор должен оценивать риск повторной идентификации до передачи обезличенного массива, после изменения целей использования и при расширении круга получателей. Подобная модель позволит соединить развитие экономики данных с гарантиями частной жизни без ложной презумпции, согласно которой обезличенные сведения всегда утрачивают правозащитную значимость.

Рассмотрение обезличивания, автоматизированной обработки и трансграничной передачи подводит к более общей проблеме – соотношению согласий и отраслевых стандартов. В российской правовой политике 2025 г. отчетливо проявилась критика модели множественных согласий, поскольку гражданин фактически не способен контролировать большое количество разрешений, данных разным операторам в цифровой среде. Однако отказ от абсолютизации согласия не означает снижение уровня защиты. Напротив, он предполагает перенос центра тяжести на законные цели обработки, минимизацию собираемых сведений, отраслевые правила, сроки хранения, запреты на избыточный сбор, обязательные локальные процедуры и надзорную проверяемость. В сравнительно-правовой литературе подобный сдвиг соответствует общей тенденции перехода от индивидуалистической модели «самоуправления приватностью» к институциональной модели управления информационными рисками. Д. Солов указывает, что приватность не может эффективно защищаться только через индивидуальный выбор, поскольку субъект часто не располагает достаточной информацией и реальной переговорной силой [18, с. 188].

Критика модели согласия получает развитие и в исследованиях, посвященных большим данным. Ф. Кейт и В. Майер-Шенбергер отмечают, что традиционная конструкция notice and consent утрачивает эффективность в условиях больших массивов данных, поскольку субъект не способен заранее оценить все будущие способы использования информации [19, с. 69]. И. Рубинштейн, рассматривая Big Data как вызов классическим представлениям о приватности, делает акцент на необходимости перехода от индивидуально-контроля к системным гарантиям управления рисками [20, с. 77]. Следовательно, российская модель отдельного согласия, несмотря на свое значение, не должна восприниматься как окончательное решение проблемы: она нуждается в дополнении отраслевыми стандартами, риск-ориентированным надзором и обязанностями оператора по минимизации данных.

В российской системе данный переход должен быть осторожным. Отраслевые стандарты могут повысить определенность для операторов и граждан, если они будут устанавливать перечень допустимых целей, минимальный состав данных, сроки хранения, условия передачи третьим лицам, требования к уничтожению, порядок ответа субъекту и признаки высокорисковой обработки. Вместе с тем передача слишком широких правил на уровень подзаконного или методического регулирования способна вызвать риск размывания законодательных гарантий, по данной причине отраслевые стандарты должны рассматриваться как способ конкретизации закона, а не как замена основных прав субъекта персональных данных.

Наиболее продуктивная модель применения зарубежного опыта в России после реформ 2025 г. может быть представлена через три уровня. Первый уровень – законодательный, где должны закрепляться базовые права субъекта, критерии высокорисковой обработки, общая обязанность оценки риска, право на содержательное объяснение автоматизированного решения и гарантии против повторной идентификации. Второй уровень – методический, где уполномоченный орган может утверждать рекомендации по оценке воздействия, признакам высокорисковой обработки, структуре внутреннего заключения о трансграничной передаче, минимальному содержанию алгоритмического уведомления и документированию мер оператора. Третий уровень – локальный, где конкретный оператор формирует карту процессов обработки, риск-профили, журналы обращений субъектов, порядок реагирования на инциденты, шаблоны заключений, внутренние регламенты пересмотра автоматизированных решений и процедуры контроля обезличенных массивов.

Практические предложения, вытекающие из проведенного анализа, должны быть сформулированы с учетом действующей редакции Фе-

дерального закона № 152-ФЗ, чтобы избежать дублирования уже существующих норм. Во-первых, целесообразно развивать не общую «документальную подотчетность», а специальное досье высокорисковой обработки, включающее описание цели, правового основания, категорий данных, субъектов, получателей, срока хранения, технической инфраструктуры, возможного вреда и мер минимизации. Во-вторых, оценка воздействия на защиту персональных данных должна применяться к ограниченному кругу операций: биометрия, специальные категории данных, данные несовершеннолетних, медицинская и финансовая информация, профилирование, машинное обучение, трансграничная передача в юрисдикции с неопределенными гарантиями и автоматизированные решения с юридически значимым эффектом. В-третьих, при трансграничной передаче необходимо формировать внутреннее заключение о допустимости передачи, не заменяющее уведомление Роскомнадзора, но дополняющее его содержательной оценкой рисков. В-четвертых, ст. 16 Федерального закона № 152-ФЗ нуждается не в повторении уже существующего права на возражение, а в конкретизации состава информации, предоставляемой субъекту при автоматизированной обработке, и в установлении мотивированного пересмотра с участием человека. В-пятых, правовой режим обезличенных данных должен включать оценку риска повторной идентификации и контроль последующего использования обезличенных массивов.

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что зарубежный опыт защиты персональных данных сохраняет значение для российской правовой системы, но после реформ 2025 г. он должен применяться более избирательно. Российское законодательство уже закрепило существенный массив обязанностей оператора, усилило санкционный режим, конкретизировало согласие, изменило подход к локализации и создало специальный правовой режим обезличенных данных. В данной ситуации научная и практическая ценность сравнительно-правового анализа состоит не в предложении «перенести GDPR», а в выявлении тех процедур, которые способны сделать российскую модель более риск-ориентированной, проверяемой и технологически нейтральной. Наиболее перспективными являются оценка высокорисковой обработки, внутреннее заключение о трансграничной передаче, алгоритмическая прозрачность, мотивированный человеческий пересмотр автоматизированных решений и постоянный контроль риска повторной идентификации обезличенных данных. Именно указанные механизмы позволяют соединить превентивный потенциал зарубежного опыта с внутренней логикой российского законодательства, не создавая искусственного копирования внешних нормативных конструкций.

Список литературы:

- [1] Талапина Э. В. Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в европейском контексте // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 5. С. 117-150.
- [2] Минбалеев А. В. Перспективные направления правового регулирования персональных данных // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. № 1. С. 83-91.
- [3] Шелудченко И. А. Защита персональных данных в Российской Федерации сквозь призму делегированного правотворчества // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2025. № 1. С. 77-99.
- [4] Быстрыкова С. А. Развитие правового регулирования персональных данных в условиях формирования экономики данных в России // Право и государство: теория и практика. 2024. № 2 (230). С. 179-182.
- [5] Legrand P. The Impossibility of Legal Transplants // Maastricht Journal of European and Comparative Law. 1997. Vol. 4. № 2. P. 111-124.
- [6] Bygrave L. A. Data Privacy Law: An International Perspective. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- [7] Lynskey O. The Foundations of EU Data Protection Law. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- [8] Calvi A. Data Protection Impact Assessment under the EU General Data Protection Regulation: A Feminist Critique // Computer Law & Security Review. 2024. Vol. 53. P. 1-20.
- [9] Kuner C. Reality and Illusion in EU Data Transfer Regulation Post Schrems // German Law Journal. 2017. Vol. 18. № 4. P. 881-918.
- [10] Bradford L., Aboy M., Liddell K. Standard Contractual Clauses for Cross-Border Transfers of Health Data after Schrems II // Journal of Law and the Biosciences. 2021. Vol. 8. № 1. P. 1-35.
- [11] Schwartz P. M., Solove D. J. The PII Problem: Privacy and a New Concept of Personally Identifiable Information // New York University Law Review. 2011. Vol. 86. P. 1814-1894.
- [12] Ушаков А. С. К вопросу о правах субъекта персональных данных при принятии решений на основании автоматизированной обработки информации // Образование и право. 2024. № 10. С. 108-112.
- [13] Окишев Б. А. Особенности правовой охраны персональных данных, обрабатываемых с использованием технологий искусственного интеллекта // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20. № 2. С. 70-75.
- [14] Škorjanc Ž. A Holistic Approach under the GDPR, AI Act, and Directive 2023/2225 to the Right to Explanation of Credit Scores // Global Privacy Law Review. 2025. Vol. 6. № 3. P. 222-240.
- [15] Жирнова Н. А., Солдаткина О. Л. К вопросу о правовом режиме обезличенных персональных данных // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4 (59). С. 44-51.
- [16] Туранин В. Ю. Обезличивание персональных данных как правовой эксперимент: риски и возможности // Юридическая техника. 2025. № 19. С. 641-646.
- [17] Полуянова Е. В. Актуальные вопросы правового регулирования обезличивания персональных данных // Вестник науки. 2025. Т. 4. № 2. С. 421-426.
- [18] Solove D. J. The Digital Person: Technology and Privacy in the Information Age. New York: New York University Press, 2004.
- [19] Cate F. H., Mayer-Schönberger V. Notice and Consent in a World of Big Data // International Data Privacy Law. 2013. Vol. 3. № 2. P. 67-73.
- [20] Rubinstein I. S. Big Data: The End of Privacy or a New Beginning? // International Data Privacy Law. 2013. Vol. 3. № 2. P. 74-87.

References:

- [1] Talapina E. V. Personal Data Protection in the Digital Age: Russian Law in a European Context // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 13. No. 5. P. 117-150.
- [2] Minbaleev A. V. Promising Directions for the Legal Regulation of Personal Data // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2024. No. 1. P. 83-91.
- [3] Sheludchenko I. A. Personal Data Protection in the Russian Federation through the Prism of Delegated Law-Making // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. 2025. No. 1. P. 77-99.
- [4] Bystryakova S. A. Development of Legal Regulation of Personal Data Amidst the Formation of a Data Economy in Russia // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 2 (230). P. 179-182.
- [5] Legrand P. The Impossibility of Legal Transplants // Maastricht Journal of European and Comparative Law. 1997. Vol. 4. No. 2. P. 111-124.
- [6] Bygrave L. A. Data Privacy Law: An International Perspective. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- [7] Lynskey O. The Foundations of EU Data Protection Law. Oxford: Oxford University Press, 2015.

- [8] Calvi A. Data Protection Impact Assessment under the EU General Data Protection Regulation: A Feminist Critique // *Computer Law & Security Review*. 2024. Vol. 53. P. 1-20.
- [9] Kuner C. Reality and Illusion in EU Data Transfer Regulation Post Schrems // *German Law Journal*. 2017. Vol. 18. No. 4. P. 881-918. [10] Bradford L., Aboy M., Liddell K. Standard Contractual Clauses for Cross-Border Transfers of Health Data after Schrems II // *Journal of Law and the Biosciences*. 2021. Vol. 8. No. 1. P. 1-35.
- [11] Schwartz P. M., Solove D. J. The PII Problem: Privacy and a New Concept of Personally Identifiable Information // *New York University Law Review*. 2011. Vol. 86. P. 1814-1894.
- [12] Ushakov A. S. On the Rights of the Data Subject Regarding Decisions Based on Automated Information Processing // *Education and Law*. 2024. No. 10. P. 108-112.
- [13] Okishev B. A. Specifics of Legal Protection for Personal Data Processed Using Artificial Intelligence Technologies // *Problems of Economics and Legal Practice*. 2024. Vol. 20. No. 2. P. 70-75.
- [14] Škorjanc Ž. A Holistic Approach under the GDPR, AI Act, and Directive 2023/2225 to the Right to Explanation of Credit Scores // *Global Privacy Law Review*. 2025. Vol. 6. No. 3. P. 222-240.
- [15] Zhirnova N. A., Soldatkina O. L. On the Legal Regime of Anonymized Personal Data // *Bulletin of Voronezh State University. Series: Law*. 2024. No. 4 (59). P. 44-51.
- [16] Turanin V. Yu. Anonymization of Personal Data as a Legal Experiment: Risks and Opportunities // *Legal Technique*. 2025. No. 19. P. 641-646. [17] Poluyanov E. V. Current Issues in the Legal Regulation of Personal Data Anonymization // *Bulletin of Science*. 2025. Vol. 4. No. 2. P. 421-426.
- [18] Solove D. J. *The Digital Person: Technology and Privacy in the Information Age*. New York: New York University Press, 2004.
- [19] Cate F. H., Mayer-Schönberger V. Notice and Consent in a World of Big Data // *International Data Privacy Law*. 2013. Vol. 3. No. 2. P. 67-73.
- [20] Rubinstein I. S. Big Data: The End of Privacy or a New Beginning? // *International Data Privacy Law*. 2013. Vol. 3. No. 2. P. 74-87.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 11.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2949-0871-2026-4-31-34

ШАРКОВ Антон Валерьевич,
кандидат философских наук,
доцент кафедры культурологии и
социально-гуманитарных технологий
ФГАОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет»,
e-mail: av.sharkov@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ПУБЛИЧНЫХ (ОБЩЕСТВЕННЫХ) ПРОСТРАНСТВ

АННОТАЦИЯ. В статье предпринята попытка изучить комплекс правовых норм, регулирующих статус публичных (общественных) пространств. Проблема правового статуса публичных (общественных) пространств носит комплексный характер, поскольку данный термин так или иначе пересекается с отдельными отраслями права и входит в состав различных правовых институтов. В современных условиях особое значение данный вопрос приобретает в контексте проблемы организации комфортной городской среды.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: публичное (общественное) пространство, общественное место, комфортная городская среда, территория общего пользования, право на город.

SHARKOV Anton Valerievich,
PhD, Associate Professor,
Department of Cultural Studies and
Social-Humanitarian Technologies, Perm State University

ON THE ISSUE OF THE LEGAL STATUS OF PUBLIC (PUBLIC) SPACES

ANNOTATION. The article attempts to study the complex of legal norms governing the status of public (public) spaces. The problem of the legal status of public (public) spaces is complex, since this term somehow intersects with certain branches of law and is part of various legal institutions. In modern conditions, this issue is of particular importance in the context of the problem of organizing a comfortable urban environment.

KEY WORDS: public space, public place, comfortable urban environment, common area, right to the city.

Нормативно-правовое регулирование создания и существования публичных (общественных) пространств является неоднородным и достаточно противоречивым. Необходимо отметить, что «публичное пространство» («общественное пространство») в целом не является юридической категорией. В российском и международном праве можно обнаружить схожие по форме и по содержанию юридические категории, отдельные элементы которых могут входить в более широкое понятие публичного (общественного) пространства.

Так, в Международной конвенции по борьбе с бомбовым терроризмом (Нью-Йорк, 15 декабря 1997 г.) устанавливается понятие «места общественного пользования» (часть 5 ст. 1 конвенции). В общем и целом, в указанном документе под местом общественного пользования

понимается любое место, которое доступно или открыто для населения [7]. При этом, согласно конвенции, не имеет значения временный или бессрочный характер такого доступа. В данном случае необходимо понимать, что предметом регулирования указанной конвенции не являются отношения, связанные с культурной политикой или досугом населения, однако другого такого определения в международном праве в настоящее время нет.

Российское законодательство также не содержит определения понятия публичное (городское) пространство, однако схожее понятие употребляется, например, Кодексе РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ). Так, ст. 20.20 КоАП РФ содержит несколько правовых норм, запрещающих распитие алкогольной продукции, а также употребление нар-

котических средств и психотропных веществ в общественных местах [6]. В данном случае, как и в приведенной выше конвенции, примерный перечень общественных мест в норме есть, но он не является исчерпывающим. В административном законодательстве к общественным местам относятся улицы, стадионы, в скверы, парки, транспортные средства общего пользования [6]. После перечисления идет указание на «другие общественные места». Давая интерпретацию указанному положению закона, исследователь А.Л. Ан полагает, что к общественным местам в том числе можно отнести детские, образовательные и медицинские организации, все виды общественного транспорта городского и пригородного сообщения, организации культуры, физкультурно-оздоровительные и спортивные сооружения [4].

Представляется, что частью публичного (городского) пространства могут выступать и территории общего пользования. Эти два понятия имеют смысловое пересечение, при этом второе из них является нормативным и прописано в законе. Градостроительный кодекс РФ определяет территории общего пользования как «территории, которыми беспрепятственно пользуется неограниченный круг лиц» [3]. Согласно градостроительному законодательству, перечень таких территорий также как в КоАП РФ не является исчерпывающим. К уже указанным «общественным местам» (по КоАП РФ) законодатель в качестве таких территорий добавляет бульвары, площади, проезды, набережные, береговые полосы водных объектов общего пользования (ч. 12 ст. 1 Градостроительного кодекса РФ) [3]. Разница в правовом регулировании между Градостроительным кодексом РФ и КоАП РФ отчетливо может быть установлена путем сопоставления этих двух определений: общественное место и территория общего пользования. В состав последнего из них не включается и не может быть включено, например, транспортное средство общего пользования, поскольку регулирование отношений между людьми в таком транспорте не является предметом градостроительного законодательства в целом. Для градостроительного законодательства публичное (городское) пространство это в первую очередь земля и отношения, вытекающие из использования этой земли разными субъектами права.

Другой подход, который имеет право на существование, это раскрытие содержания понятия «публичное (городское) пространство» через понятия «городская среда» или «комфортная городская среда». В международной практике имеются отраслевые и рамочные международные документы, в которых могут закрепляться отдельные положения, связанные с городским планированием (например Программа Организации Объединенных Наций по населенным пунктам – ООН-Хабитат) [5]. Как справедливо отме-

чает А.Г. Илюхин, идея комфортной городской среды не закреплена в нормативно-правовых актах, однако содержание этого понятия можно в правовом аспекте раскрыть через совокупность некоторых конституционных прав граждан, таких как «право на благоприятную окружающую среду, а также права и свободы человека и гражданина, связанные с использованием, владением и распоряжением земель, иными объектами природы и окружающей среды, право на ведение предпринимательской деятельности, свободе творчества, праве на участие в культурной жизни и других правах» [4].

Исследователь Харинов И.Н., рассуждая о проблемах защиты права на комфортную городскую среду, обращает внимание на тот факт, что согласно указам Президента РФ, эффективность градостроительной деятельности учитывается как критерий эффективности высших должностных лиц субъектов РФ и органов местного самоуправления [10]. Также Правительством РФ утверждены критерии расчета индекса городской среды, в который включаются: доля озелененных территорий общего пользования, обеспеченность спортивной инфраструктурой; доля освещенных частей улиц, проездов, набережных на конец года в общей протяженности улиц, проездов, набережных [8].

Имеет право на существование подход, согласно которому проблема правового регулирования создания и существования публичных (городских) пространств может быть рассмотрена через развивающуюся сегодня концепцию «права на город» (А. Лефевр, Д. Харви и др.). Концепция «права на город» представляет собой совокупность представлений о городе, как пространственной среде, в которой в постоянном взаимодействии находятся разные субъекты городской жизни. Это взаимодействие, с точки зрения Е.О. Гольяевой, обеспечивает комплексное развитие социальной, градостроительной и правовой сфер [2]. В контексте концепции «Права на город» эти области неразрывно связаны между собой и представляют единую систему. Принципиально то, что концепция «права на город» включает в себя определенные, в том числе правовые возможности, для выстраивания отношений субъектов городской жизни с целью формирования и использования публичного (городского) пространства. Конечно, такого субъективного права как «право на город» у граждан в строго юридическом смысле слова нет, однако именно эта теоретическая конструкция позволяет объединить по определенному признаку нормы различных отраслей российского законодательства. Это становится возможным поскольку взаимодействия граждан, организаций и органов публичной власти так или иначе основываются на различных правовых нормах и предписаниях. Эта концепция объединяет огромное количество правовых норм из разных отраслей права, по-

сколькx в данном случае по главу угла ставятся не сами отношения между субъектами, урегулированные законом, а место, где эти отношения выстраиваются. В первую очередь это относится к градостроительным нормативно-правовым актам (в т.ч. тем, которые регулируют вопросы благоустройства в городской среде), экологическому и жилищному законодательству и др. Особо отметим, что вопросы создания и содержания объектов, составляющих публичное (городское пространство), в соответствии с законом, должны решаться органами местного самоуправления [9]. В свою очередь граждане имеют право в различных формах принимать участие в публичных слушаниях относительно решения вопросов местного значения (например, при обсуждении

изменений, которые будут вноситься в генеральный план города).

Таким образом, понятие публичного (общественного) пространства является собирательным. Оно охватывает разные пласты общественных отношений, урегулированных правом, такие как благоустройство, защита памятников культуры, охрана природы, охрана общественного порядка, формирование комфортной городской среды и т.д. Точная дефиниция публичного (общественного) пространства позволила бы синхронизировать, привести к единому знаменателю различные отрасли права, способствовала бы унификации понятийного аппарата отечественного законодательства.

Список литературы:

- [1] Ан А.Л. Роль общественного пространства в муниципальных образованиях // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2012. – № 1. – С. 174-184.
- [2] Гольяева Е.О. Продвижение «права на город» для градостроительного развития // Архитектура и современные информационные технологии. – 2015. – № 1(30). – С. 17.
- [3] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ. // [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/12138258> (дата обращения 20.06.2026).
- [4] Илюхин А.Г. Городское планирование и концепция комфортной городской среды // Символ науки: международный научный журнал. – 2022. – № 1-2. – С. 52-54.
- [5] Илюхин А.Г. Концепт комфортной городской среды в практике международного регулирования // Символ науки: международный научный журнал. – 2022. – № 1-2. – С. 51-52.
- [6] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. // [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/186367> (дата обращения 20.06.2026).
- [7] Международная конвенция по борьбе с бомбовым терроризмом (Нью-Йорк, 15 декабря 1997 г.). // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml (дата обращения 20.06.2026).
- [8] Распоряжение Правительства РФ от 23.03.2019 № 510-р «Об утверждении Методики формирования индекса качества городской среды». // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320891/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2 (дата обращения 20.06.2026).
- [9] Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». // [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/186367> (дата обращения 20.06.2026).
- [10] Харинов И.Н. Проблемы защиты права на комфортную городскую среду // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 6. С. 58–64.

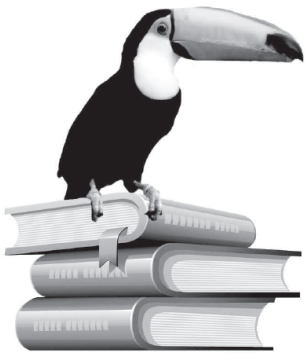
References:

- [1] An A.L. The Role of Public Space in Municipalities // Public and Municipal Administration Issues. – 2012. – No. 1. – P. 174-184.
- [2] Golyaeva E.O. Promoting the «Right to the City» for Urban Development // Architecture and Modern Information Technologies. – 2015. – No. 1(30). – P. 17.
- [3] Urban Planning Code of the Russian Federation No. 190-FZ dated December 29, 2004. // [Electronic resource]. – URL: <https://base.garant.ru/12138258> (accessed June 20, 2026).
- [4] Ilyukhin A.G. Urban Planning and the Concept of a Comfortable Urban Environment // Symbol of Science: International Scientific Journal. – 2022. – No. 1-2. – P. 52-54.
- [5] Ilyukhin A.G. The Concept of a Comfortable Urban Environment in International Regulatory Practice // Symbol of Science: International Scientific Journal. – 2022. – No. 1-2. – P. 51-52.
- [6] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses No. 195-FZ dated December 30, 2001. // [Electronic resource]. – URL: <https://base.garant.ru/186367> (accessed June 20, 2026).
- [7] International Convention for the Suppression of Terrorist Bombings (New York, December 15, 1997). // [Electronic resource]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml (accessed June 20, 2026). [8] Directive of the Government of the Russian Federation No. 510-r dated

March 23, 2019, «On Approval of the Methodology for Formulating the Urban Environment Quality Index.» // [Electronic resource]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320891/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2 (accessed June 20, 2026).

[9] Federal Law No. 131-FZ dated October 6, 2003, «On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation.» // [Electronic resource]. – URL: <https://base.garant.ru/186367> (accessed June 20, 2026).

[10] Kharinov I.N. Problems of Protecting the Right to a Comfortable Urban Environment // Russian Law: Education, Practice, Science. 2021. No. 6. P. 58–64.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

МУСТАФАЕВА Азизе Сеидаметовна,
студентка 5 курса 501-СПД/з группы
Крымского филиала
ФГБОУВО «РГУП имени В.М. Лебедева»,
Симферополь, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
БАХРИЕВА З.Р.,
доцент кафедры гражданского права
Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»,
кандидат юридических наук, доцент,
г. Симферополь, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

СУДЕБНОЕ УСМОТРЕНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ТРАНСФОРМАЦИИ ДИСПОЗИТИВНЫХ НОРМ В ИМПЕРАТИВНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ ДОГОВОРА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье исследуется теоретико-правовой механизм, посредством которого судебное усмотрение трансформирует диспозитивные нормы договорного права в императивные ограничения свободы договора. Анализируется логико-правовая конструкция перехода от диспозитивной нормы (ст. 421 ГК РФ) через соглашение сторон к судебной квалификации с использованием оценочных категорий (недобросовестность, кабальность, противоречие основам правопорядка) и далее к фактическому императиву – ничтожности условия договора. Рассматривается проблема легитимности судебного усмотрения как источника «функциональных императивов» в контексте доктрин судейского позитивизма и свободы усмотрения как правовой необходимости. Особое внимание уделяется природе оценочных понятий и герменевтическому кругу, в котором суд интерпретирует диспозитивную норму так, что она утрачивает альтернативность. На основе анализа источников формулируются выводы о логико-правовой структуре превращения дозволения в запрет через акт судебной квалификации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: свобода договора, судебное усмотрение, диспозитивная норма, императивное ограничение, оценочные понятия, недобросовестность, ничтожность сделки.

MUSTAFAEVA Azize Seidametovna,
5th year student, 501-SPD/z group
of the Crimean branch of
Federating State Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»
Simferopol, Russia

Academic Supervisor:
MUSTAFAEVA Azize Seidametovna,
Associate Professor of the Department of Civil Law
Crimean branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev”,
Candidate of Law, Associate Professor,
Simferopol, Russia

JUDICIAL DISCRETION AS A MECHANISM FOR TRANSFORMING DISPOSITIVE NORMS INTO IMPERATIVE RESTRICTIONS ON FREEDOM OF CONTRACT: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

ANNOTATION. This article examines the legal nature of public control over police activities. Legislative and doctrinal approaches to defining this concept are analyzed, problems of normative uncertainty associated with the absence of a unified legal definition and a clear mechanism for implementing control powers are

identified. The subjects of public control, their powers and practical difficulties arising in the exercise of control functions are considered. Special attention is paid to the formal approach on the part of heads of territorial internal affairs bodies and low legal activity of the population. Based on the studied sources, proposals for improving regulatory regulation are formulated..

KEY WORDS: freedom of contract, judicial discretion, dispositive norm, imperative restriction, evaluative concepts, bad faith, nullity of transaction.

Принцип свободы договора, закреплённый в п. 1 ст. 1 и ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), признаётся одним из фундаментальных начал гражданского законодательства. Однако этот принцип не является абсолютным: законодатель и судебная практика устанавливают пределы его реализации. Полагаем, что ключевая теоретическая проблема заключается в том, что ограничения свободы договора возникают не только из прямых императивных норм, но и формируются опосредованно через механизм судебного усмотрения. Суд, применяя оценочные категории («добросовестность», «разумность», «справедливость», «кабальность»), фактически трансформирует диспозитивное по своему характеру правило в императивный запрет.

Так, в настоящей статье предпринята попытка теоретико-правового анализа этого механизма путем исследования следующей логической структуры перехода: «диспозитивная норма – соглашение сторон – судебная квалификация – фактический императив».

Отправной точкой для понимания соотношения диспозитивных и императивных начал в договорном праве является разграничение презумпций. Как справедливо отмечает А.Р. Алимгафарова, «наиболее эффективным нам видится закрепление различных презумпций в зависимости от субъектов того или иного правоотношения, а именно, презумпции императивности в отношениях с участием граждан и презумпции диспозитивности в отношениях между коммерсантами» [3].

Разделяем этот подход, однако он не снимает вопроса о роли суда в тех случаях, когда формально диспозитивная норма, предназначенная для отношений между коммерсантами, становится императивной из-за фактического неравенства переговорных возможностей. Именно здесь судебное усмотрение выступает механизмом, корректирующим изначальную законодательную презумпцию.

Сам принцип свободы договора, как указывает М.А. Горбунова, «является частным по отношению к более широкому принципу – свободе лица и автономии его воли» [5]. Изучая проблему судебного правотворчества, автор обращает внимание на процедуру «*contra legem*», когда суд отступает от буквального текста нормы, руководствуясь целями законодательного регулирования. При этом, как подчёркивается в исследовании, «возможность судебного правотворчества прошла долгий и тернистый путь».

В контексте темы настоящего исследования это означает, что судебное усмотрение, трансформирующее диспозитивную норму в императивное ограничение, исторически воспринималось как допустимый, но требующий осторожного применения инструмент. Считаем, что именно через механизм «*contra legem*» (обход закона путём телеологического толкования) суд фактически создаёт новый императив, которого нет в тексте ГК РФ.

Необходимо различать законодательно установленные границы свободы договора и те пределы, которые формируются судебной практикой. Л.А. Муравьева в своей работе обобщает, что «свобода договора реализуется в парадигме того, что разрешено все, что не противоречит нормам закона и не является запрещённым им: вместе с диспозитивными нормами права законом определены нормы императивные, которые не могут быть проигнорированы участниками» [7]. Однако следует обратить внимание на то, что в процессе правоприменения суд может придать диспозитивной норме императивный характер, если усмотрит в действиях стороны злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ) или признаки кабальности (ст. 179 ГК РФ). Внешне норма остаётся диспозитивной («если иное не предусмотрено договором»), но в конкретном споре суд признаёт отклонение от неё недействительным. Возникает вопрос: является ли такое решение суда актом толкования или актом правотворчества?

Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к доктринальным критериям разграничения императивных и диспозитивных норм, сформулированным в Постановлении Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах». Согласно п. 2 этого Постановления, «норма, определяющая права и обязанности сторон договора, является императивной, если она содержит явно выраженный запрет на установление соглашением сторон условия договора, отличного от предусмотренного этой нормой правила» [2]. Однако далее, в п. 3 разъясняется, что при отсутствии явного запрета норма может быть признана императивной, если это необходимо для защиты особо значимых охраняемых законом интересов (слабой стороны, третьих лиц, публичных интересов) либо для недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон. Полагаем, что именно этот пункт открывает широкое поле для судебного усмотрения: суд самостоятельно оценивает, требуется ли в данном случае «превратить» диспозитивное правило в императивное ограничение.

Более того, как отмечают М.А. Корольков и И.Е. Певцова, «даже при формальном согласии сторон на определенное условие, оно может быть признано недействительным, если нарушает публичные интересы или основы правопорядка» [6]. Это означает, что судебное усмотрение действует как фильтр, через который проходят согласованные сторонами условия. Диспозитивная норма позволяет сторонам отступить от неё, но если суд, используя оценочные понятия (ст. 10, 168, 169 ГК РФ), квалифицирует такое отступление как недобросовестное или противоречащее публичному порядку, то соглашение сторон утрачивает юридическую силу. Фактически возникает новый императив: «запрещено согласовывать условие, которое суд впоследствии признает несправедливым».

Природа оценочных понятий, таких как «добросовестность» и «разумность», играет ключевую роль в исследуемом механизме. Как подчёркивают А.Г. Бабаева и Р.С. Кожаев, «принцип свободы договора своими корнями уходит в философское определение понятия «свободы»» [4]. Следовательно, именно философская неопределённость категории свободы переносится в правовую материю через оценочные понятия. Суд, интерпретируя добросовестность, наполняет её конкретным содержанием применительно к обстоятельствам дела. Если ранее диспозитивная норма позволяла сторонам любое поведение, не запрещённое законом, то после судебного акта, признавшего определённое условие недобросовестным, возникает прецедентное (функциональное) ограничение. Для других участников оборота это означает, что аналогичное условие будет признано ничтожным, даже если закон прямо его не запрещает.

Законодательное закрепление принципа свободы договора содержится в ст. 421 ГК РФ, где установлено, что «граждане и юридические лица свободны в заключении договора» (п. 1), а также что «условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами» (п. 4) [1].

На первый взгляд, эта норма является клас-

сически диспозитивной. Однако, как показывает судебная практика и разъяснения Пленума ВАС РФ № 16, свобода усмотрения сторон ограничена не только прямыми императивами, но и «существом законодательного регулирования» (п. 3 Постановления № 16). Суд, устанавливая это существо, входит в роль интерпретатора, который может объявить императивным то, что законодатель прямо не запретил. Это явление следует считать «герменевтическим кругом»: суд исходит из целей закона, чтобы ограничить свободу договора, но эти цели не зафиксированы императивно, а реконструируются самим судом.

Таким образом, следует сформулировать следующие теоретические выводы. Во-первых, судебное усмотрение выступает самостоятельным механизмом трансформации диспозитивных норм в императивные ограничения свободы договора, что проявляется в логической цепочке: диспозитивная норма – соглашение сторон – судебная квалификация с использованием оценочных понятий – фактический императив (ничтожность условия).

Во-вторых, легитимность такого механизма основывается на п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ № 16, который позволяет суду признавать норму императивной без явного запрета в законе, если этого требуют защита слабой стороны или публичных интересов.

В-третьих, оценочные понятия («добросовестность», «недобросовестность», «кабальность») служат правовыми «катализаторами» этого процесса: именно через их толкование суд придаёт диспозитивному правилу императивную силу.

В-четвёртых, разграничение допустимого судебного правотворчества и произвольного ограничения свободы договора возможно лишь при условии, что суд в каждом случае явно указывает, какой именно охраняемый законом интерес требует признания нормы императивной. Без такой мотивировки судебное усмотрение превращается в скрытый источник правовой неопределённости, что противоречит самому принципу свободы договора.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // *Собрание законодательства РФ*. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
- [2] Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // *Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ*. — 2014. — № 5.
- [3] Алимгафарова А. Р. К вопросу об императивных и диспозитивных началах в российском договорном праве // *Juvenis scientia*. 2017. №1. С. 30-32.
- [4] Бабаева А. Г., Кожаев Р. С. Принцип свободы договора в гражданском праве // *Символ науки*. 2023. №10-2. С. 134-137.
- [5] Горбунова М. А. Свобода договора и ее пределы // *Форум молодых ученых*. 2022. №5 (69). С. 78-87.
- [6] Корольков М. А., Певцова И. Е. Свобода договора и ее пределы: императивные ограничения

и диспозитивное регулирование // Вестник науки. 2025. №5 (86). С. 471-479.

[7] Муравьева Л. А. Правовые основы принципа свободы договора и его пределов // Вестник науки. 2025. №3 (84). С. 194-202.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994 (as amended on July 31, 2025, and March 25, 2026; with amendments and additions effective from August 1, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1994. — No. 32. — Art. 3301.

[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 16 dated March 14, 2014, «On Freedom of Contract and Its Limits» // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. — 2014. — No. 5.

[3] Alimgafarova A. R. On the Issue of Mandatory and Dispositive Principles in Russian Contract Law // *Juvenis Scientia*. 2017. No. 1. P. 30–32.

[4] Babaeva A. G., Kozhaev R. S. The Principle of Freedom of Contract in Civil Law // *Simvol Nauki*. 2023. No. 10-2. P. 134–137.

[5] Gorbunova M. A. Freedom of Contract and Its Limits // *Forum of Young Scientists*. 2022. No. 5 (69). P. 78–87.

[6] Korolkov M. A., Pevtsova I. E. Freedom of Contract and Its Limits: Mandatory Restrictions and Dispositive Regulation // *Vestnik Nauki*. 2025. No. 5 (86). P. 471–479.

[7] Muravyeva L. A. Legal Foundations of the Principle of Freedom of Contract and Its Limits // *Vestnik Nauki*. 2025. No. 3 (84). P. 194–202.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

МЯКИШЕВА Нелли Викторовна,
студент магистратуры,
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И ДЕФЕКТНАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В ПРАВЕ: КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. В условиях нарастающей вариативности судебной практики и частых обращений в Конституционный Суд Российской Федерации по вопросам неопределенности в праве проблема разграничения инструментально оправданной и дефектной неопределенности приобретает особую актуальность. Исследование исходит из диалектического противоречия между требованием формальной определенности права и необходимостью его адаптации к динамике общественных отношений. Используя диалектическую методологию, анализируя и обобщая правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации предлагается развернутая система критериев, позволяющих дифференцировать функциональную (инструментально оправданную) неопределенность от дефектной (недопустимой). Вводятся авторские концепции «горизонтальной герменевтической разрешимости», «вертикальной институциональной компенсируемости» и «интерпретационной плотности» как ключевых диагностических инструментов. Выводы имеют прикладное значение для совершенствования юридической техники и оценки правовых норм на предмет их соответствия конституционному принципу правовой определенности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: неопределенность в праве, функциональная неопределенность, дефектная неопределенность, критерии разграничения, правовая определенность, юридическая техника.

MYAKISHEVA Nelly Viktorovna,
Master's student,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia

FUNCTIONAL AND DEFECTIVE UNCERTAINTY IN LAW: CRITERIA FOR DISTINCTION

ANNOTATION. Amidst the growing variability of judicial practice and frequent appeals to the Constitutional Court of the Russian Federation regarding legal uncertainty, the issue of distinguishing between instrumentally justified uncertainty and defective uncertainty has become particularly relevant. The study proceeds from the dialectical contradiction between the requirement for formal legal certainty and the need to adapt the law to the dynamics of social relations. By employing a dialectical methodology and analyzing the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the author proposes a comprehensive system of criteria to differentiate functional (instrumentally justified) uncertainty from defective (impermissible) uncertainty. The study introduces the concepts of «horizontal hermeneutic resolvability», «vertical institutional compensability», and «interpretative density» as key diagnostic tools. The findings have practical significance for improving legal drafting techniques and assessing legal norms for compliance with the constitutional principle of legal certainty.

KEY WORDS: legal uncertainty, functional uncertainty, defective uncertainty, criteria for distinction, legal certainty, legal drafting technique.

Применение диалектического подхода обусловило трактовку неопределенности в праве в качестве двойственного феномена, где функциональная и дефектная составляющие образуют подвижное единство, пребывающее в состоянии динамического противовеса. Обращение к формально-догматической методике потребовалось в ходе изучения действующих нормативных предписаний и выработки системных оснований для отграничения смежных

критериев. Посредством телеологического (целевого) анализа доктринальных установок, выработанных Конституционным Судом Российской Федерации, раскрыто содержательное наполнение оценочных понятий и произведена систематизация правоприменительных подходов, сложившихся в судебной практике. При разработке авторской системы критериев задействованы методы системного анализа, моделирования и герменевтической интерпретации текста.

Комплексное применение указанных методов обеспечивает достоверность выводов и прикладную значимость предложенных диагностических инструментов.

Принципиальное методологическое замечание: предлагаемая система критериев выстраивается по принципу многоуровневого фильтра, где каждый последующий критерий актуализируется лишь при успешном прохождении предшествующего. Такая стратификация позволяет избежать логической ошибки, когда противоречивые выводы на разных уровнях анализа парализуют правоприменительное решение.

В современной юридической науке прочно утвердилась аксиома, согласно которой формальная определенность является атрибутивным свойством права. Однако эмпирический анализ и теоретические исследования показывают, что полная и абсолютная определенность правовых предписаний является недостижимым идеалом. Как справедливо подчеркивал Ершов В.В. «неопределенность права» и «определенность права» образуют «объективно неизбежные парные категории» [6, с. 12]. Неопределенность является свойством права, имеющим как позитивное, так и негативное значение. Именно этот дуализм — способность неопределенности выступать одновременно как регулятивный ресурс и как системный дефект — составляет ядро настоящего исследования.

Философско-правовой анализ показывает, что неопределенность укоренена в самой природе права и языка. Харт Г.Л.А. связывал неопределенность с «открытой текстурой» естественного языка. Как отмечает Оглезнев В.В. «то, что мы не можем дать исчерпывающего определения общим правовым понятиям, связано с тем, что они обладают «открытой текстурой»... когда мы движемся от ядра к периферии, границы понятия как бы размываются и становятся неясными» [7, с. 166].

Функциональная (допустимая) неопределенность представляет собой сознательно санкционируемый правотворческим органом элемент нормативного содержания, направленный на достижение социально значимых целей правового регулирования. Как обоснованно констатируется в доктрине, тотальный императив и жесткая регламентация часто теряют практическую целесообразность, а порой объективно нереализуемы. Выходом служат отдельные диспозитивные элементы и свобода усмотрения, что позволяет смягчить нормативный догматизм. При этом оценочные конструкции признаются не дефектом, а насущной необходимостью: при надлежащих условиях они придают регулированию одновременно и устойчивость, и гибкость, выступая тем самым связующим элементом, соединяющим формально-юридические предписания с динамикой реальных общественных отношений.

Дефектная (недопустимая) неопределен-

ность в праве представляет собой качество правовой нормы или их системы, при котором вследствие нарушения требований формальной определенности, логической непротиворечивости или нормативной полноты адресат правового предписания лишается возможности с необходимой степенью достоверности предвидеть юридические последствия собственного поведения, а правоприменитель — вынести законное и обоснованное решение, не прибегая к произвольному усмотрению. В соответствии с постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 15.07.1999 № 11-П неопределенность содержания правовой нормы... допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и неизбежно ведет к произволу [1]. Европейский Суд по правам человека в постановлении от 26.04.1979 также подчеркивает, что закон во всяком случае должен отвечать установленному Конвенцией стандарту, требующему, чтобы законодательные нормы были сформулированы с достаточной четкостью и позволяли лицу предвидеть с какими последствиями могут быть связаны те или иные его действия [5].

Ключевое практическое значение для правотворческой и правоприменительной деятельности имеет система критериев, позволяющих отличить функциональную неопределенность от дефектной. В отличие от условий допустимости (отвечающих на вопрос «можно ли использовать неопределенность?») и пределов (отвечающих на вопрос «насколько далеко можно зайти?»), критерии разграничения отвечают на вопрос «как определить, с чем мы имеем дело — с инструментом или с дефектом?». Предлагается развернутая система из шести взаимосвязанных критериев.

1. Критерий горизонтальной герменевтической разрешимости (семантический критерий)

Сущность данного критерия заключается в оценке способности нормативного текста формировать устойчивое герменевтическое ядро — минимальный, но необходимый объем содержания, извлекаемый посредством стандартных интерпретационных процедур (грамматической, логической и систематической).

Функциональная неопределенность предполагает, что даже при неясности периферийных зон правового понятия его смысловой центр остается устойчивым относительно различных способов толкования. Иными словами, норма допускает вариативность применения, но не допускает вариативности понимания сущности нормы права.

Дефектная неопределенность, напротив, фиксируется в ситуациях семантической коллизии — когда грамматическая интерпретация вступает в неразрешимое противоречие с логическим или систематическим, порождая равно возможные, но взаимоисключающие выводы. В

отличие от функциональной неопределенности, где нечеткость локализована на периферии, дефектная неопределенность поражает ядерные структуры нормы, делая невозможным установление ее первичного нормативного смысла без обращения к внеправовым (произвольным) аргументам.

2. Критерий вертикальной институциональной компенсируемости (процедурный критерий)

Данный критерий локализован в организационной структуре правовой системы и фиксирует наличие легитимных механизмов, направляющих результат интерпретации на уровень правоприменителя.

Функциональная неопределенность характеризуется наличием в правопорядке процессуальных инструментов, компенсирующих нечеткость нормы: разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, стандарты доказывания, экспертные методики. Согласно постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 22.06.2017 № 16-П значение оценочных понятий должно быть доступно для восприятия и уяснения субъектами... либо посредством выявления более сложной взаимосвязи правовых предписаний [2].

Дефектная неопределенность имеет место при отсутствии либо рамочном, рекомендательном характере компенсаторных механизмов. Отсутствует алгоритм перехода от абстрактного смысла к обязательному решению. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 31.03.2015 № 6-П это препятствует эффективному судебному оспариванию [3].

3. Критерий предсказуемости остаточного диапазона усмотрения (прогностический критерий)

Данный критерий вводит «количественное» измерение усмотрения и активизируется исключительно после подтверждения семантической разрешимости нормы. Его содержание сводится к оценке радиуса дискреционных полномочий, предоставляемых правоприменителю.

Функциональная неопределенность характеризуется ограниченной вариативностью итогового решения: хотя возможные интерпретации могут быть множественны, их количество и содержательные границы определены и поддаются упорядочиванию по степени легитимности. Адресат нормы способен с высокой степенью вероятности идентифицировать ситуации, заведомо выводящие его поведение за пределы правового поля.

Дефектная неопределенность диагностируется в ситуациях неограниченной вариативности, когда множество допустимых исходов оказывается открытым, а дифференциация правомерного и противоправного поведения утрачивает объективные критерии. Обязательная сила закона подменяется в усмотрение, лишен-

ное нормативных ориентиров, что несовместимо с требованием законности.

4. Критерий общедоступности правопонимания (субъектный критерий)

В отличие от герменевтической разрешимости, ориентированной на профессиональные навыки правоприменителя, данный критерий устанавливает способность нормы быть верно воспринятой субъектом права, не обладающим специальной юридической подготовкой.

Функциональная неопределенность допускает уяснение содержания нормы субъектом, проявляющим разумную осмотрительность, посредством доступных разъяснений либо систематического толкования.

Дефектная неопределенность наличествует в случаях, когда добросовестный субъект, принявший все доступные меры для получения информации, оказывается неспособным определить содержание юридического требования ввиду противоречивости и неясности предписаний.

5. Отраслевой критерий юридической соразмерности (аксиолого-юрисдикционный аспект)

Данный критерий позволяет верифицировать легитимность нормативной абстракции через призму ее соответствия сущностным характеристикам регулируемой сферы общественных отношений и доминирующему в данной отрасли методу правового воздействия. Эпистемологическая специфика данного подхода заключается в том, что тождественная степень языковой и содержательной неопределенности юридических предписаний может квалифицироваться как телеологически оправданная в одной правовой плоскости и одновременно трактоваться как нормативный дефект в иной отраслевой среде.

Диспозитивные отрасли демонстрируют имманентную восприимчивость к функциональной неопределенности, где оценочные понятия и вариативные конструкции обретают статус инструментального средства, обеспечивающего автономию воли субъектов и адаптацию императивных предписаний к ситуационному многообразию. Насыщенность Гражданского кодекса отсылочными нормами и оговорками о договорном приоритете не свидетельствует о законотворческом дефекте, а легитимирует сознательно разработанный механизм гибкости.

Дефектная неопределенность констатируется в отраслях с императивным методом регулирования (уголовное, налоговое, административное право), где действует принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege*. Согласно постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 13.07.2010 № 15-П при установлении уголовной и административной ответственности... любое преступление либо административное правонарушение, а равно санкции за их совершение должны быть четко определены в законе... чтобы каждый мог предвидеть уголовно- или административно-правовые последствия своих дей-

ствий [4].

6. Критерий телеологической обоснованности (целевой критерий)

Телеологический критерий выполняет функцию финального аксиологического фильтра, оценивая объективную оправданность обращения законодателя к неопределенным конструкциям.

Функциональная неопределенность характеризуется объективной обоснованностью применения неопределенных правовых конструкций, обращение к которым оправдано исключительно в случаях, когда абстрактность нормы непосредственно вытекает из характера регулируемых отношений (длящиеся обязательства, оценочные категории морального вреда, недобросовестная конкуренция) и не может быть заменена исчерпывающим перечнем без ущерба для полноты регулирования. Отступление от четкости правовых норм допустимо исключительно в случаях, когда цель регулирования объективно не может быть достигнута посредством формализованных предписаний — например, в силу многовариантности общественных отношений, невозможности сформировать закрытый перечень юридических значимых обстоятельств либо из-за высокого риска возникновения правовых пробелов.

Дефектная неопределенность, напротив, характеризуется необоснованным характером ее применения ввиду наличия альтернативного способа, обеспечивающего предсказуемость правового регулирования и определенность в праве без ущерба для полноты правового воздействия.

Следовательно, разграничение функциональной и дефектной неопределенности является насущной потребностью современной правовой системы. Предложенные критерии имеют научную и прикладную значимость, в частности, для экспертизы законопроектов с целью минимизации дефектной неопределенности на этапе разработки нормативных актов, совершенствования юридической техники, оценки действующих норм через призму конституционного принципа правовой определенности и формирования единообразной судебной практики посредством четкого разграничения допустимых и недопустимых форм неопределенности. Внедрение разработанных критериев позволит обеспечить баланс между стабильностью правопорядка и адаптивностью и гибкостью права, а также укрепить гарантии защиты прав и свобод граждан в условиях динамично развивающегося общества.

Список литературы:

[1] По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и Законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции»: постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 № 11-П // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 10.06.2026).

[2] По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца: постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 10.06.2026).

[3] По делу о проверке конституционности п. 1 ч. 4 ст. 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего пп. 1 п. 1 ст. 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть»: постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2015 № 6-П // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 10.06.2026).

[4] По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, ч. 4 ст. 4.5, ч. 1 ст. 16.2 и ч. 2 ст. 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова: постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 15-П // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 10.06.2026).

[5] Дело «Санди Таймс» против Соединенного Королевства. Решение Европейского Суда по правам человека: постановление Европейского суда по правам человека от 26.04.1979 // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 10.06.2026).

[6] Ершов В.В. Парные категории «определенность права» и «неопределенность права» // Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: Материалы XII международной научно-практической конференции. М.: РГУП, 2018. С. 12-42.

[7] Оглезнев В.В. Аристотель и Харт о неопределенности права // ΣΧΟΛΗ (Scholē). – 2020. Т. 14, № 1. С. 164-172.

References:

[1] Case on the review of the constitutionality of certain provisions of the RSFSR Law «On the State

Tax Service of the RSFSR» and the Russian Federation Laws «On the Fundamentals of the Tax System in the Russian Federation» and «On Federal Tax Police Bodies»: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 11-P dated July 15, 1999 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://www.consultant.ru>. (accessed: June 10, 2026).

[2] Case on the review of the constitutionality of the provision of Clause 1, Article 302 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A.N. Dubovets: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 16-P dated June 22, 2017 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://www.consultant.ru>. (accessed: June 10, 2026).

[3] Case on the review of the constitutionality of Clause 1, Part 4, Article 2 of the Federal Constitutional Law «On the Supreme Court of the Russian Federation» and the third paragraph of Sub-clause 1, Clause 1, Article 342 of the Tax Code of the Russian Federation in connection with the complaint of Open Joint-Stock Company «Gazprom Neft»: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 6-P dated March 31, 2015 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://www.consultant.ru>. (accessed: June 10, 2026).

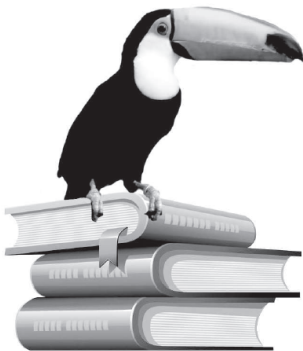
[4] Case on the review of the constitutionality of the provisions of Part 1, Article 188 of the Criminal Code of the Russian Federation, Part 4 of Article 4.5, Part 1 of Article 16.2, and Part 2 of Article 27.11 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in connection with the complaints of citizens V.V. Batalov, L.N. ... Valueva, Z.Ya. Ganieva, O.A. Krasnaya, and I.V. Epov: Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 15-P dated July 13, 2010 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://www.consultant.ru>. (accessed: June 10, 2026).

[5] *The Sunday Times v. the United Kingdom* case. Judgment of the European Court of Human Rights dated April 26, 1979 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://www.consultant.ru>. (accessed: June 10, 2026).

[6] Ershov V.V. The paired categories of «legal certainty» and «legal uncertainty» // Certainty and Uncertainty of Law as Paired Categories: Theoretical and Practical Issues: Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference. Moscow: RGUP, 2018. Pp. 12–42.

[7] Ogleznev V.V. Aristotle and Hart on legal uncertainty // ΣΧΟΛΗ (Schole). – 2020. Vol. 14, No. 1. Pp. 164–172.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ШЕИНОВ Артем Алексеевич,
Институт права и национальной безопасности РАНХиГС
магистратура, направление «Международное право, европейское право,
международная юридическая практика»,
e-mail: sheinov.a@mail.ru

Научный руководитель:
СИМОНИШВИЛИ Лия Робертовна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры прав человека
отделения ВШП Юридического факультета им. М.М. Сперанского
ИПиНБ РАНХиГС,
e-mail: simonishvili-lr@ranepa.ru

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНОГО И ЭКСТРАТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВА

АННОТАЦИЯ. В современной юридической науке вопросы пространственного действия норм права приобретают особую актуальность в условиях интенсификации трансграничных отношений и изменяющегося миропорядка. Традиционное представление о строгой территориальной привязанности правовой системы сталкивается с растущим числом случаев, когда право применяется за пределами государственной границы. Понятие экстерриториальности исторически сложилось как исключение из принципа территориального верховенства государства, позволяющее выводить определенные объекты или субъекты из-под действия местного права. В свою очередь, экстратерриториальность отражает способность государства распространять свое правовое регулирование на отношения, выходящие за географические границы. Но несмотря на близость терминов, их юридическое содержание существенно различается.

Актуальность выбранной темы обусловлена растущим желанием государств подчинить себе те или иные субъекты, находящиеся за пределами границ, используя при этом собственное законодательство, а также отсутствием в отечественной доктрине единого подхода к определению и соотношению экстерриториального и экстратерриториального применения права, что создает пробелы в понимании указанных механизмов.

Цель данной статьи – провести концептуальное разграничение указанных категорий, выявить их существенные признаки и правовые последствия, а также сравнить содержательные характеристики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экстерриториальное применение права, экстратерриториальность, расширенная юрисдикция.

SHEINOV Artem Alekseevich,
RANEPA Institute of Law and National Security,
Master's degree in International Law, European Law,
International Legal Practice

Academic Supervisor:
SHEINOV Artem Alekseevich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Department of Human Rights, Department of Higher School of Economics,
M.M. Speransky Faculty of Law, RANEPA

TO THE QUESTION OF DISTINGUISHING THE CONSENTS OF EXTERRITORIAL AND EXTRATERRITORIAL APPLICATION OF LAW

ANNOTATION. In modern jurisprudence, the issues of spatial operation of legal rules are becoming particularly relevant in the context of the intensification of cross-border relations and changing world order. The traditional notion of strict territorial attachment of the legal system is faced with a growing number of cases where the law is applied outside of State jurisdiction. The concept of exterritoriality has historically developed as an exception to the principle of territorial supremacy of the State, allowing certain objects or

entities to be excluded from the scope of local law. In turn, extraterritoriality reflects the ability of a State to extend its legal regulation to relations that go beyond geographical boundaries. But despite the proximity of the terms, their legal content differs significantly.

The relevance of the chosen topic is determined by the growing desire of states to subordinate themselves or other entities located outside their borders through this legislation, as well as the presence in the domestic doctrine of a mandatory dependence on the definition and relationship of extraterritorial and extraterritorial application of law, which gives rise to the specified parameters.

The purpose of this article is to make a conceptual distinction between these categories, identify their essential features and legal consequences, and compare their substantive characteristics.

KEY WORDS: extraterritorial application of law, extraterritoriality, expanded jurisdiction.

Пространственное действие национального законодательства за пределы государственных границ, согласно зарубежной научной доктрине, обычно применяется в международно-правовом контексте [1, ст. 185]. Американская доктрина «эффекта», отождествляемая с вышеуказанным явлением, была выведена судьей Биллингсом Лернед Хэндом в деле *United States v. Aluminum Co. of America* по случаю нарушения антимонопольного законодательства США. Он отметил, что «любое государство может привлечь к ответственности иностранное лицо за деяние, совершенное за его пределами, но имеющее негативные последствия внутри этого государства и наказуемое в этом государстве» [2, ст. 87]. По мнению ученых, эта доктрина позволяет государствам злоупотреблять применением национальных правовых норм и поэтому подвергается резкой критике. Кроме того, использование данного механизма является нарушением принципа недискриминации и, в частности, режима наибольшего благоприятствования, если речь идет о международном экономическом праве, а также ряда императивных принципов: невмешательства во внутренние дела государства и их суверенного равенства [3].

Среди отечественных авторов указанную тему исследовали или упоминали Л. П. Ануфриева, Е. Г. Зинков, И. И. Лукашук, А. А. Самарин, Л. В. Терентьева и другие, при этом Е. В. Белякович и В. Л. Толстых в рамках исследования пространственного действия права через границы государства используют термин «экстерриториальность», или же термины «экстерриториальность» и «экстратерриториальность» вовсе сливаются воедино. В свою очередь, зарубежные авторы, например Л. Коэн-Тануги, С. Бессон, Б. Перрин, М. Камминга и другие, напротив, изучая проблематику данного вопроса, проводят дифференциацию указанных механизмов и используют именно термин «экстратерриториальность» как проявление пространственного действия права за пределы национальных границ, что, как кажется, представляется более корректным. Кроме того, как отмечено В. М. Шумиловым, «проблема экстратерриториальной юрисдикции является одной из самых острых в современном международном праве, когда внутреннее право, национальные законы сплошь и рядом обладают экстратерриториальным действием» [4, ст. 122].

Поэтому в целях надлежащего использования обозреваемых понятий необходимо выявление сущностных признаков и характеристик.

По мнению Э. Хименеса де Аречаги «действие законов большинства государств простирается за пределы территории» [5, ст. 269], а согласно общепринятому теоретико-правовому подходу действие нормативного правового акта устанавливается по трем параметрам: территории, времени и кругу лиц [6, ст. 72], однако параметр территории в привязке к экстратерриториальности вызывает большой интерес. Тенденция расширения сферы применения экстратерриториальной юрисдикции в наибольшей степени проявилась в США, которые активно продвигают свое законодательство за пределы национальных границ. Как подчеркивается в доктрине, после того как в США появилась концепция «Global Administrative Law» [7, ст. 853-865], то в других государствах, например ФРГ, так же появились теории «замены» права «сетевыми отношениями», ведущие к ослаблению идеи правового суверенитета [8, ст. 36]. В этой связи стоит упомянуть позицию Никколо Макиавелли, считавший, что именно территория служит основным элементом правового суверенитета государства.

В зарубежной правовой литературе обычно разграничивают понятия экстерриториальности и экстратерриториальности права, сходство которых заключается в ограничении действия правовых норм на территории принимающего государства в отношении определенных субъектов. По мнению Е. В. Белякович, «в широком смысле экстерриториальность понимается как действие правовых норм за пределами территории принявшего их государства и отождествляется с экстратерриториальностью» [9, ст. 93-96]. И. И. Лукашук, напротив, проводит дифференциацию и утверждает, что «экстратерриториальное» означает выходящее за пределы государственной территории, а «экстерриториальное» – находящееся вне территории» [10, ст. 253], однако углубленного анализа механизмов не приводит.

Определение экстерриториальности дано в Толковом словаре государственного языка Российской Федерации (12, ст. 455): «Экстерриториальность – особые преимущества (неприкосновенность личности и жилища, неподсудность местным уголовным и гражданским судам, освобождение от повинностей и нало-

гов), взаимно предоставляемые государствами иностранным дипломатическим представителям». Исторически эта норма могла вводиться и в одностороннем порядке, распространяясь не только на дипломатов, но и на всех граждан государства-получателя привилегии, фактически выводя их из-под местной юрисдикции. В современном международном праве экстерриториальность существует главным образом в форме дипломатических и консульских иммунитетов, согласно Венским конвенциям о дипломатических и консульских сношениях 1961 и 1963 года соответственно (исключения составляют только военные корабли и самолеты, которые законно находятся на иностранной земле) [12, 13]. В свою очередь, экстратерриториальностью является «распространение юрисдикции за пределы государственной территории» [4, ст. 122]. При этом, как уже было ранее подчеркнуто, отечественные авторы также используют термин «экстерриториальность». Так, В. Л. Толстых использует эти понятия как взаимозаменяемые при описании расширения юрисдикции [14, ст. 347], однако представляется целесообразным их разграничение. В зарубежной доктрине «экстерриториальность» относится к дипломатическим иммунитетам, а «экстратерриториальность» обозначает признание и применение национального законодательства за рубежом, что можно рассматривать как расширение государственной юрисдикции или «установление международного сервитута путем постановки национального принципа над территориальным принципом» [15, ст. 20-25]. Кроме того, этимологически приставка extra- («сверх») точнее передает смысл распространения власти за территориальные границы, в то время как ex- («из», «вне») лучше отражает суть изъятия из местной юрисдикции [16]. Поэтому для обозначения расширения национального правового поля корректнее использовать термин «экстратерриториальность».

Некоторыми отечественными учеными также предложено разграничение понятий. Например, Е. Г. Зинков предлагает дифференциацию терминов, согласно которой:

1. «экстерриториальность» отражает позицию государства, распространяющей за пределы границ применение собственной юрисдикции;

2. «экстратерриториальность», в свою очередь, отражает позицию принимающего государства, которое добровольно включает иностранные правовые нормы в свою правовую систему, создавая тем самым единое правовое поле, объединяющее нормы как принимающей страны, так и проникающего иностранного права [15, ст. 20-25].

Л. П. Ануфриева, оперируя понятием «экстратерриториальность», акцентирует внимание не на самом факте экстратерриториального действия иностранного права, а на его признании конкретным государством либо на призна-

нии юридических последствий такого действия в пределах национальной территории [17, ст. 29-30]. Схожий подход демонстрируется в работе В. М. Баранова, А. А. Самарина и А. И. Овчинникова, где авторы отмечают: экстратерриториальный статус отдельных законов возникает не в результате их законодательного закрепления в стране происхождения, а вследствие признания таковыми со стороны иностранных государств [18, ст. 19-31]. Необходимо подчеркнуть, что предложенное авторами понимание экстратерриториальной юрисдикции, предполагающее добровольное признание принимающим государством иностранных правовых норм и создание единого правового поля, исходит из принципа взаимного согласия. Однако на практике расширение национальной юрисдикции за пределы государственных границ часто происходит без согласия затрагиваемых государств. Л. П. Ануфриева в своем анализе концепции экстратерриториальности учитывает оба сценария – как добровольное принятие иностранного права, так и его навязывание. При этом исследовательница критикует теоретические обоснования экстратерриториальности, указывая на их противоречие фундаментальному принципу суверенного равенства государств [17, ст. 29-30]. Указывает на противоречия экстратерриториальности международному праву и мнение Чили, Перу, Бразилии, Барбадоса и других государств 2 ноября 2023 года на 26 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, в котором их представители подтвердили свою приверженность не только принципу суверенного равенства государств, но и поддержке целей, закрепленных в Уставе ООН, включая принципы невмешательства в их внутренние дела и свободы международной торговли и судоходства [19].

Примечательно, что исследователи рассматривают экстратерриториальность как парадоксальное явление: одновременно и как проявление государственного суверенитета, и как фактор его ограничения [20, ст. 175-178]. Однако данная позиция вызывает дискуссии, поскольку классическая теория суверенитета предполагает его абсолютный и неделимый характер, исключающий возможность добровольного ограничения или «дробления».

В зарубежной правовой науке выделяют два вида осуществления экстратерриториальной исполнительной юрисдикции:

- с точки зрения легитимных форм – осуществляемые с согласия принимающего государства (например, по официальному приглашению или соглашению);

- и с точки зрения противоправных форм – принудительные действия на иностранной территории без получения соответствующего разрешения [21, ст. 875]. Западные исследователи признают правомерность экстратерриториального применения национальных законов только

в тех случаях, когда это соответствует нормам международного права и не создает обоснованных или необоснованных ограничений суверенных прав других государств [20, ст 175-178]. Вопрос о правомерности экстратерриториального применения закона сводится к определению критериев обоснованности, необходимости и достаточности, которые позволяют установить, подпадает ли иностранное физическое или юридическое лицо под юрисдикцию государства, принявшего данный закон. По мнению Л. Коэн-Тануги, «по-настоящему дискуссионный вопрос касается степени требуемых связей с государством для того, чтобы это государство могло законно осуществлять юрисдикцию, в частности степень или режим «присутствия», требуемый от ответчика, или степень, в которой правонарушение имело место на территории регулирующего государства» [22, ст. 3]. Чем слабее выражены эти связи, тем менее оправдано применение экстратерриториальности.

Л. В. Терентьева, как кажется, верно указывает на некорректность описания и рассмотрения мер по использованию собственных правовых норм по отношению к другому государству как с его санкции, так и без, под эгидой одного термина, ведь если принимающее государство санкционировало те или иные действия на своей территории, то подобное обстоятельство необходимо рассматривать как отсутствие экстратерриториальности ввиду согласия государства и проявления суверенной воли, что придает подобным действиям уже территориальный статус. Следовательно, основной составляющей экстратерриториальности, как уже отмечалось, является именно непризнание и несогласие на

действие иностранных правовых норм на территории принимающего государства. Но несмотря на позицию многих авторов, рассматривающих экстратерриториальное применение права в качестве проявления противоречия международному праву и, следовательно, заявляющих о неправомерности его применения, С. А. Бабкин отмечает: «как бы мы ни относились к концепциям расширенной юрисдикции, на сегодня они – часть правовой системы России, как и многих других государств мира» [23, ст. 967].

Таким образом, механизм экстратерриториального применения национального законодательства интересен не только в связи с научным интересом, но и в связи с его активным применением государствами. Соединенные Штаты, а затем и другие западные государства, став фактически родоначальниками экстратерриториального действия права в современном проявлении, посредством судебной практики, а также принятием законодательных актов, внедряли в свою правовую систему данный механизм, являющийся одной из наиболее острых проблем в современном международном праве. При этом именно термин «экстратерриториальный» является верным с точки зрения применения национального правового регулирования за пределы собственных границ, в то время как «экстерриториальность» относится к консульским и дипломатическим иммунитетам. Более того, ключевым признаком экстратерриториальной юрисдикции является отсутствие волевой составляющей принимающего государства и, следовательно, указанный механизм ни при каких условиях не может являться правомерным с точки зрения международного права.

Список литературы:

- [1] Gerber D. J. *Beyond Balancing: International Law Restraints on the Reach of National Laws* // *Yale Journal of International Law*. 1984. Vol. 10.
- [2] Каюмова А. Р. Эволюция пространственной сферы действия принципов уголовной юрисдикции государств: доктрина «эффекта» // *Вестник ВУиТ*. 2018. № 4.
- [3] Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного суда. 1945. Нью-Йорк: Деп. обществ. информ. ООН. 1994.
- [4] Шумилов В. М. *Международное право*. М.: Юстиция. 2016.
- [5] Хименес де Аречага Э. *Современное международное право*. М. 1983.
- [6] Саламов А. Х., Головин А. Н. Действие нормативно правовых актов во времени, в пространстве и по кругу лиц // *Вестник Московского университета МВД России*. 2008. № 8.
- [7] Parrish A. *Reclaiming International Law from Extraterritoriality* // *Minnesota Law Review*. 2009. Vol. 93.
- [8] Самарин А. А. *Экстерриториальное действие права: дис.* 2016.
- [9] Белякович Е. В. *Пространственное действие правовых норм*. Иркутск. 2012.
- [10] Лукашук И. И. Изд. 3-е, перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер. 2005.
- [11] Толковый словарь государственного языка Российской Федерации // ФГОБУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». — М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2023.
- [12] Венская конвенция о дипломатических сношениях. 1961. Ведомости Верховного Совета СССР. 1964.
- [13] Венская конвенция о консульских сношениях. 1963. «Действующее международное право» в 3 томах, том 1. М.: МНИМП. 1996.
- [14] Толстых В. Л. *Курс международного права*. М.: Волтерс Клувер. 2009.

- [15] Зинков Е. Г. Особенности действия правового пространства // *Общество и право*. 2012. № 3 (40).
- [16] Терентьева Л. В. Экстерриториальность в международном частном праве / *Актуальные проблемы российского права*. 2021. № 5 (126).
- [17] Ануфриева Л. П. Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. М.: Спарк. 2002.
- [18] Баранов В. М., Овчинников А. И., Самарин А. А. Экстерриториальное пространство права. М.: Проспект. 2018.
- [19] 26-е пленарное заседание ГА ООН. 2023. Электронный ресурс. URL: Первый комитет, 26-е пленарное заседание - Генеральная Ассамблея, 78-я сессия | UN Web TV (дата обращения: 04.07.2026).
- [20] Perrin B. Taking a Vacation from the Law? Extraterritorial Criminal Jurisdiction and Section 7(4.1) of the Criminal Code // *Canadian Criminal Law Review*. 2009. Vol. 13.
- [21] Besson S. The Extraterritoriality of the European Convention on Human Rights: Why Human Rights Depend on Jurisdiction and What Jurisdiction Amounts to // *Leiden Journal of International Law*. 2012. № 25.
- [22] Cohen-Tanugi L. The Extraterritorial Application of American Law: Myths and Realities // Available at SSRN 2576678. 2015.
- [23] Бабаев А. Б., Бабкин С. А., Бевзенко Р. С., Белов В. А., Тарасенко Ю. А. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики: в 2 т. / под общ. ред. д. ю. н. В. А. Белова. 2-е изд., стер. – М.: Юрайт. 2015.

References:

- [1] Gerber D. J. *Beyond Balancing: International Law Restraints on the Reach of National Laws* // *Yale Journal of International Law*. 1984. Vol. 10.
- [2] Kayumova A. R. Evolution of the Spatial Scope of Application of State Criminal Jurisdiction Principles: The «Effects» Doctrine // *Vestnik VUit*. 2018. No. 4.
- [3] *Charter of the United Nations and Statute of the International Court of Justice*. 1945. New York: UN Department of Public Information. 1994.
- [4] Shumilov V. M. *International Law*. Moscow: Yustitsiya. 2016.
- [5] Jiménez de Aréchaga E. *Modern International Law*. Moscow. 1983.
- [6] Salamov A. Kh., Golovin A. N. Application of Normative Legal Acts in Time, Space, and with Respect to Persons // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2008. No. 8.
- [7] Parrish A. Reclaiming International Law from Extraterritoriality // *Minnesota Law Review*. 2009. Vol. 93.
- [8] Samarina A. A. *Extraterritorial Application of Law: Dissertation*. 2016.
- [9] Belyakovich E. V. *Spatial Application of Legal Norms*. Irkutsk. 2012.
- [10] Lukashuk I. I. 3rd ed., revised and supplemented. — Moscow: Wolters Kluwer. 2005.
- [11] *Explanatory Dictionary of the State Language of the Russian Federation* // Saint Petersburg State University. — Moscow: V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. 2023.
- [12] Vienna Convention on Diplomatic Relations. 1961. *Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR*. 1964.
- [13] Vienna Convention on Consular Relations. 1963. **Current International Law** (in 3 volumes), Vol. 1. Moscow: MNIMP. 1996.
- [14] Tolstykh V. L. **Course on International Law**. Moscow: Wolters Kluwer. 2009.
- [15] Zinkov E. G. Specifics of the Operation of Legal Space // **Society and Law**. 2012. No. 3 (40).
- [16] Terentyeva L. V. Extraterritoriality in Private International Law // **Current Issues of Russian Law**. 2021. No. 5 (126).
- [17] Anufrieva L. P. **The Relationship Between Public International Law and Private International Law: Legal Categories**. Moscow: Spark. 2002.
- [18] Baranov V. M., Ovchinnikov A. I., Samarina A. A. **The Extraterritorial Space of Law**. Moscow: Prospekt. 2018.
- [19] 26th Plenary Meeting of the UN General Assembly. 2023. Electronic resource. URL: First Committee, 26th Plenary Meeting – General Assembly, 78th Session | UN Web TV (accessed: 04.07.2026).
- [20] Perrin B. Taking a Vacation from the Law? Extraterritorial Criminal Jurisdiction and Section 7(4.1) of the Criminal Code // **Canadian Criminal Law Review**. 2009. Vol. 13.
- [21] Besson S. The Extraterritoriality of the European Convention on Human Rights: Why Human Rights Depend on Jurisdiction and What Jurisdiction Amounts to // **Leiden Journal of International Law**. 2012. No. 25.
- [22] Cohen-Tanugi L. The Extraterritorial Application of American Law: Myths and Realities // Available at SSRN 2576678. 2015.
- [23] Babaev A. B., Babkin S. A., Bevzenko R. S., Belov V. A., Tarasenko Yu. A. Civil law. Current problems of theory and practice: in 2 volumes / under general. ed. D. Yu. n. V. A. Belova. 2nd ed., erased. – M.: Jurayt. 2015.

ЕРМАК Дмитрий Александрович,
аспирант 1 курса, кафедра теории и истории государства и права,
Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, Екатеринбург, Россия,
тел: +7-922-606-00-31,
e-mail: dima.dima.ermak@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

АННОТАЦИЯ. В статье проводится теоретико-правовой анализ трансформации базовых правовых категорий (субъекта, объекта и содержания правоотношений) в условиях цифровизации общественных отношений. Исследуются процессы интеграции цифровых технологий в правовую сферу и их влияние на традиционные юридические конструкции. Особое внимание уделяется феномену цифровых прав как нового объекта гражданских правоотношений, проблеме идентификации субъекта права в цифровой среде, а также вопросу о правовом статусе искусственного интеллекта. Автор приходит к выводу о том, что цифровизация провоцирует не только изменение структуры правоотношений, но и трансформацию самих правовых средств и механизмов, которые приобретают черты гносеологического инструментария, посредством которого право фиксирует и упорядочивает элементы новой социальной реальности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровизация права, правовые категории, правоотношение, субъект права, объект права, цифровые права, искусственный интеллект, смарт-контракт, правовые средства, цифровая среда.

ERMAK Dmitry Alexandrovich,
1st-year postgraduate student, department of theory and history of state and law,
Ural Institute of Management – branch of RANEP, Yekaterinburg, Russia

TRANSFORMATION OF LEGAL CATEGORIES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: A THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

ANNOTATION. The article provides a theoretical and legal analysis of the transformation of basic legal categories (the subject, object, and content of legal relations) in the context of the digitalization of social relations. The processes of integrating digital technologies into the legal sphere and their impact on traditional legal constructs are examined. Special attention is paid to the phenomenon of digital rights as a new object of civil legal relations, the problem of identifying the subject of law in the digital environment, and the issue of the legal status of artificial intelligence. The author concludes that digitalization provokes not only a change in the structure of legal relations but also the transformation of legal tools and mechanisms themselves, which acquire the features of epistemological tools through which law records and organizes the elements of a new social reality.

KEY WORDS: digitalization of law, legal categories, legal relationship, subject of law, object of law, digital rights, artificial intelligence, smart contract, legal tools, digital environment.

Введение

Цифровизация правового пространства провоцирует изменения структуры правоотношений, вводя в них новые элементы. В философско-правовом дискурсе всё чаще рассматриваются вопросы субъектно-объектного состава правоотношений, а также их содержания. Теория права определяет их следующим образом: «...объект (материальные и нематериальные блага), субъект (физические лица, юридические лица и государство) и содержание (субъективные права и юридические обязанности)» [1, с. 12]. Если рассматривать правоотношения как классическую правовую категорию, то трансформации подвергается её внутренняя структура и элементы.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что традиционные правовые конструкции, сформированные в условиях аналогового правопорядка, оказываются недостаточными для адекватного регулирования отношений, возникающих в цифровой среде. Цель статьи – выявить сущностные характеристики изменений ключевых юридических понятий и раскрыть противоречия, возникающие в процессе интеграции цифровых технологий в правовую сферу.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход), а также специально-юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Трансформация объекта правоотношений в цифровой среде

Введённые поправки в Гражданский кодекс Российской Федерации устанавливают в качестве объекта права цифровые рубли и цифровые права [2]. Данные новые внутренние элементы показывают, что юридическая наука активно осваивает новое цифровое и виртуальное пространство. Здесь важно понимать, что есть цифровые права и цифровые активы, является ли тот же цифровой код вещью.

Феномен появления понятия «цифровые права» как объекта объясняется внедрением глобальной виртуализации социального взаимодействия. Появление сети «Интернет» способствовало внедрению данной категории прав, отражающих переосмысление и совершенствование понятийно-категориального аппарата юриспруденции. В контексте историко-правовой ретроспективы эта категория отражает новый вектор в развитии прав, начиная от первого поколения индивидуальных свобод и заканчивая третьим поколением коллективных и солидарных прав [3]. Современные цифровые права объединяют индивидуальные потребности (например, право на приватность) и общественные требования (защиту цифровой экосистемы и доступ к технологиям).

Интеграция цифровых прав в качестве объекта гражданского оборота (ст. 141.1 ГК РФ) демонстрирует процесс трансляции традиционных правовых конструкций в цифровую среду. Стоит учитывать, что трансформация объекта неминуемо затрагивает и субъектный состав правоотношений. Цифровая среда порождает гибридные и автономные элементы – начиная от алгоритмических систем и ботов и заканчивая децентрализованными автономными организациями. Статус указанных элементов не укладывается в классическую дихотомию «физическое/юридическое лицо». В результате изменяется не только содержание правоотношений (например, через смарт-контракты, определяющие права и обязанности кодом), но и сама природа правовых средств и механизмов, призванных регулировать взаимодействия между человеком, государством и цифровыми агентами.

Проблема субъекта правоотношения в цифровом пространстве

Что касается субъекта правоотношения, то здесь ситуация требует отдельного анализа. Проблема идентификации субъекта права в цифровом пространстве заслуживает особого внимания. Так, Р.Ф. Азизов в своем диссертационном исследовании отмечает, что «Если при взаимодействии в «реальном мире», в конечном счете, действуют те или иные естественные признаки идентификации (внешность, голос и пр.), то при взаимодействии через сеть Интернет в целом ни при каких условиях нельзя окончательно иденти-

фицировать конкретное лицо. Технические средства идентификации могут позволить создать юридическую фикцию или презумпцию определенного лица, но не могут позволить окончательно идентифицировать субъекта правоотношений». [4, с. 24].

В свою очередь, на практике возникает юридико-философская антиномия при определении правового статуса искусственного интеллекта (ИИ). Позиция антропоцентризма чётко определяет действующим субъектом человека (его воля, действия, решения) либо его производную инструментальную форму – юридическое лицо, как абстракцию и юридическую фикцию. С одной стороны, искусственный интеллект, не обладая сознанием или волей, представляет собой сложный цифровой алгоритм, который используется человеком в качестве инструмента для решения задач, в том числе рутинных. В силу этого антропоцентрического подхода вся ответственность за его функционирование возлагается на разработчика и оператора. Как отмечает В.Б. Исаков, «...на основе ИИ могут создаваться системы управления с высокой степенью автономности, действующие без прямого участия человека. В некоторых видах производства, в сфере банковских расчетов такие системы уже работают...» [5, с. 53]. Таким образом, даже при высокой степени автономности ИИ и его внешне «человекоподобном» поведении степень этой автономии остаётся под контролем, что позволяет сохранять антропоцентрический подход в сфере права. Как подчёркивается далее, «...пределы автономии таких систем не безграничны. Обязательно предусматривается уровень управления, на котором в случае сбоя или отказа автоматики происходит подключение человека» [5, с. 53].

Цифровая эволюция содержания правоотношений

Трансформация субъектного состава и объектов правового регулирования в цифровой среде не является изолированным процессом. Она закономерно императивно детерминирует изменение содержания правоотношений – той динамической составляющей, которая наполняет правовую связь конкретными субъективными правами и юридическими обязанностями. Если традиционное содержание формировалось через призму диспозитивно-императивного метода, интерпретируемого человеком, то в условиях цифровизации оно всё чаще обретает черты алгоритмически заданного сценария взаимодействия. Анализ этой метаморфозы позволяет выявить, как классические правомочия и обязанности трансформируются, порождая потребность в принципиально новых правовых средствах для их реализации и защиты.

Логическим продолжением трансформации субъекта и объекта права является цифровая эволюция категории содержания правоотношений.

Под содержанием здесь понимаются конкретные субъективные права и корреспондирующие им юридические обязанности, которые наполняют правовую связь жизнью [6]. В цифровой среде эта наполняющая субстанция меняет свою природу, стремясь к формализации и автоматизации, что создаёт прямой запрос на модификацию или создание новых правовых средств для работы с таким содержанием.

Примером цифровой трансформации содержания правоотношений может выступать смарт-контракт. Традиционные субъективные права и юридические обязанности трансформируются в самоисполняющийся компьютерный код. В связи с этим действие субъектов в рамках реализации заключения и исполнения договора сведено к минимуму. Появляется некий контрагент, посредник, воплощающий волю сторон по определённой модели в жизнь. Хотя и этот аспект остаётся дискуссионным [7].

Правовые средства как гносеологический инструментарий

Анализ структуры правоотношений (её субъекта, объекта и содержания) позволил зафиксировать онтологические изменения в самой материи регулируемых общественных связей в условиях цифровизации. Однако право не ограничивается лишь пассивным отражением этой новой реальности. Право является активным регулятором, обладающим специальным инструментарием воздействия. Этот инструментарий и составляют правовые средства и механизмы – конкретные способы, формы и процедуры, с помощью которых право организует поведение, реализует нормы, защищает интересы и восстанавливает нарушенный порядок.

В этой связи трансформация структурных элементов правоотношения (что регулируется) закономерно ставит вопрос о трансформации инструментов регулирования (как регулируется). Классические правовые средства (договор, иск, государственная регистрация, юридическая ответственность), созданные для работы в «offline» (т.е. в реальности), утрачивают эффективность в цифровой среде. Поэтому центральной задачей становится исследование того, как эти традиционные средства изменяются и какие принципиально новые цифровые механизмы регулирования возникают.

Следовательно, трансформация базовых категорий права указывает не только на изменения регулируемых отношений, но и ставит вопрос о правовых средствах и механизмах, которые в определённой степени можно воспринимать гносеологическим инструментарием. Правовые средства выступают как форма познания и оперирования структурой в социальной реальности. В условиях цифровизации меняется не только онтология права (что есть правоотношение), но и его гносеология – как именно мы познаём, фикси-

руем и реализуем правовые связи.

Анализ правовых средств как категории в отечественной доктрине позволяет выявить их сущностную характеристику. Так, А.В. Шабуров, обобщая выводы ведущих теоретиков права (Матузов, Малько, Алексеев и др.), определяет правовые средства как волевою, юридически значимую деятельность субъектов в рамках дозволенного усмотрения в целях обеспечения законных интересов их использующих, не противоречащих законодательству и общественным интересам [8]. В рамках инструменталистской парадигмы правовые средства и механизмы предстают как конкретное воплощение регулятивной силы права, выраженной в конкретных юридических инструментах (процедуры, институты, средства юридической техники, нормы права и т.д.), образующих субстанциальную основу правовой действительности [9].

В контексте цифровизации это требует гносеологического углубления. Если рассматривать право не только как инструмент регулирования, а как форму познания реальности, то правовые средства и механизмы логично интерпретировать как операциональные формы правового сознания или «правового разума». Через данные формы право фиксирует, категоризирует и упорядочивает элементы социального бытия, превращая их в объекты правового воздействия.

В данной связи можно провести определённую методологическую параллель с философией Иммануила Канта [10], анализировавшего априорные формы рассудка и чувственности, которые конституируют в последствии опыт. Подобным образом, устоявшиеся правовые средства исторически сложились как «категории» правового разума, адекватные для познания и регулирования социальных отношений в доцифровую эпоху. Цифровой «онтос» (бытие, реальность), реальность алгоритмов, становится для этого разума испытанием в том контексте, что его традиционные познавательные формы (правовые средства) зачастую не способны адекватно схватить и урегулировать сущность новых цифровых явлений.

Подводя итоги анализа, заключим, что изменения правовой реальности, а точнее онтологии правоотношений, влекут трансформацию обеспечивающих их правовых средств и механизмов в более узком контексте, а именно – конкретных норм, институтов и процедур, то, что мы ранее называли «гносеологическим инструментарием». Эта трансформация проявляется в адаптации классических правовых средств, правовых категорий и механизмов к цифровой среде.

Однако попытка применения устоявшегося правового инструментария к принципиально новым цифровым и виртуальным реалиям порождает комплекс проблем. К ним относятся вопросы, связанные с проблематикой регулирования новых объектов и субъектов, в том аспекте, каким образом это должно осуществляться, и как сле-

дует упорядочивать и структурировать элементы правоотношений в цифровом формате.

Как было выявлено, центральной остаётся проблема признания или отрицания правосубъектности искусственного интеллекта [11]. Столкновение классических правовых конструкций с цифровой реальностью формирует зону актуальных вызовов, выраженных в определении правильной квалификации ответственности за действия автономных систем, и затрагивает сфе-

ру защиты прав человека в условиях прогнозной аналитики и алгоритмизации.

Дальнейшая разработка затронутой проблематики видится в направлении совершенствования понятийного аппарата, адаптации процессуальных институтов к работе с цифровыми доказательствами, а также в поиске баланса между национальным регулированием и трансграничным характером цифровых отношений.

Список литературы:

- [1] Танимов, О. В. Трансформация правоотношений в условиях цифровизации / О. В. Танимов // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 2(111). – С. 11-18.
- [2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025). // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 27.01.2026).
- [3] Варламова, Н. В. Цифровые права - новое поколение прав человека? / Н. В. Варламова // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2019. – Т. 14, № 4. – С. 9-46.
- [4] Азизов Р. Ф. Правовое регулирование в сети Интернет: сравнительно- и историко-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2016.
- [5] Исаков В.Б. Перспективы искусственного интеллекта в праве (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. -2025. - № 3. - С. 47-62.
- [6] Матузов, Н. И. Теория государства и права: учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. - 5-е изд. - Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. - С. 377.
- [7] Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. – 2016. – № 3. – С. 32-60.
- [8] Шабуров, А.В. Понятие средств правового регулирования / А. В. Шабуров, А. Shaburov // Вестник Омского университета серия «Право». — 2024. — № 2. — С. 5-14.
- [9] Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация. Советское государство и право, 1987, № 6.
- [10] И. Кант. Критика чистого разума / Пер. с немецкого Н.О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. - М.: Наука, 1999. – 655 с.
- [11] Искусственный интеллект и его пределы в праве // XIII Петербургский международный юридический форум: официальный сайт. 2025 г. URL: legalforum.info (дата обращения: 27.01.2026).

References:

- [1] Tanimov, O. V. Transformation of Legal Relations in the Context of Digitalization / O. V. Tanimov // Actual Problems of Russian Law. – 2020. – Vol. 15, No. 2(111). – P. 11–18.
- [2] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ dated November 30, 1994 (as amended on July 31, 2025; with amendments dated November 25, 2025) (with amendments and additions effective from August 1, 2025) // ConsultantPlus Legal Reference System. (accessed: January 27, 2026).
- [3] Varlamova, N. V. Digital Rights: A New Generation of Human Rights? / N. V. Varlamova // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2019. – Vol. 14, No. 4. – P. 9–46.
- [4] Azizov, R. F. Legal Regulation on the Internet: A Comparative and Historical-Legal Study : Doctoral Dissertation (Law). St. Petersburg, 2016.
- [5] Isakov, V. B. Prospects for Artificial Intelligence in Law (Overview) // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature: Abstract Journal. Series 4: State and Law. – 2025. – No. 3. – P. 47–62.
- [6] Matuzov, N. I. Theory of State and Law: Textbook / N. I. Matuzov, A. V. Malko. – 5th ed. - Moscow: Delo Publishing House (RANEPa), 2022. - P. 377.
- [7] Savelyev A.I. Contract Law 2.0: «Smart» Contracts as the Beginning of the End for Classical Contract Law // Herald of Civil Law. – 2016. – No. 3. – Pp. 32–60.
- [8] Shaburov A.V. The Concept of Legal Regulation Instruments / A. V. Shaburov // Herald of Omsk University. Series «Law». — 2024. — No. 2. — Pp. 5–14.
- [9] Alekseev S.S. Legal Instruments: Problem Statement, Concept, Classification. Soviet State and Law.
- [10] I. Kant. Critique of Pure Reason / Trans. from German by N.O. Lossky, with variant translations into Russian and European languages. - Moscow: Nauka, 1999. – 655 p.
- [11] Artificial Intelligence and Its Limits in Law // XIII St. Petersburg International Legal Forum: Official Website. 2025. URL: legalforum.info (accessed: 27.01.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 11.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2949-0871-2026-4-53-57

КАЗАКОВА Евгения Борисовна,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Частное и публичное право»
Пензенского государственного университета,
Пенза, Россия,
e-mail: 1-janni@list.ru

НАРМАТОВА Софья Эдуардовна,
студентка Юридического института
Пензенского государственного университета,
Пенза, Россия,
e-mail: narmatova.s@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ПРИОРИТЕТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье проведено исследование правового регулирования информационной безопасности. Делается акцент на том, что информационная безопасность – важная составляющая национальной безопасности. Вектором права служит рассмотрение информационной безопасности в контексте культурной сферы. Вследствие чего в статье были проанализированы правовые аспекты регулирования информационной безопасности, которая является ключом к пониманию защиты прав человека в цифровой среде. По итогам проведенного исследования теоретико-правового регулирования в сфере информационной безопасности сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационная безопасность, правовое регулирование, стратегический национальный приоритет, сфера культуры, вектор права, культурные права, цифровая среда, угрозы, самозащита, национальная безопасность.

KAZAKOVA Evgeniya Borisovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Private and Public Law at
Penza State University,
Penza, Russia

NARMATOVA Sofya Eduardovna,
Student of the Law Institute,
Penza State University,
Penza, Russia

LEGAL ASPECTS OF INFORMATION SECURITY REGULATION AS A NATIONAL SECURITY PRIORITY

ANNOTATION. This article contains a study of the legal regulation of information security. The emphasis is on the fact that information security is an important component of national security. The vector of law is the consideration of information security in the context of the cultural sphere. As a result, the article analyzed the legal aspects of information security regulation, which is the key to understanding the protection of human rights in the digital environment. Based on the results of the study of theoretical and legal regulation in the field of information security, it was concluded that further improvement of legislation is necessary.

KEY WORDS: information security, legal regulation, strategic national priority, cultural sphere, vector of law, cultural rights, digital environment, threats, self-defense, national security.

На сегодняшний день особую важность представляет информационная безопасность в условиях технологического развития. Наметилась тенденция, что влияние на гражданские правоотношения оказывает цифровая трансформация через призму национальной безопасности. Цифровые технологии активно развиваются и внедряются в отрасль культуры, и центральное место занимает информационная безопасность как один из приоритетов национальной безопасности.

Несомненно, информационная безопасность прав человека в сфере культуры является правовым ориентиром в рамках национальной безопасности. Следовательно, в данном исследовании крайне важно акцентировать внимание на следующих аспектах: во-первых, информационной безопасности прав человека, а во-вторых, культурной сфере, что в совокупности служит важной составляющей национальной безопасности государства в современных реалиях вызовов общества.

На сегодняшний день ключевое значение представляет культурное многообразие страны, сохранение культурных ценностей, обеспечение культурных прав человека через призму национальной безопасности государства. В целях обеспечения защиты прав человека в цифровой среде в сфере культуры неотъемлемым элементом служит информационная безопасность.

Следует проанализировать взаимодействие культурной сферы и информационной безопасности на основе архитектуры правового регулирования.

23 июня 2026 года Распоряжением Правительства РФ № 1586-р было утверждено Стратегическое направление в области цифровой трансформации отрасли культуры Российской Федерации до 2030 года [4], в котором в пункте 1 раздела III зафиксировано следующее положение: «Ключевым вектором цифровой трансформации в отрасли культуры является достижение технологического суверенитета...» [4]. А также отмечается, что «Эксплуатация зарубежных решений в сфере информационных технологий в государственном секторе сопряжена со следующими критическими рисками...», как зафиксировано в документе: «наличие скрытых (недекларированных) возможностей в закрытом исходном коде...» [4] и другие. Таким образом, особую важность представляет достижение технологического суверенитета в рассматриваемой отрасли. В связи с чем с целью обеспечения технологического суверенитета следует раскрыть место информационной безопасности.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400 [3] (далее – Стратегия), среди девяти зафиксированных стратегических национальных приоритетов информационная безопасность от-

мечается в качестве четвертого приоритета. В Стратегии в подпункте 2 пункта 57 раздела «Информационная безопасность» отмечается решение следующей задачи: «развитие системы прогнозирования, выявления и предупреждения угроз информационной безопасности Российской Федерации, определения их источников, оперативной ликвидации последствий реализации таких угроз» [3].

Рассмотрим подробно вышеуказанную в Стратегии задачу, на основе которой интерпретируем ее значимость, через сопоставление с защитой прав человека в сфере культуры в рамках цифровой среды.

Одной из первых задач является развитие системы прогнозирования, что играет ключевое значение на начальной стадии предвидения угроз информационной безопасности.

Следовательно, особое значение в контексте прогнозирования представляет совокупность приемов и методов посредством аналитического исследования угроз в информационной сфере в раскрытии дальнейшего развития их природы в определенный временной период. Как справедливо отмечается, «аналитика угроз – это процесс выявления и анализа киберугроз» [11]. В связи с чем акцентируем внимание на вызовах в правовой действительности, уделяя внимание угрозам информационной безопасности в культурной сфере.

Одной из проблем в условиях цифровой трансформации общества является анонимность. В научной статье Шаповаловой Г. М. раскрывается данная проблема как угроза культурному суверенитету Российской Федерации [10]. Так, автором отмечаются такие угрозы, как распространение дезинформации, пропаганда чуждых культурных ценностей и идеологий [10, с. 195]. Таким образом, деструктивное воздействие в информационном пространстве в сфере культуры служит угрозой социально-культурному развитию государства, что может нанести ущерб в контексте рассмотрения национальной безопасности.

В правовом поле возрастающее значение представляет защита культурных ценностей, объектов культурного наследия, а также прав человека в сфере культуры: к примеру, право на приобщение к культурным ценностям (статья 12 Основ законодательства Российской Федерации о культуре) [5]. К примеру, приобщение к историческим ценностям – объектам архитектурного наследия, через произведения искусства с целью сохранения культурного многообразия. В условиях цифровой трансформации происходит развитие искусства в цифровом пространстве, что способствует культурному обмену.

Отметим вторую задачу – выявление угроз информационной безопасности. Для начала следует выделить основные свойства, на которых базируется информация: конфиденциальность,

целостность, доступность [8, с. 25].

В научной статье Турянской К. А. отмечается следующая точка зрения: «Основная цель выявления угроз информационной безопасности заключается в установлении текущей вероятности нарушения целостности или конфиденциальности...» [9, с. 151].

В рамках выявления информационных угроз в культурной сфере особый правовой интерес представляет комплексный подход с целью защиты объектов культурных ценностей в информационном пространстве, а также обеспечение безопасности прав граждан в сфере культуры.

В контексте национальной безопасности выявление угроз в культурной отрасли представляет первостепенное значение с целью их определения, которое должно быть реализовано путем установления негативных последствий и источников угроз безопасности информации. Следовательно, правовым ориентиром служит выявление информационных угроз в культурной сфере, их определение и дальнейшее предотвращение с целью защиты национальных интересов.

Третья составляющая рассматриваемой задачи – предупреждение угроз информационной безопасности. Следует уделить внимание комплексному подходу в предупреждении угроз, отметив такие методы, как: во-первых, технические, во-вторых, организационные и, в-третьих, правовые. Подробнее остановимся на последнем.

В соответствии с Приказом от 11 апреля 2025 года № 117 в пункте 34 раздела III зафиксировано 21 мероприятие, которое должно проводиться с целью защиты информации оператором (обладателем информации) [6].

Таким образом, своевременное предупреждение угроз способствует недопущению возможного причинения ущерба национальным интересам.

В контексте культурной сферы предупреждение угроз информационной безопасности представляет вектор права в обеспечении безопасности цифровых объектов культуры; защиты прав человека на доступ к культурным ценностям (часть 2 статья 44 Конституции РФ) [1]; защиты персональных данных в процессе посещения цифровых платформ. В связи с чем уделим внимание самозащите в цифровой среде. Так, в современных реалиях возникают ситуации, в которых действия заинтересованного лица наиболее результативны в защите прав и свобод [7, с. 184].

Акцентируем внимание на следующих мерах самозащиты, что позволяет заинтересованному лицу обезопасить себя собственными действиями. Так, с целью защиты персональных данных, помимо установления сложного пароля в личном кабинете, для пользователя важно безопасное поведение в цифровой среде. Особую важность представляет культура информационной

безопасности.

Пользователю при посещении сайта следует обратить внимание на сертификат безопасности, что свидетельствует о защищенности сайта. В диаметрально противоположном случае, если сертификат безопасности будет не установлен, то соединение будет не защищено, что создает угрозу персональным данным. Также в процессе раскрытия мер самозащиты гражданских прав в цифровой среде следует обратить внимание на развитие цифровой грамотности граждан. Так, в случае если пользователю в его личный кабинет поступила ссылка от непроверенного источника, необходимо быть осведомленным и проверять данную ссылку с целью защиты своего логина и пароля.

Возвращаясь к рассматриваемым задачам в области информационной безопасности, следует отметить четвертую задачу – определение источников угроз информационной безопасности, что представляет актуальность в связи с современными вызовами и эволюционирующими угрозами, на которые оказывают воздействие условия и факторы в реальности. Вследствие чего вытекает последняя неотъемлемая составляющая рассматриваемых задач – оперативная ликвидация последствий реализации угроз. Данная стадия представляет ключевую роль в целях дальнейшего восстановления после нанесенного ущерба национальным интересам.

В соответствии с Доктриной информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 года № 646 [2] (далее – Доктрина) в разделе II зафиксированы национальные интересы в информационной сфере, среди которых в подпункте «а» пункта 8 подчеркивается «обеспечение и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина...» [2].

Таким образом, при раскрытии информационной безопасности, в данном разделе уделяется внимание национальным интересам.

Следует проанализировать стратегические цели и основные направления обеспечения информационной безопасности, зафиксированные в разделе IV Доктрины, которые отмечены в следующих пунктах: 20, 21 – в области обороны страны, 22, 23 – в области государственной и общественной безопасности, 24, 25 – в экономической сфере, 26, 27 – в области науки, технологий и образования, 28, 29 – в области стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства. Таким образом, анализ данных положений позволяет сделать вывод, что в данных пунктах раскрываются стратегические цели и основные направления в рамках рассматриваемой информационной безопасности.

В связи с чем важна проработка вопросов по совершенствованию правового регулирования обеспечения информационной безопасности в сфере культуры. Так, в рассматриваемом IV раз-

деле документа важно предложить закрепление отдельных пунктов, направленных на регламентацию стратегических целей и основных направлений в сфере культуры.

Обобщая вышеизложенное, необходимо резюмировать, информационная безопасность как стратегический приоритет национальной безопасности представляет правовой ориентир в современных реалиях вызовов и угроз. На се-

годняшний день в таких условиях важна защита культурных прав человека в цифровой среде. Особое значение в рассматриваемом исследовании отводится анализу, а также проработке вопросов по совершенствованию правового регулирования обеспечения информационной безопасности в сфере культуры. Таким образом, информационная безопасность – правовой вектор национальной безопасности.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.07.2026).
- [2] Указ Президента РФ от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.
- [3] Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.
- [4] Распоряжение Правительства РФ от 23.06.2026 № 1586-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли культуры Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 2026. – № 26. – Ст. 3618.
- [5] Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 24.06.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // Российская газета. – 1992. – № 248.
- [6] Приказ ФСТЭК России от 11.04.2025 № 117 «Об утверждении Требований о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, иных информационных системах государственных органов, государственных унитарных предприятий, государственных учреждений» (Зарегистрировано в Минюсте России 16.06.2025 № 82619) Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.07.2026).
- [7] Казакова Е. Б. Проблема выбора способов самозащиты гражданских прав // Тенденции развития современного общества: экономико-правовой аспект: сборник научных трудов международной научно-практической конференции. – Пенза: Изд-во Пенз. гос. технол. ун-т., 2016. С. 183-186.
- [8] Какорин И. А. Основные принципы информационной безопасности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 2-2(77). С. 25-27. DOI 10.24412/2500-1000-2023-2-2-25-27.
- [9] Турянская К. А. Методы, модели и средства выявления, идентификации и классификации угроз нарушения информационной безопасности объектов различного вида и класса // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 2-2(89). С. 151-155.
- [10] Шаповалова Г. М. Анонимность в российском сегменте глобального информационного пространства сети Интернет – угроза культурному суверенитету Российской Федерации // Бизнес. Образование. Право. – 2025. – № 1(70). – С. 194-200. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.70.1215.
- [11] Что такое аналитика угроз? Определение и описание // URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/threat-intelligence> (дата обращения: 14.07.2026).

References:

- [1] Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // Official Internet Portal of Legal Information URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: July 13, 2026).
- [2] Decree of the President of the Russian Federation No. 646 dated December 5, 2016, «On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2016. – No. 50. – Art. 7074.
- [3] Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021, «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 27 (Part II). – Art. 5351.
- [4] Directive of the Government of the Russian Federation No. 1586-r dated June 23, 2026, «On Approval of the Strategic Direction for the Digital Transformation of the Cultural Sector of the Russian Federation for the Period up to 2030» // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2026. – No. 26. – Art. 3618.
- [5] Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Culture (approved by the Supreme Council of the Russian Federation on October 9, 1992, No. 3612-1) (as amended on June 24, 2025) (with amendments and additions entering into force on March 1, 2026) // Rossiyskaya Gazeta. – 1992. – No. 248.
- [6] Order of the FSTEC of Russia dated April 11, 2025, No. 117 «On Approval of Requirements for the

Protection of Information Contained in State Information Systems and Other Information Systems of State Bodies, State Unitary Enterprises, and State Institutions» (Registered with the Ministry of Justice of Russia on June 16, 2025, No. 82619). Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed: July 13, 2026).

[7] Kazakova E. B. The Problem of Choosing Methods for the Self-Defense of Civil Rights // *Trends in the Development of Modern Society: Economic and Legal Aspects: Collection of Scientific Papers from the International Scientific and Practical Conference*. – Penza: Penza State Technological University Publishing House, 2016. – P. 183–186.

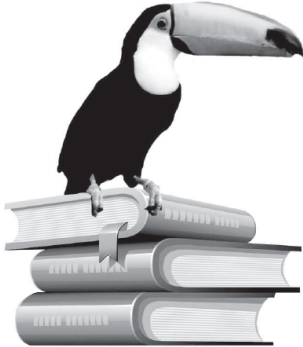
[8] Kakorin I. A. Basic Principles of Information Security // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. – 2023. – No. 2-2(77). – P. 25–27. DOI 10.24412/2500-1000-2023-2-2-25-27.

[9] Turyanskaya K. A. Methods, Models, and Tools for Detecting, Identifying, and Classifying Threats of Information Security Breaches Affecting Objects of Various Types and Classes // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. – 2024. – No. 2-2(89). – P. 151–155.

[10] Shapovalova G. M. Anonymity in the Russian Segment of the Global Internet Information Space: A Threat to the Cultural Sovereignty of the Russian Federation // *Business. Education. Law*. – 2025. – No. 1(70). – P. 194–200. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.70.1215.

[11] What is threat intelligence? Definition and description // URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/threat-intelligence> (accessed: 14.07.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 11.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2949-0871-2026-4-58-64

ЧЕРНЯКОВ Валентин Евгеньевич,
приглашённый исследователь,
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
123001, Российская Федерация, гор. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9,
e-mail: ch.valentin.2003@mail.ru

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович,
доктор юридических наук,
профессор кафедры конституционного и муниципального права,
МГЮА имени О.Е. Кутафина,
123001, Российская Федерация, гор. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9,
e-mail: AMOSAVELYUK@msal.ru

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ ФС РФ И БУНДЕСРАТА ФРГ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

АННОТАЦИЯ. В статье проводится сравнительно-правовой анализ вспомогательных органов при Совете Федерации Российской Федерации и Бундесрате Федеративной Республики Германия. Исследование направлено на выявление особенностей организационного построения, функциональной роли и места вспомогательных структур в механизме парламентской деятельности с учётом различий в конституционно-правовом статусе сопоставляемых органов. Отдельное внимание уделяется специфике Бундесрата как органа представительства федеральных земель, а также влиянию данной специфики на систему его комитетов и иных вспомогательных образований. На основе проведённого анализа формулируются конкретные предложения по использованию отдельных элементов германского опыта в практике деятельности Совета Федерации Российской Федерации с учётом положений Федерального закона от 22 декабря 2020 г. № 439-ФЗ и национальных конституционных особенностей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вспомогательные органы парламента, Совет Федерации, Бундесрат, сравнительный анализ, государственное управление, парламентские процедуры, законодательный процесс, цифровизация, комитетская система, парламентское право.

CHERNYAKOV Valentin Evgenievich,
Invited Researcher,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

OSAVELYUK Alexey Mikhailovich,
Doctor of Law, Professor, Chair of Constitutional and Municipal Law
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

AUXILIARY BODIES IN THE FEDERATION COUNCIL OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE BUNDESRAT OF THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

ANNOTATION. This article provides a comparative legal analysis of the subsidiary bodies of the Federation Council of the Russian Federation and the Bundesrat of the Federal Republic of Germany. The study examines the organizational structure, functional roles, and place of these subsidiary bodies within the parliamentary system, taking into account the constitutional and legal status of the compared bodies. Particular attention is paid to the specific characteristics of the Bundesrat as a representative body of the federal states, as well as the impact of these specifications on its committees and other subsidiary bodies. Based on the proposed analytical framework, specific proposals are formulated for integrating elements of German experience in the activities of the Federation Council of the Russian Federation, taking into account

the provisions of Federal Law No. 439-FZ of December 22, 2020, and national constitutional laws.

KEY WORDS: parliamentary auxiliary bodies, Federation Council, Bundesrat, comparative analysis, public administration, parliamentary procedures, legislative process, digitalization, committee system, parliamentary law.

Введение

Современная система государственной власти в условиях динамично развивающегося мира и усложнения государственных функций не может эффективно функционировать без чётко отлаженной работы вспомогательных структур, которые играют важную роль в обеспечении перманентной деятельности ключевых институтов власти. Данное исследование посвящено сравнительному анализу организационно-правовых моделей вспомогательных органов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Бундесрата Федеративной Республики Германия (Bundesrat der Bundesrepublik Deutschland).

Актуальность сравнительно-правового исследования вспомогательных органов при Совете Федерации Российской Федерации и Бундесрате Федеративной Республики Германия обусловлена не только общей тенденцией усложнения парламентской деятельности в рамках одной романо-германской правовой семьи, но и конкретными институциональными изменениями, произошедшими в российской конституционно-правовой системе в последние годы.

Принятие Федерального закона от 22 декабря 2020 г. № 439-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» завершило формирование нормативной основы статуса Совета Федерации как палаты парламента. В настоящее время можно говорить о накоплении первичного массива правоприменительной практики, что делает актуальным анализ не только формальных полномочий палаты, но и механизмов их практической реализации, включая деятельность вспомогательных органов — комитетов, комиссий, аппарата и консультативных структур.

В этой связи особый интерес представляет обращение к опыту Федеративной Республики Германия, где Бундесрат занимает принципиально иное место в системе органов публичной власти. В отличие от Совета Федерации, Бундесрат не является верхней палатой парламента, а выступает в качестве органа представительства федеральных земель, непосредственно вовлечённого в процесс федерального нормотворчества и административного управления. Данное различие в конституционно-правовом статусе предопределяет и специфику вспомогательных органов Бундесрата, прежде всего его комитетной системы, ориентированной на координацию позиций земель и взаимодействие с федеральным правительством.

Таким образом, целью настоящего исследования является выявление особенностей орга-

низации и функционирования вспомогательных органов при Совете Федерации и Бундесрате, а также формулирование конкретных предложений по использованию отдельных элементов германского опыта в российской практике без механического заимствования и с учётом различий в федеративных моделях. Для достижения указанной цели решаются следующие задачи: раскрыть теоретические подходы к пониманию вспомогательных государственных органов в российской и немецкой доктрине; охарактеризовать систему вспомогательных органов Бундесрата и Совета Федерации; провести их сравнительно-правовое сопоставление; сформулировать предложения по адаптации германского опыта к российским условиям.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специально-юридические методы познания. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить организационно-правовые модели вспомогательных органов Совета Федерации и Бундесрата с учётом различий в их конституционно-правовом статусе. Формально-юридический метод применялся при анализе положений Федерального закона от 22 декабря 2020 г. № 439-ФЗ, Основного закона ФРГ и иных нормативных источников. Системно-структурный метод использовался для характеристики внутренней организации комитетской системы обеих палат, а метод обобщения — при формулировании итоговых предложений. Эмпирическую базу исследования составили доктринальные источники российских и немецких правоведов, а также материалы официальной практики деятельности Совета Федерации и Бундесрата.

Результаты исследования

В российской юридической литературе, как демонстрирует в своих трудах профессор С.А. Авакьян, вспомогательные органы трактуются как специализированные подразделения, создаваемые для обеспечения эффективной работы государственно-властных институтов [1]. Их деятельность носит вспомогательный, но при этом крайне значимый характер, поскольку без их участия невозможно полноценное функционирование законодательной и исполнительной власти.

Особенное развитие эта концепция получила в работах А.М. Осавелюка [10], который, анализируя функции вспомогательных государственных органов, приходит к выводу о производном характере их компетенции. По мнению учёного, вспомогательные органы не обладают самосто-

ательной властной природой, а осуществляют делегированные полномочия в пределах, установленных нормативными правовыми актами. Вместе с тем именно через данные структуры обеспечивается экспертно-аналитическая и организационная поддержка деятельности основных органов государственной власти.

Статус вспомогательного государственного аппарата редко регулируется конституционно-правовыми или нормативными актами высокого уровня. Обычно это регулирование осуществляется подзаконными актами. Даже во внутренних актах палат парламента соответствующее регулирование почти не встречается [4].

В отличие от российской концепции, немецкая правовая мысль, представленная в фундаментальном комментарии Р. Херцога [15], рассматривает вспомогательные структуры Бундесрата как уникальный элемент системы сдержек и противовесов, сочетающий в себе черты как законодательной, так и исполнительной власти. Особый интерес в этом контексте представляет анализ Х.Х. Кляйна [16], в котором детально раскрываются административно-правовые аспекты функционирования вспомогательных органов в германской конституционной системе.

Система вспомогательных органов Бундесрата Федеративной Республики Германия отличается высокой степенью институциональной завершенности и функциональной взаимосвязи с федеральным правительством. Центральное место в данной системе занимают постоянные комитеты Бундесрата (*ständige Ausschüsse*), которые образуются по отраслевому принципу и в целом корреспондируют структуре федеральных министерств [3; 8] (Рис. 1).

В настоящее время в Бундесрате функционирует 16 постоянных комитетов, включая, в частности, Комитет по внутренним делам, Комитет по правовым вопросам, Комитет по финансам, Комитет по вопросам Европейского союза и ряд других. Каждая федеральная земля направляет своих представителей в каждый комитет, обладая при этом одним голосом, что обеспечивает равенство земель и реализацию принципа федеративного баланса [13; 14].

Существенной особенностью является то, что основная работа по рассмотрению законодательных инициатив осуществляется именно на комитетском уровне. Как отмечается в немецкой доктрине, значительная часть решений Бундесрата фактически формируется до вынесения вопроса на пленарное заседание, что позволяет говорить о феномене комитетного федерализма (*Ausschussföderalismus*) как устойчивой характеристики германской модели [12].

Помимо комитетов, в структуре Бундесрата действует Европейская палата (*Europakammer*), уполномоченная принимать решения от имени Бундесрата по вопросам, требующим оперативного реагирования в сфере права Европейского союза (Рис. 1). Данный орган играет важную роль в обеспечении участия земель в европейской интеграции.

Организационное руководство деятельностью Бундесрата осуществляет Президиум, включающий Президента Бундесрата и двух вице-президентов. При Президиуме функционирует Постоянный консультативный совет (*Der Ständige Beirat*), состоящий из представителей земель при федеральном правительстве, который консультирует по вопросам организации работы и координации позиций земель [5; 11].

Структура вспомогательных органов Бундесрата ФРГ

Рисунок 1. Структура вспомогательных органов Бундесрата Федеративной Республики Германия.

Рисунок 1. Система постоянных комитетов и вспомогательных органов Бундесрата ФРГ

Система вспомогательных органов Совета Федерации, закреплённая в Регламенте палаты [17], как показано в исследованиях Е.А. Кравцовой [7], отличается сложной трёхуровневой структурой. Первый уровень представлен Аппаратом Совета Федерации, который обеспечивает организационно-техническое сопровождение деятельности палаты, включая документооборот, координацию работы сотрудников и материально-хозяйственное обеспечение. Второй уровень включает в себя профильные комитеты

и комиссии, выполняющие экспертно-аналитические функции. Именно на этом уровне сосредоточена основная законотворческая работа, поскольку комитеты занимаются детальной проработкой законопроектов перед их рассмотрением на пленарных заседаниях [4]. Третий уровень составляют консультативные структуры — научно-экспертные советы и рабочие группы, играющие ключевую роль в подготовке решений, предоставляя законодателям актуальные аналитические данные и рекомендации (Рис. 2).

Рисунок 2. Структура органов Совета Федерации ФС РФ

В отличие от российской модели, вспомогательные органы Бундесрата, согласно анализу Р. Херцога, характеризуются большей степенью автономии и децентрализации [15]. Секретариат Бундесрата выполняет преимущественно административные функции, в то время как 16 постоянных комитетов обладают значительными полномочиями по самостоятельному принятию решений. Как отмечает Х.Х. Кляйн [16], около 75% решений в Бундесрате принимается именно на комитетском уровне, что отражает принцип «комитетного федерализма», глубоко укоренённый в германской конституционной традиции.

Совет Федерации Российской Федерации, являясь палатой парламента, выполняет преимущественно законодательные и представительские функции, что предопределяет вспомогательный характер его комитетов, комиссий, аппарата и консультативных структур. Эти элементы организационной системы ориентированы главным образом на экспертно-аналитическое и организационно-техническое обеспечение деятельности палаты и не обладают самостоятельной ролью в формировании содержания законодательных решений. В условиях

действия Федерального закона от 22 декабря 2020 г. № 439-ФЗ данная модель демонстрирует институциональную завершённость, однако одновременно выявляет признаки избыточной централизации и ограниченного вовлечения вспомогательных структур в процесс предварительной проработки законодательных инициатив.

В свою очередь, Бундесрат Федеративной Республики Германия занимает особое место в системе органов публичной власти, выступая органом представительства федеральных земель и важным элементом механизма федеративного согласования. Это обстоятельство определяет качественно иную роль его вспомогательных органов, прежде всего постоянных комитетов, которые фактически являются ключевым уровнем выработки согласованных позиций земель и предварительного принятия решений. Комитетская система Бундесрата, Европейская палата, Президиум и Постоянный консультативный совет образуют устойчивый институциональный комплекс, обеспечивающий участие субъектов федерации в федеральном управлении и законодательстве (Таблица 1).

Таблица 1. Сравнительная таблица вспомогательных органов
Бундесрата ФРГ и Совета Федерации РФ

Критерий сравнения	Бундесрат (Федеративная Республика Германия)	Совет Федерации (Российская Федерация)
Общая цель вспомогательных органов	Обеспечение согласования позиций федеральных земель, их представительства на федеральном уровне и интеграция в процесс федерального нормотворчества и управления.	Организационно-техническое, экспертно-аналитическое и консультативное обеспечение деятельности палаты парламента.
Ключевые элементы системы	1. Постоянные комитеты (16 комитетов по отраслевому принципу). 2. Европейская палата (Europakammer). 3. Президиум (Präsidium). 4. Постоянный консультативный совет (Ständiger Beirat). 5. Секретариат (административные функции).	1. Аппарат Совета Федерации (организационно-техническое обеспечение). 2. Профильные комитеты и комиссии (законотворческая работа). 3. Консультативные структуры (научно-экспертные советы, рабочие группы).
Специализированный орган для евро-вопросов	Европейская палата (Europakammer) — уполномочена оперативно принимать решения от имени Бундесрата по вопросам права ЕС, обеспечивая участие земель в европейской интеграции.	Отсутствует отдельный постоянно действующий орган, аналогичный Европейской палате. Вопросы международного и межпарламентского сотрудничества курируют профильные комитеты и аппарат.
Выявленные проблемы	Модель оценивается как эффективная и институционально завершённая.	Низкая эффективность: бюрократизация, недостаточная экспертная база комитетов, невысокий процент учёта их рекомендаций (по данным Счётной палаты РФ).
Основной системный принцип	«Комитетный федерализм» (Ausschussföderalismus) — интеграция представителей земель в федеральное управление через работу в комитетах.	Обеспечение деятельности палаты парламента через трёхуровневую систему (аппарат — комитеты — консультативные советы).

Сравнительный анализ показывает, что эффективность германской модели обусловлена не столько формальным объёмом полномочий вспомогательных органов, сколько их функциональной интеграцией в процесс принятия решений и устойчивыми горизонтальными связями между представителями земель. В этом контексте феномен «комитетного федерализма» выступает не просто организационной особенностью, а системообразующим принципом деятельности Бундесрата.

Заключение

Проведённое сравнительно-правовое исследование вспомогательных органов при Совете Федерации Российской Федерации и Бундесрате Федеративной Республики Германия позволяет сделать вывод о том, что особенности их организационного построения и функционального назначения напрямую обусловлены разли-

чиями в конституционно-правовом статусе сопоставляемых органов и моделях федеративного устройства соответствующих государств [10].

Использование германского опыта в российской практике возможно лишь в ограниченном и адаптированном виде. Представляется целесообразным заимствование отдельных институциональных решений, направленных на усиление роли комитетов Совета Федерации в аналитической и согласительной работе, развитие устойчивого взаимодействия с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также повышение прозрачности и содержательной насыщенности предварительных стадий законотворческого процесса. При этом механическое копирование моделей Бундесрата представляется недопустимым ввиду различий в конституционном строе, политической культуре и механизмах федеративных отношений.

Данный анализ вспомогательных органов при Совете Федерации и Бундесрате позволяет не только выявить специфику функционирования данных институтов, но и сформулировать практико-ориентированные выводы, направленные на совершенствование парламентской деятельности в Российской Федерации. Даль-

нейшие исследования в данной области могут быть связаны с более детальным анализом правоприменительной практики, а также с оценкой эффективности конкретных организационных механизмов, используемых в деятельности вспомогательных органов парламентов федеративных государств.

Список литературы:

- [1] Авакьян, С. А. Структура публичной власти в России: проблемы формирования и развития / С. А. Авакьян // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2018. — № 4 (33). — С. 7–13.
- [2] Векшин, А. А. Роль научно-экспертных советов комитетов и комиссий Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в законотворческом процессе: современное состояние и перспективы развития / А. А. Векшин, Е. Ю. Матвеева // Юрислингвистика. — 2007. — № 8. — С. 31–36.
- [3] Геймбух, Н. Г. К вопросу о полномочиях бундесрата ФРГ / Н. Г. Геймбух // Правовые проблемы укрепления российской государственности / под ред. М. М. Журавлева, А. М. Барнашова, С. С. Кузнецова ; Национальный исследовательский Томский государственный университет. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. — Ч. 61. — С. 116–118.
- [4] Гоберкорн, Д. А. Определение, правовой статус и принципы деятельности вспомогательных (обеспечивающих) органов законодательной власти / Д. А. Гоберкорн // Социально-экономические явления и процессы. — 2016. — № 11. — С. 15–20.
- [5] Деханов, С. А. Бундестаг и бундесрат ФРГ (историко-правовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Деханов Сергей Александрович. — М., 1995. — 20 с.
- [6] Козлова, Е. И. Конституционное право России : учебник для вузов / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2007. — 608 с.
- [7] Кравцова, Е. А. Вспомогательные и консультативные органы, создаваемые при органах государственной власти субъектов Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ / Е. А. Кравцова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2019. — № 1. — С. 24–29.
- [8] Маркварт, Э. Роль немецкого Бундесрата как институционального механизма учёта интересов территорий / Э. Маркварт // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. — 2014. — Т. 7, № 5. — С. 70–77.
- [9] Новикова, В. И. Деятельность Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: особенности и ключевые проблемы / В. И. Новикова // Огарёв-Online. — 2016. — № 8 (73). — С. 1–10.
- [10] Осавелюк, А. М. Понятие и правовой статус вспомогательных государственных органов : монография / А. М. Осавелюк. — 2-е изд. — Москва : Лань, 2019. — 212 с.
- [11] Паргачева, И. П. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Бундесрат Федеративной Республики Германия: сравнительный анализ генезиса, порядка формирования, функций : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Паргачева Инга Петровна. — М., 2006. — 198 с.
- [12] Риссе, Х. Роль Бундесрата Федеративной Республики Германии в законодательной деятельности / Х. Риссе // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. — 2003. — № 3 (44). — С. 65–67.
- [13] Саленко, А. В. Федерализм в России и Германии (Сравнительный анализ) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Саленко Александр Владимирович. — СПб., 2002. — 211 с.
- [14] Цуциев, Г. У. Конституционно-правовой статус немецкого Бундесрата как органа представительства федеральных земель / Г. У. Цуциев // Евразийский юридический журнал. — 2020. — № 8 (147). — С. 44–46.
- [15] Herzog, R. Grundgesetz-Kommentar / R. Herzog. — München : C.H. Beck, 2018. — 1024 S.
- [16] Klein, H. H. Parlamentsrecht des Bundestages / H. H. Klein. — Baden-Baden : Nomos, 2017. — 480 S.
- [17] О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление Совета Федерации ФС РФ от 29.01.2020 № 33-СФ (ред. от 27.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 6. Ст. 572.

References:

- [1] Avakyan, S. A. The Structure of Public Authority in Russia: Issues of Formation and Development / S. A. Avakyan // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2018. — No.

4 (33). — P. 7–13.

[2] Vekshin, A. A. *The Role of Scientific-Expert Councils of the Committees and Commissions of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation in the Law-Making Process: Current State and Prospects for Development* / A. A. Vekshin, E. Yu. Matveeva // *Legal Linguistics*. — 2007. — No. 8. — P. 31–36.

[3] Geimbukh, N. G. *On the Powers of the German Bundesrat* / N. G. Geimbukh // *Legal Problems of Strengthening Russian Statehood* / ed. by M. M. Zhuravlev, A. M. Barnashov, S. S. Kuznetsov; National Research Tomsk State University. — Tomsk : Tomsk University Press, 2014. — Part 61. — P. 116–118.

[4] Goberkorn, D. A. *Definition, Legal Status, and Principles of Activity of Auxiliary (Support) Bodies of the Legislative Power* / D. A. Goberkorn // *Socio-Economic Phenomena and Processes*. — 2016. — No. 11. — P. 15–20.

[5] Dekhanov, S. A. *The Bundestag and Bundesrat of Germany (Historical-Legal Analysis) : Abstract of Candidate of Legal Sciences Dissertation : 12.00.02* / Dekhanov Sergey Alexandrovich. — Moscow, 1995. — 20 p. [6] Kozlova, E. I. *Constitutional Law of Russia: Textbook for Higher Education Institutions* / E. I. Kozlova, O. E. Kutafin. — 4th ed., revised and supplemented. — Moscow: Prospekt, 2007. — 608 p.

[7] Kravtsova, E. A. *Auxiliary and Consultative Bodies Established Under State Authorities of the Constituent Entities of the Russian Federation: A Comparative Legal Analysis* / E. A. Kravtsova // *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. — 2019. — No. 1. — P. 24–29.

[8] Marquardt, E. *The Role of the German Bundesrat as an Institutional Mechanism for Taking into Account the Interests of Territories* / E. Marquardt // *Problem Analysis and Public Administration Design*. — 2014. — Vol. 7, No. 5. — P. 70–77.

[9] Novikova, V. I. *Activities of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation: Features and Key Issues* / V. I. Novikova // *Ogarev-Online*. — 2016. — No. 8 (73). — P. 1–10.

[10] Osavelyuk, A. M. *The Concept and Legal Status of Auxiliary State Bodies: Monograph* / A. M. Osavelyuk. — 2nd ed. — Moscow: Lan, 2019. — 212 p.

[11] Pargacheva, I. P. *The Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation and the Bundesrat of the Federal Republic of Germany: A Comparative Analysis of Genesis, Formation Procedures, and Functions : Dissertation ... Candidate of Political Sciences : 23.00.02* / Pargacheva Inga Petrovna. — Moscow, 2006. — 198 p. [12] Risse, H. *The Role of the Bundesrat of the Federal Republic of Germany in Legislative Activity* / H. Risse // *Constitutional Law: East European Review*. — 2003. — No. 3 (44). — P. 65–67.

[13] Salenko, A. V. *Federalism in Russia and Germany (Comparative Analysis) : Diss. ... Cand. Jurid. Sci. : 12.00.02* / Salenko Aleksandr Vladimirovich. — St. Petersburg, 2002. — 211 p.

[14] Tsutsiev, G. U. *Constitutional and Legal Status of the German Bundesrat as a Body Representing the Federal States* / G. U. Tsutsiev // *Eurasian Law Journal*. — 2020. — No. 8 (147). — P. 44–46.

[15] Herzog, R. *Grundgesetz-Kommentar* / R. Herzog. — Munich : C.H. Beck, 2018. — 1024 p.

[16] Klein, H. H. *Parlamentsrecht des Bundestages* / H. H. Klein. — Baden-Baden : Nomos, 2017. — 480 p.

[17] *On the Rules of Procedure of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation: Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation No. 33-SF dated January 29, 2020 (as amended on December 27, 2023)* // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2020. No. 6. Art. 572.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 11.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2949-0871-2026-4-65-70

ИВАНОВА Татьяна Анатольевна,
соискатель, юридический факультет,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18,
e-mail: 89093089399@yandex.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТРУМЕНТОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦАМ С ПРИЗНАКАМИ ФИКТИВНОСТИ В НАЛОГОВОМ ПРАВЕ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется система правовых средств, применяемых для выявления и пресечения деятельности юридических лиц с признаками фиктивности в налоговой сфере. Основное внимание уделено изменению их функционального назначения в условиях цифровизации налогового администрирования. Методологическую основу составили формально-юридический, историко-правовой, системно-структурный и сравнительно-аналитический методы, позволившие сопоставить содержание нормативных предписаний и практику их реализации. На основе анализа законодательства, судебных актов, документов ФНС России и научных подходов показано, что такие средства не образуют самостоятельного репрессивного института, а действуют как взаимосвязанные элементы регистрационного, налогового, финансового, межведомственного и судебного регулирования. Установлено, что развитие рассматриваемой системы прошло три этапа: преобладание регистрационно-административных мер, расширение реестровой прозрачности и контрагентской проверки, переход к автоматизированному риск-ориентированному контролю. Выявлено, что цифровая трансформация изменила способы обнаружения сомнительных операций, но не устранила необходимость процессуального доказывания обстоятельств налогового правонарушения. Обосновано разграничение между информационным сигналом и доказательством: массовый адрес, номинальное руководство, отсутствие персонала, имущества или иных ресурсов указывают на вероятность нарушения и позволяют сформировать проверочную гипотезу, однако не подтверждают сами по себе фиктивность организации, нереальность сделки либо получение необоснованной налоговой выгоды. Сделан вывод, что допустимость использования аналитических систем должна определяться законностью критериев отбора, достоверностью исходных данных, объяснимостью полученного результата и возможностью его оспаривания. Предложено рассматривать современный механизм противодействия как последовательность взаимосвязанных процедур, включающую выявление риска, проверку фактических обстоятельств, правовую квалификацию, принятие мотивированного решения и его административный или судебный пересмотр.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: налоговое право, налоговый контроль, юридическое лицо, признаки фиктивности, риск-ориентированный подход, цифровизация, средства, межведомственное взаимодействие.

IVANOVA Tatiana Anatolyevna,
Degree Applicant, Faculty of Law,
Kazan Federal University

THE LEGAL NATURE AND EVOLUTION OF INSTRUMENTS FOR COUNTERING LEGAL ENTITIES DISPLAYING SIGNS OF FICTITIOUSNESS IN TAX LAW

ANNOTATION. The article examines the legal instruments used to identify and counter legal entities displaying signs of fictitiousness in taxation. It focuses on their changing functions under the digital transformation of tax administration. The study employs formal legal, historical legal, systemic-structural, and comparative analytical methods. Analysis of legislation, judicial decisions, documents issued by the Federal Tax Service of Russia, and scholarly approaches shows that these instruments do not form an autonomous repressive institution but operate as interconnected elements of registration, tax, financial, inter-agency,

and judicial regulation. Three stages in the development of the system are identified: the predominance of registration and administrative measures; the expansion of registry transparency and counterparty verification; and the transition to automated risk-based control. Digital transformation has changed the methods used to detect suspicious transactions but has not eliminated the need to prove a tax offence through legally prescribed procedures. The study distinguishes between an information-based risk signal and legal evidence. A mass registration address, nominal management, and the absence of personnel, assets, or other resources may justify enhanced scrutiny, but do not in themselves prove that an entity is fictitious, that a transaction is unreal, or that an unjustified tax benefit has been obtained. It is concluded that analytical systems may be used only where selection criteria are lawful, source data are reliable, results are explainable, and effective review is available. The modern counteraction mechanism should be understood as a sequence comprising risk identification, factual verification, legal qualification, a reasoned decision, and administrative or judicial review.

KEY WORDS: tax law, tax control, legal entity, signs of fictitiousness, risk-based approach, digitalization, legal instruments, inter-agency cooperation.

Введение. Использование юридических лиц, не ведущих самостоятельной хозяйственной деятельности, либо формально включённых в документооборот для создания видимости операций, остаётся одной из наиболее сложных проблем налогового контроля. Законодательство не закрепляет универсального понятия «фиктивное юридическое лицо», а правоприменение использует близкие, но не тождественные обозначения: «техническая компания», «фирма-однодневка», «номинальная структура», «компания-оболочка». Поэтому противодействие не может основываться на одном формальном признаке – оно осуществляется посредством совокупности регистрационных, информационных, контрольных, обеспечительных и судебных средств, применяемых с учётом фактической роли организации в конкретной хозяйственной операции.

Научная проблема состоит в том, что цифровые средства выявления налоговых рисков развиваются быстрее, чем формируется их целостное правовое регулирование. По мере расширения использования сведений из государственных информационных ресурсов и автоматизированной аналитики, включающей сопоставление отчётности, выявление противоречий и установление связей между участниками операций, всё большее значение приобретает разграничение сигнала риска, служащего основанием для дополнительной проверки, и допустимого доказательства, подтверждающего фактические обстоятельства налогового правонарушения.

Цель статьи – раскрыть правовую природу инструментов противодействия юридическим лицам с признаками фиктивности, проследить их эволюцию и определить правовые условия их допустимого применения.

Материалы и методы. Нормативную и правоприменительную основу исследования составили законодательство о государственной регистрации юридических лиц, статья 54.1 НК РФ, Постановление Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53, судебные позиции по вопросам обоснованности налоговой выгоды и документы ФНС России, регулирующие оценку обстоятельств хозяйственных операций и информаци-

онное взаимодействие, а теоретическую основу – работы по проблемам правового регулирования, налогового контроля, риск-ориентированного администрирования и цифровизации. Формально-юридический метод использован для анализа содержания правовых норм, историко-правовой – для изучения развития модели контроля, системно-структурный – для выявления связей между группами инструментов.

Результаты и обсуждение. Правовые средства противодействия юридическим лицам с признаками фиктивности рассматриваются как элементы механизма правового регулирования. Т.Н. Радько определяет такой механизм как «систему правовых средств, осуществляющих одновременное взаимосвязанное регулирование общественных отношений определённого вида, реализуемую в конкретной правовой ситуации» [1, с. 578], а правовое регулирование – как «регламентацию общественных отношений посредством общеобязательных правил поведения и основанных на них предписаний индивидуального значения, обеспеченных в необходимых случаях государственным принуждением» [1, с. 578]. В налоговой сфере общие требования к учёту и достоверности сведений сочетаются с индивидуальными решениями по результатам проверки операций, а инструменты должны иметь нормативное основание и установленный порядок применения.

Исходя из такого понимания механизма правового регулирования, инструменты противодействия юридическим лицам с признаками фиктивности обладают двойственной, регулятивно-охранительной природой, и их регулятивная функция выражается в установлении правил регистрации, раскрытия сведений, ведения учёта, представления отчётности и выбора контрагента, тогда как охранительная функция проявляется в выявлении и пресечении искажений налоговой базы, взыскании недоимки, применении ответственности и исключении недостоверных сведений из реестра.

Для раскрытия правовой природы указанных инструментов необходимо обратиться к истории их формирования, и первый этап, охватывающий

1990-е – начало 2000-х годов, характеризовался преобладанием регистрационно-административных и последующих контрольных мер. Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ установил единый порядок государственной регистрации и ведения ЕГРЮЛ, закрепив механизмы реагирования на недостоверность сведений [3], однако ведомственные ресурсы оставались разрозненными, а нарушения выявлялись преимущественно после представления отчётности или совершения спорных операций. Я.Ф. Гужвинская отмечала необходимость согласованного изменения налогового законодательства и процедур контроля финансовых операций [4, с. 137–142], а И.Р. Пайзулаев связывал отсутствие чётких принципов контроля с практическими затруднениями и риском нарушения прав налогоплательщиков [5, с. 26]. Таким образом, ограниченность ранней модели объяснялась тем, что расширение контрольных полномочий не сопровождалось формированием единых принципов оценки, а потому не обеспечивало устойчивой профилактики нарушений и достаточных гарантий для проверяемых лиц.

По мере накопления опыта регистрационно-го и последующего налогового контроля возникла потребность в более открытой информационной модели, и второй этап, условно относимый к концу 2000-х – первой половине 2010-х годов, оказался связан с развитием электронных реестров, открытых сервисов проверки сведений и судебной доктрины необоснованной налоговой выгоды. Информационная прозрачность изменила распределение ролей между государством и участниками экономического оборота, и государственные ресурсы стали использоваться не только налоговыми органами, но и налогоплательщиками при выборе контрагентов. ФНС России раскрывает должную осмотрительность как использование доступных возможностей и инструментов для получения и проверки информации о потенциальном контрагенте [6], однако такое понимание не возлагает на налогоплательщика безусловную обязанность гарантировать добросовестность другого лица. Объём разумной проверки определяется условиями сделки, обычной деловой практикой, доступностью информации и характером выявленных несоответствий, а неблагоприятные налоговые последствия требуют установления юридически значимых обстоятельств, а не констатации неполноты контрагентского досье.

Одновременно с расширением информационной прозрачности формировались нормативные и судебные ориентиры оценки спорных операций, и Постановление Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53 закрепило основные подходы к определению обоснованности налоговой выгоды и реальности хозяйственных операций [11]. В дальнейшем статья 54.1 НК РФ установила пределы осуществления прав по исчислению

налоговой базы и суммы налога, связав последствия с искажением сведений о фактах хозяйственной жизни, целью операции и исполнением обязательства надлежащим лицом [10], а письмо ФНС России от 10 марта 2021 г. № БВ-4-7/3060@ систематизировало подходы к доказыванию обстоятельств применения статьи 54.1 НК РФ [12]. Тем самым категория «фиктивности» получила не самостоятельное карательное, а инструментальное значение, и признаки организации должны оцениваться во взаимосвязи с конкретной операцией, её фактическим исполнителем, деловой целью, осведомлённостью налогоплательщика и полнотой доказательств.

Дальнейшее развитие информационных ресурсов и методов обработки сведений обусловило переход к новому этапу, и третий период, начавшийся в середине 2010-х годов и продолжающийся в настоящее время, характеризуется цифровизацией налогового администрирования, интеграцией данных и риск-ориентированным отбором объектов контроля. Н.Р. Суслов отмечает, что цифровизация систем учёта и контроля трансформирует модель налогового администрирования, а на платформах ФНС России автоматизируются документооборот и обработка налоговой отчётности [7, с. 290]. По мнению Е.Н. Захаровой и С.К. Содномовой, риск-ориентированный подход способен повысить эффективность проверок и сократить число выездных контрольных мероприятий [8, с. 650], а его результативность связывается с ростом доли обоснованно отобранных проверок [8, с. 657]. Аналогичная тенденция прослеживается в международных материалах, и современные налоговые администрации переходят к цифровой трансформации, при которой данные используются для управления рисками несоблюдения законодательства и более адресного взаимодействия с налогоплательщиками [9; 17, р. 11].

В результате прохождения указанных этапов современная система противодействия юридическим лицам с признаками фиктивности сформировалась как комплексная модель, сочетающая регистрационные процедуры, налоговый контроль, цифровую обработку данных и межведомственное взаимодействие, а её содержание раскрывается через несколько взаимосвязанных групп механизмов.

Центральное место в рассматриваемой системе занимают налогово-правовые механизмы, к которым относятся применение статьи 54.1 НК РФ и критериев обоснованности налоговой выгоды, проведение налоговых проверок, истребование документов, анализ цепочек операций, использование электронной отчётности, информационных ресурсов ФНС России и риск-ориентированного отбора объектов контроля. Приостановление операций по счетам допускается только по основаниям статьи 76 НК РФ, а отказ в применении налоговых вычетов возможен лишь

после установления обстоятельств конкретного нарушения. Правовую основу данных средств образуют глава 14, статьи 54.1 и 76 НК РФ, а также письмо ФНС России от 10 марта 2021 г. № БВ-4-7/3060@ [10; 12], и их назначение заключается в выявлении противоречий в отчётности, проверке реальности хозяйственных операций и предупреждении искажения налоговой базы.

Наряду с налогово-правовыми средствами действуют финансово-правовые механизмы, которые охватывают внутренний контроль в финансовых организациях, идентификацию клиентов, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев, выявление контролируемых операций и применение предусмотренных законом мер при возникновении подозрений в легализации преступных доходов. Основу данной группы составляют Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ [18] и нормативные акты Банка России о внутреннем контроле, а соответствующие механизмы обеспечивают прослеживаемость финансовых потоков, препятствуют использованию формально действующих организаций в сомнительных операциях и позволяют передавать уполномоченным органам сведения для правовой оценки.

Сведения, необходимые для выявления фиктивных структур, формируются различными органами и организациями, поэтому отдельную группу образуют межведомственные механизмы, включающие взаимодействие ФНС России, Росфинмониторинга, Банка России и правоохранительных органов, сопоставление регистрационных, налоговых и транзакционных данных, а также использование системы межведомственного электронного взаимодействия. Нормативную основу такого сотрудничества образует соглашение ФНС России и Росфинмониторинга от 15 октября 2015 г. № 01-01-14/22440/ММВ-23-2/77@ [14], а применение указанных инструментов позволяет выявлять несогласованность сведений и связи между участниками операций, однако информационный обмен должен осуществляться с соблюдением режима налоговой и иной охраняемой законом тайны.

Завершающим элементом системы выступают судебно-правовые механизмы, которые включают проверку допустимости доказательств, оценку реальности операций, установление фактического исполнителя обязательства, исследование деловой цели и контроль мотивированности решений налоговых органов. Основу данной группы составляют статья 54.1 НК РФ [10], Постановление Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53 [11] и сформированные судами правовые позиции, а её назначение состоит в разграничении законной налоговой оптимизации и противоправного искажения налоговой базы, обеспечении единообразия практики и защите налогоплательщика от вывода о фиктивности, основанного только на формальных риск-инди-

каторах.

После определения основных групп механизмов необходимо установить значение признаков сомнительных организаций, и массовый адрес, неоднократное участие лица в руководстве, недостоверность сведений, отсутствие работников или ресурсов следует оценивать как вероятностные показатели. Они могут иметь законное объяснение: использование бизнес-центра или адреса управляющей компании, привлечение подрядчиков, аренду имущества либо централизованное управление группой. Следовательно, формальный индикатор служит основанием для проверки, но не предрешает вывод о фиктивности, а юридическое значение приобретает совокупность обстоятельств, подтверждающая отсутствие самостоятельной воли и реального исполнения, искусственный документооборот, подконтрольность участников и направленность действий на искажение налоговой базы.

Вывод о вероятностном характере формальных признаков приобретает особое значение при автоматизированном анализе, и алгоритмический профиль риска выполняет ориентирующую и организационную функцию, помогая распределить контрольные ресурсы, обнаружить взаимосвязи и сформировать проверяемую гипотезу. Вместе с тем такой профиль не заменяет установление фактических обстоятельств и их правовую квалификацию, а иное понимание привело бы к переносу бремени доказывания на налогоплательщика и оценке его поведения на основании непрозрачных критериев. Поэтому результат аналитической обработки должен быть объясним в той мере, в какой он используется при принятии властного решения, а налогоплательщик должен понимать, какие операции и несоответствия исследуются, иметь возможность представить пояснения и документы, а также оспорить выводы налогового органа. В свою очередь, результативность автоматизированного анализа зависит от качества информации, поэтому межведомственное взаимодействие усиливает профилактический потенциал системы. Соглашение ФНС России и Росфинмониторинга от 15 октября 2015 г. предусматривает информационный обмен между службами [14], а теория раннего предупреждения связывает эффективность с выявлением риска, мониторингом, передачей сигнала и своевременным реагированием [15]. Вместе с тем объединение данных требует соблюдения целей обработки, режима охраняемой законом тайны, разграничения доступа и фиксации источника, а исходная ошибка не должна воспроизводиться в ведомственных системах и превращаться в устойчивую негативную характеристику организации.

Изложенные положения позволяют перейти к оценке места информационных процедур в системе налогового контроля, направленного на обеспечение полноты и своевременности упла-

ты налогов, соблюдение законодательства и применение ответственности за нарушения [13, с. 198]. Цифровые технологии расширяют аналитические возможности налоговых органов и позволяют проводить проверки после выявления вероятных схем уклонения средствами предиктивной аналитики [16, с. 18], однако результативность автоматизированного отбора необходимо отличать от доказанности налогового нарушения. В связи с этим законная модель контроля должна включать последовательные стадии: риск-сигнал, проверочную гипотезу, сбор и оценку доказательств, мотивированное решение и его обжалование, а соблюдение этой последовательности обеспечивает совместимость цифрового контроля с принципами законности, равенства и правовой определённости.

Заключение. Эволюция инструментов противодействия юридическим лицам с признаками фиктивности прошла путь от регистрационного фильтра и разрозненного последующего контроля к системе реестровой прозрачности, риск-ориентированного анализа и межведомственного информационного взаимодействия. Правовая природа этой системы является ком-

плексной и регулятивно-охранительной: она направлена как на предупреждение и пресечение искажений налоговой базы, так и на формирование предсказуемых правил добросовестного экономического поведения.

Отсутствие универсального определения фиктивной организации не позволяет приравнивать риск-индикаторы к нарушению: массовый адрес, номинальное руководство, малочисленный персонал и иные признаки требуют проверки, однако выводы требуют оценки их совокупности, реальности операции, фактического исполнителя, деловой цели и осведомлённости налогоплательщика. Перспективное развитие рассматриваемых инструментов должно сопровождаться нормативной определённой критериев, контролем качества исходных данных, объяснимостью аналитических выводов, сохранением процессуального доказывания и эффективным механизмом обжалования. При соблюдении этих условий цифровизация усиливает налоговый контроль, не превращая риск-профиль организации в необратимую презумпцию её недобросовестности.

Список литературы:

- [1] Радько Т.Н. Теория государства и права: учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2010. 752 с.
- [2] Казачкова З.М., Казачков В.А. Экспертиза в налоговом праве и процессе: инструментальный подход // *Налоги*. 2018. № 1. С. 14.
- [3] Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // *Собрание законодательства РФ*. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3431.
- [4] Гужвинская Я.Ф. Контроль как способ борьбы с фирмами-«однодневками» // *Евразийский научный журнал*. 2015. № 6. С. 137–142.
- [5] Пайзулаев И.Р. Становление и развитие системы налогового администрирования в Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2012. С. 26.
- [6] Должная осмотрительность при выборе контрагента. Возможные инструменты проверки благонадёжности потенциального поставщика / ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn25/ifns/r25_14/info/9126829/ (дата обращения: 17.07.2026).
- [7] Суслов Н.Р. Налоговый контроль в условиях цифровизации // *Правовые аспекты жизни человека и общества*. 2023. № 2. С. 290.
- [8] Захарова Е.Н., Содномова С.К. Необходимость риск-ориентированного подхода в налоговом контроле // *Известия Байкальского государственного университета*. 2018. Т. 28. № 4. С. 648–659.
- [9] Tax Administration Digitalisation and Digital Transformation Initiatives. Paris: OECD Publishing, 2025. URL: https://www.oecd.org/en/publications/tax-administration-digitalisation-and-digital-transformation-initiatives_c076d776-en.html (accessed: 17.07.2026).
- [10] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ. Ст. 54.1 // *Собрание законодательства РФ*. 1998. № 31. Ст. 3824.
- [11] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // *Вестник ВАС РФ*. 2006. № 12.
- [12] Письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации». URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/about_nalog/10687108/ (дата обращения: 17.07.2026).
- [13] Прокопович В.П. Налоговый контроль как основа государственного управления в сфере налогообложения // *Актуальные проблемы государства и права в славянском мире: материалы международной научно-практической конференции*. Тамбов, 2007. С. 198.
- [14] Соглашение о сотрудничестве и организации информационного взаимодействия Федеральной службы по финансовому мониторингу и Федеральной налоговой службы от 15.10.2015 № 01-01-

14/22440/MMB-23-2/77@. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/fts/ptdsogl/16563460/ (дата обращения: 17.07.2026).

[15] Klopota I., Zoroja J., Meško M. Early warning system in business, finance, and economics: Bibliometric and topic analysis // *International Journal of Engineering Business Management*. 2018. Vol. 10. P. 1–12. DOI: 10.1177/1847979018797013.

[16] Ефремова А. Цифровизация налогового администрирования в России: проблемы и перспективы // *Налоги*. 2021. № 1. С. 18.

[17] *Compliance Risk Management: Managing and Improving Tax Compliance*. Paris: OECD Publishing, 2004. 73 p.

[18] Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» // *Собрание законодательства РФ*. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

References:

[1] Radko T.N. *Theory of State and Law: Textbook*. 2nd ed. Moscow: Prospekt, 2010. 752 p.

[2] Kazachkova Z.M., Kazachkov V.A. *Expert Assessment in Tax Law and Procedure: An Instrumental Approach* // *Taxes*. 2018. No. 1. P. 14.

[3] Federal Law No. 129-FZ dated August 8, 2001, «On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs» // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2001. No. 33 (Part I). Art. 3431.

[4] Guzhvinskaya Ya.F. Control as a Method of Combating «Shell» Companies // *Eurasian Scientific Journal*. 2015. No. 6. Pp. 137–142.

[5] Paizulaev I.R. *Formation and Development of the Tax Administration System in the Russian Federation: Theoretical and Practical Issues: Abstract of Doctoral Dissertation (Economics)*. Moscow, 2012. P. 26.

[6] *Due Diligence in Selecting a Counterparty: Possible Tools for Verifying the Reliability of a Potential Supplier* / Federal Tax Service of Russia. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn25/ifns/r25_14/info/9126829/ (accessed: July 17, 2026).

[7] Suslov N.R. *Tax Control in the Context of Digitalization* // *Legal Aspects of the Life of the Individual and Society*. 2023. No. 2. P. 290.

[8] Zakharova E.N., Sodnomova S.K. The Necessity of a Risk-Based Approach in Tax Control // *Bulletin of Baikal State University*. 2018. Vol. 28. No. 4. Pp. 648–659.

[9] *Tax Administration Digitalisation and Digital Transformation Initiatives*. Paris: OECD Publishing, 2025. URL: https://www.oecd.org/en/publications/tax-administration-digitalisation-and-digital-transformation-initiatives_c076d776-en.html (accessed: 17.07.2026).

[10] Tax Code of the Russian Federation (Part One) dated July 31, 1998, No. 146-FZ. Art. 54.1 // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 1998. No. 31. Art. 3824.

[11] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated October 12, 2006, No. 53 “On the Assessment by Arbitration Courts of the Justification for a Taxpayer Obtaining a Tax Benefit” // *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2006. No. 12.

[12] Letter of the Federal Tax Service of Russia dated March 10, 2021, No. BV-4-7/3060@ “On the Practice of Applying Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation.” URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/about_nalog/10687108/ (accessed: 17.07.2026).

[13] Prokopovich V.P. *Tax Control as the Basis of State Administration in the Sphere of Taxation* // *Current Problems of the State and Law in the Slavic World: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. Tambov, 2007, p. 198.

[14] *Agreement on Cooperation and Organization of Information Exchange between the Federal Financial Monitoring Service and the Federal Tax Service* dated October 15, 2015, No. 01-01-14/22440/MMV-23-2/77@. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/fts/ptdsogl/16563460/ (accessed: July 17, 2026).

[15] Klopota I., Zoroja J., Meško M. Early warning system in business, finance, and economics: Bibliometric and topic analysis // *International Journal of Engineering Business Management*. 2018. Vol. 10. P. 1–12. DOI: 10.1177/1847979018797013.

[16] Efremova A. *Digitalization of tax administration in Russia: problems and prospects* // *Nalogi [Taxes]*. 2021. No. 1, p. 18.

[17] *Compliance Risk Management: Managing and Improving Tax Compliance*. Paris: OECD Publishing, 2004. 73 p.

[18] Federal Law No. 115-FZ dated August 7, 2001, «On Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds Obtained by Criminal Means and the Financing of Terrorism» // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2001. No. 33 (Part I), Art. 3418.

СУХАРЬКОВА Дарья Михайловна,
магистр 2 курса кафедры ВШГА,
МГУ им. М.В. Ломоносова,
e-mail: dariashrkv2003@gmail.com

ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ВЕРТИКАЛЬНО-ИНТЕГРИРОВАННЫХ НЕФТЯНЫХ КОМПАНИЙ

АННОТАЦИЯ. Данная работа посвящена анализу такого коллективного субъекта права как вертикально-интегрированная нефтяная компания. В заключении сделаны выводы о принадлежности семи таких действующих в РФ организаций к «квази-публичному» субъекту.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вертикально-интегрированные нефтяные компании, государственное участие, государственный контроль, публичные полномочия, специальные нормы права, «квази-публичный» субъект.

SUKHARKOVA Darya Mikhailovna,
2nd-year master's student of the HSSA,
Lomonosov Moscow State University

THE FINANCIAL LEGAL STATUS OF VERTICALLY INTEGRATED OIL COMPANIES

ANNOTATION. The article is devoted to the analysis of a collective subject of law as vertically integrated oil company. The conclusion draws on the classification of seven such organizations operating in the Russian Federation as a “quasi-public” entity.

KEY WORDS: vertically integrated oil companies, state participation, state control, public authorities, special legal norms, “quasi-public” entity.

В советский период топливно-энергетический комплекс (далее – ТЭК) принадлежал государству. Как известно, именно государственная собственность на стратегические отрасли была основной плановой экономики. После распада социалистического государства начался период перехода с административно-плановой на рыночную экономику, в 1992 году Указом Президента Российской Федерации [1] Государственному комитету Российской Федерации по управлению государственным имуществом было поручено подготовить государственные предприятия ТЭК к преобразованию в акционерные общества и последующей приватизации. Уже на этом этапе было очевидно, что полный отказ от государственного контроля невозможен. Поскольку Российская Федерация является ресурсориентированным государством, и вся топливно-энергетическая промышленность представляет собой стратегический публичный интерес, предполагалось, что часть акций акционерных обществ будет принадлежать государству. Иными словами, цель государства изначально не заключалась в полном устранении из управления отраслью. При этом «дробить» государственные предприятия намерения не было. Следует подчеркнуть, что сохранение целостности производственной

цепочки рассматривалось как ключевое условие эффективного контроля. Решение сохранить всю «вертикаль» от добычи и до реализации топливно-энергетических ресурсов было принято для обеспечения простоты контроля за стратегически важным производством. Так, уже на начальном этапе реформ был заложен принцип вертикальной интеграции, который впоследствии станет определяющим для всей отрасли.

Указом Президента Российской Федерации 1992 года № 1403 [2] окончательно сформировались первые четыре ВИНК в форме акционерных обществ открытого типа. Так, 259 государственных предприятий в сфере нефтяной промышленности были преобразованы в АО «Роснефть», 18 – в АО «Лангепас-Урай-Когалымнефть» («ЛУКОЙЛ»), 12 – в АО «Юкос», 12 – в АО «Сургутнефтегаз». Также Указом № 1403 предусматривалось преобразование государственных предприятий в АО «Транснефть» и АО «Транснефтепродукт», однако рассматриваемые хозяйственные общества ВИНК не являются, поскольку сфера их деятельности ограничивается лишь транспортировкой продуктов топливно-энергетической промышленности.

Уставы новых коммерческих корпораций было поручено составлять Министерству топли-

ва и энергетики Российской Федерации, утверждать – Государственному комитету Российской Федерации по управлению государственным имуществом. Следует обратить внимание на то, что государственные органы принимали непосредственное участие в формировании учредительных документов. Также, рассматриваемым Указом был установлен фиксированный процент акций, находящийся в федеральной собственности на ближайшие 3 года. Так, доля Российской Федерации в АО «Роснефть» должна была составлять 38 %, в АО «ЛУКОЙЛ», АО «Юкос», АО «Сургутнефтегаз» – по 45 %. При этом, несмотря на отсутствие контрольного пакета акций, сохранение влияния государства сохраняется за счет нормативного закрепления всех акций Российской Федерации как голосующих. Также гарантиями государства по сохранению контроля за стратегически важной сферой промышленности являлось установление нормы о том, что в состав руководящих органов акционерных обществ «ЛУКОЙЛ», «Юкос», «Сургутнефтегаз» в обязательном порядке входят представители государственных органов, а именно Государственного комитета Российской Федерации по управлению государственным имуществом, Министерства топлива и энергетики Российской Федерации и Государственного комитета Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур, а также нормы о запрете реорганизации в форме выделения всех ВИНК без санкционирования на то Правительства Российской Федерации. Следовательно, государство сохраняло не только имущественное участие, но и прямое управленческое присутствие.

Через несколько лет, начиная с 1994 года, было зарегистрировано еще несколько акционерных обществ, которые существуют и на сегодняшний день: АО «Славнефть», АО «Татнефть», АО «Сибнефть» (с 2006 г. – АО «Газпромнефть»), АО «Башнефть».

Так, открытое АО «Славнефть» было учреждено на основании Постановления Правительства № 305 [3]. Государственному комитету Российской Федерации по управлению государственным имуществом было поручено выступить от имени Российской Федерации в качестве учредителя общества, сформировать уставный капитал за счет передачи акций АО «Мегионнефтегаз» и «Мегионнефтегазгеология», находящихся в собственности Российской Федерации, обеспечить представительство членов Государственного комитета Российской Федерации по управлению государственным имуществом, Министерства топлива и энергетики Российской Федерации и Государственного комитета Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур в составе директоров АО «Славнефть». Согласно императивной норме Постановления правительства № 305 не менее 45 % акций АО «Славнефть» подлежало передаче в

собственность Российской Федерации.

АО «Сибнефть» было учреждено в 1995 г. по Указу Президента Российской Федерации № 872 [4]. Инициативными субъектами по созданию нового общества являлись администрации Ямало-Ненецкого автономного округа, Тюменской и Омской областей. Согласно Указу Президента Российской Федерации № 872 Правительству Российской Федерации уполномочено передать в федеральную собственность 51 % акций АО «Сибнефть» на трехлетний период. Во исполнение рассматриваемого Указа Президента Российской Федерации было принято постановление Правительства Российской Федерации № 972 [5], которым было учреждено АО «Сибнефть», сформирован сводный план последующей приватизации 49 % акций общества, назначен президент и председатель совета директоров, утвержден первоначальный состав совета директоров и устав общества, а Министерству топлива и энергетики Российской Федерации поручено заключить с АО «Сибнефть» производственный контракт на ближайшие три года.

В порядке обычной регистрации были созданы в 1995 году АО «Татнефть» и АО «Башнефть». Учреждение АО «Татнефть» происходило в соответствии с Законом Республики Татарстан [6] о преобразовании (разгосударствлении и приватизации) государственной собственности. Также в 2002 году было зарегистрировано АО «РуссНефть».

На сегодняшний день, после ликвидации в результате процедуры банкротства [7] в 2007 году АО «Юкос» и поглощения в 2016 году АО «Башнефть» Роснефтью, на топливно-энергетическом рынке функционирует семь основных ВИНК: АО «Роснефть», АО «ЛУКОЙЛ», АО «Сургутнефтегаз», АО «Славнефть», АО «Татнефть», АО «Газпромнефть», АО «РуссНефть». В каждом публичном акционерном обществе присутствует доля Российской Федерации, а в некоторых ВИНК Российская Федерация является основным акционером – то есть доля акций, находящихся в федеральной собственности, превышает 50 %. Так, на сегодняшний день большинство ВИНК являются правопреемниками множества советских государственных нефтяных предприятий, специально созданных государством на основе иных нормативных правовых актов.

На сегодняшний день Федеральной антимонопольной службой (далее – ФАС РФ) большинство нефтяных компаний признаны занимающими доминирующее положение на рынке. Впервые ФАС РФ начал возбуждать дела о злоупотреблении доминирующим положением на рынке именно в отношении ВИНК [8], что говорит о наличии реальной возможности таких компаний «оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на соответствующем товарном рынке», в том числе и на ценообразование. Такое утверждение можно сделать, так как, согласно россий-

скому законодательству, нефтепродукты не являются товарами первой необходимости, поэтому на сегодняшний день цены на них формируются на основе рыночного механизма конкуренции, что никак не препятствует косвенному государственному вмешательству в механизмы рыночного ценообразования. Стоит отметить, что государственный контроль за «соотношением цен» на рынке топливно-энергетической продукции предусматривался еще п. 3 ранее рассмотренного Указа Президента Российской Федерации от 01.06.1992 № 542, когда организации, занимающиеся добычей, переработкой нефти и реализацией нефтепродуктов только создавались. Так, контроль за ценообразованием является не нововведением, а продолжением изначально заложенной государственной политики.

Государственное влияние на ценообразование нефтепродуктов реализуется посредством «демпфера» - налогового вычета по обратному акцизу на нефтяное сырье, направленное на переработку (п. 27 ст. 200 НК РФ [9]), поскольку условия его предоставления сформулированы таким образом, чтобы стимулировать производство российскими организациями экологически чистого автомобильного бензина и дизельного топлива (К5 [10]) за счет собственных мощностей и реализацию данных нефтепродуктов на внутреннем рынке Российской Федерации вместо экспорта. Кроме того, «демпфер» по своей правовой природе больше походит на бюджетную субсидию [11, 12, 13], так как фактически является выплатой, предоставляемой налогоплательщику на безвозмездной и безвозвратной основе. Однако предоставление «демпфера» не только санкционирует Федеральное Казначейство РФ, как обычную бюджетную субсидию, но и контролируют налоговые органы. Условия получения «демпфера», на сегодняшний день, сформулированы таким образом, что получить его могут только ВИНК. Таким образом, ВИНК *«используются» государством для реализации публичных полномочий по обеспечению волатильности цен на бензины и «субсидируются» за счет средств бюджетов бюджетной системы РФ.*

Также ВИНК при добыче нефти уплачивают специальный налог на добычу полезных ископаемых, при исчислении которого есть особенности налогообложения добычи нефти (ст. ст. 342, 342.5 НК РФ). Также налоговым законодательством установлены особенности исчисления «дополнительных нефтяных доходов» при исчислении налога на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья (ст. 333.46 НК РФ). Кроме того, при заключении экспортных контрактов ВИНК в специальном порядке осуществляют репатриацию и обязательную продажу валютной выручки в порядке, предусмотренном Указом Президента от 11.10.2023 г. № 771. Так, ВИНК при осуществлении своей деятельности функционируют в условиях уникального фискально-регуляторного

режима. Совокупность рассматриваемых норм формирует особенную налоговую и административную нагрузку, что требует от ВИНК учета отраслевых особенностей на всех этапах своей деятельности.

Таким образом, ВИНК, по мнению автора, является «квази-публичным» субъектом права. Данный вывод обуславливается тем, что ВИНК специально созданы и контролируются государством, реализуют публичные полномочия, а их деятельность подвергается специальному правовому регулированию. Такая ситуация обуславливается тем, что топливно-энергетический комплекс всегда являлся отраслью промышленности, находящемся на особом контроле государства, вне зависимости от того советский это период или современный. Именно поэтому большинство ВИНК являются правопреемниками, а их небольшое количество на современном рынке объясняется необходимостью обеспечения легкого государственного контроля за развитием стратегически важной сферы промышленности, за рынками сбыта топлива и за экономией на крупном объединенном производстве нефтепродуктов.

Развивая высказанное суждение о квалификации ВИНК как «квази-публичного» субъекта, следует остановиться на том, какое практическое и теоретическое значение данный вывод может иметь для дальнейшего развития правовой системы РФ. По мнению автора, признание ВИНК специальным субъектом права создает основу для выработки специального законодательного акта, который бы четко определял правовой статус таких компаний, их права, обязанности, а также пределы государственного вмешательства в их деятельность. В настоящее время отсутствие легального определения «ВИНК» порождает правовую неопределенность при применении антимонопольных, налоговых, бюджетных и корпоративных норм, а предложенный автором подход дает юридически значимый критерий для отграничения ВИНК от иных хозяйствующих субъектов. В судебной практике этот подход может быть использован для толкования договорных обязательств ВИНК с учетом их публично-значимых функций, например, при разрешении споров о ценообразовании, о поставках топлива для государственных нужд или о возмещении убытков, причинённых действиями таких организаций. Кроме того, теоретическое осмысление ВИНК как «квази-публичных» субъектов открывает перспективы для разработки доктрины «смешанных образований» в российском праве, что позволит более гибко сочетать рыночную свободу и государственное регулирование в стратегических отраслях, а также даст ориентиры для законодателя при регулировании иных государственно-частных структур: например, в оборонно-промышленном, аграрном комплексах.

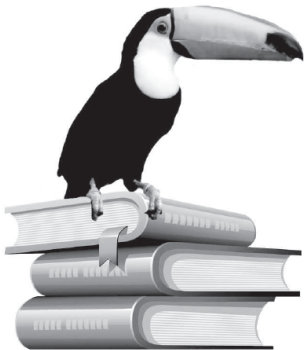
Список литературы:

- [1] Указ Президента РФ от 01.06.1992 № 542 «О статусе производственных и научно-производственных объединений топливно-энергетического комплекса» // РГ № 128, 05.06.1992.
- [2] Указ Президента РФ от 17.11.1992 № 1403 (ред. от 30.05.2019) «Об особенностях приватизации и преобразования в акционерные общества государственных предприятий, производственных и научно-производственных объединений нефтяной, нефтеперерабатывающей промышленности и нефтепродуктообеспечения» // «Собрание актов Президента и Правительства РФ», 30.11.1992, № 22, ст. 1878.
- [3] Постановление Правительства РФ от 08.04.1994 № 305 «Об учреждении акционерного общества открытого типа «Нефтегазовая компания «Славнефть» // «Собрание актов Президента и Правительства РФ», 18.04.1994, № 16, ст. 1385.
- [4] Указ Президента РФ от 24.08.1995 № 872 «Об учреждении открытого акционерного общества «Сибирская нефтяная компания» // СЗ РФ 04.09.1995, № 36, ст. 3530.
- [5] Постановление Правительства Российской Федерации от 29.09.1995 г. № 972 «Об образовании открытого акционерного общества «Сибирская нефтяная компания» // СЗ РФ 09.10.1995, № 41, ст. 3903.
- [6] Закон Республики Татарстан «О преобразовании государственной и коммунальной собственности в Республике Татарстан (о разгосударствлении и приватизации)» от 05.02.1992 № 1403-XII.
- [7] Определение ВАС РФ от 11.07.2013 № ВАС-2243/07 по делу № А40-11836/06-88-35 «Б».
- [8] Кулик, Я. В. Российский антитраст ищет себя // Закон. 2024. № 7. – 10 с.
- [9] «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // СЗ РФ 07.08.2000, № 32, ст. 3340.
- [10] ГОСТ 32513-2013 14.11.2013 «Топлива моторные. Бензин неэтилированный. Технические условия»; ГОСТ Р 52368-2005 «Топливо дизельное ЕВРО. Технические условия».
- [11] Лютягин, Д. В. Демпфирующий механизм в регулировании рынка нефтепродуктов в России / Д. В. Лютягин, Ю. В. Забайкин, С. А. Новикова // Булатовские чтения. – 2020. – Т. 7. – С. 239-245.
- [12] Малков, А. В. Демпферный механизм в системе ценообразования на топливном рынке России / А. В. Малков, В. Ю. Немов // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2022. – Т. 2, № 4. – С. 227-233.
- [13] Щекин, Денис Михайлович. Критерий разумности налогоплательщика и защита его правомерных ожиданий // Д. М. Щекин // Налоги. – 2022. – № 3. – С. 27-30.

References:

- [1] Decree of the President of the Russian Federation No. 542 dated June 1, 1992, «On the Status of Production and Research-and-Production Associations of the Fuel and Energy Complex» // *Rossiyskaya Gazeta** No. 128, June 5, 1992.
- [2] Decree of the President of the Russian Federation No. 1403 dated November 17, 1992 (as amended on May 30, 2019), «On Specifics of Privatization and Transformation into Joint-Stock Companies of State Enterprises, Production and Research-and-Production Associations of the Oil, Oil Refining, and Petroleum Product Supply Industries» // *Collection of Acts of the President and Government of the Russian Federation**, November 30, 1992, No. 22, Item 1878.
- [3] Resolution of the Government of the Russian Federation No. 305 dated April 8, 1994, «On the Establishment of the Open-Type Joint-Stock Company 'Oil and Gas Company Slavneft'» // *Collection of Acts of the President and Government of the Russian Federation**, April 18, 1994, No. 16, Item 1385.
- [4] Decree of the President of the Russian Federation No. 872 dated August 24, 1995, «On the Establishment of the Open Joint-Stock Company 'Siberian Oil Company'» // *Collected Legislation of the Russian Federation**, September 4, 1995, No. 36, Item 3530.
- [5] Resolution of the Government of the Russian Federation No. 972 dated September 29, 1995, «On the Formation of the Open Joint-Stock Company 'Siberian Oil Company'» // *Collected Legislation of the Russian Federation**, October 9, 1995, No. 41, Item... 3903.
- [6] Law of the Republic of Tatarstan «On the Transformation of State and Municipal Property in the Republic of Tatarstan (on Denationalization and Privatization)» dated February 5, 1992, No. 1403-XII.
- [7] Ruling of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated July 11, 2013, No. VAS-2243/07 in Case No. A40-11836/06-88-35 «B».
- [8] Kulik, Ya. V. Russian Antitrust Seeks Its Identity // *Zakon*. 2024. No. 7. – 10 p.
- [9] «Tax Code of the Russian Federation (Part Two)» dated August 5, 2000, No. 117-FZ (as amended on August 4, 2026) (with amendments and additions entering into force on September 1, 2026) // *Collected Legislation of the Russian Federation*, August 7, 2000, No. 32, Art. 3340.
- [10] GOST 32513-2013 (dated November 14, 2013) «Motor Fuels. Unleaded Gasoline. Specifications»; GOST R 52368-2005 «EURO Diesel Fuel. Specifications».

- [11] Lyutyagin, D. V. *The Damping Mechanism in the Regulation of the Petroleum Product Market in Russia* / D. V. Lyutyagin, Yu. V. Zabaykin, S. A. Novikova // *Bulatov Readings*. – 2020. – Vol. 7. – P. 239-245.
- [12] Malkov, A. V. *The damper mechanism in the pricing system of the Russian fuel market* / A. V. Malkov, V. Yu. Nemov // *Interexpo Geo-Siberia*. – 2022. – Vol. 2, No. 4. – P. 227–233.
- [13] Shchekin, Denis Mikhailovich. *The taxpayer reasonableness criterion and the protection of legitimate expectations* // D. M. Shchekin // *Taxes*. – 2022. – No. 3. – P. 27–30.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 11.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2949-0871-2026-4-76-79

ДЖОГА Диана Спартаковна,
студентка Крымского филиала Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
Симферополь, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ВЕРДИКТ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ КАК АКТ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ, СОДЕРЖАНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется правовая природа вердикта присяжных заседателей как акта самостоятельной судебной власти. Анализируются проблемы формирования коллегии присяжных, выработки внутреннего убеждения, содержания вопросного листа и процедуры вынесения вердикта. Особое внимание уделяется противоречиям, возникающим в вердикте, и основаниям для его преодоления судом, в том числе через процедуру уточнения, предусмотренную частью 2 статьи 345 УПК РФ. На основе анализа судебной практики и доктринальных позиций выявляются типичные ошибки, допускаемые как присяжными, так и председательствующими судьями, которые влекут отмену приговоров. Делается вывод о необходимости совершенствования законодательной регламентации процедуры проверки вердикта и повышения правовой компетентности присяжных заседателей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: суд присяжных, вердикт, присяжные заседатели, председательствующий судья, противоречия в вердикте, отмена приговора, вопросный лист, уголовное судопроизводство.

DZHOGA Diana Spartakovna,
Student of the Crimean Branch of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education «Russian State
University of Justice named after V.M. Lebedev»,
Simferopol, Russia

THE VERDICT OF THE JURY AS AN ACT OF INDEPENDENT JUDICIAL POWER: PROBLEMS OF FORMATION, CONTENT AND OVERCOMING

ANNOTATION. The article examines the legal nature of the jury's verdict as an act of independent judicial power. The problems of forming a jury panel, developing inner conviction, the content of the questionnaire and the procedure for rendering a verdict are analyzed. Special attention is paid to the contradictions arising in the verdict and the grounds for overcoming them by the court, including through the clarification procedure provided for by Part 2 of Article 345 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Based on the analysis of judicial practice and doctrinal positions, typical mistakes made by both jurors and presiding judges that entail the reversal of sentences are identified. The conclusion is made about the need to improve the legislative regulation of the procedure for verifying the verdict and increase the legal competence of jurors.

KEY WORDS: jury trial, verdict, jurors, presiding judge, contradictions in the verdict, reversal of sentence, questionnaire, criminal proceedings.

Институт присяжных заседателей, возникший в России в конце XX века, представляет собой одну из наиболее значимых форм участия граждан в отправлении правосудия. Как справедливо отмечается в доктрине, присяжные заседатели, в отличие от профессионального судьи, не осуществляют правосудие в полном объеме, но привлекаются к судебному

разбирательству для вынесения вердикта – решения о виновности или невиновности подсудимого [3, с. 17]. Вердикт присяжных заседателей является центральным звеном данной формы судопроизводства, поскольку именно он определяет дальнейшую судьбу уголовного дела и во многом предопределяет содержание приговора, постановляемого председательствующим судьям.

ей. В силу статьи 348 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации обвинительный вердикт обязателен для председательствующего и влечет за собой постановление обвинительного приговора [1, ст. 348]. Таким образом, вердикт приобретает значение акта самостоятельной судебной власти, обладающего особым юридическим статусом.

Правовая природа вердикта присяжных заседателей традиционно является предметом научной дискуссии. Н.К. Петровский определял вердикт как «дистанцированное по времени и по месту от профессионального судьи, самостоятельное, принятое решение коллегии присяжных заседателей по вопросам доказанности фактов и установления на их основании виновности или невиновности подсудимого, обуславливающее вид приговора и размер наказания за содеянное, а также ход и направленность дальнейшего разбирательства по делу до вынесения приговора» [3, с. 18]. Данное определение акцентирует самостоятельность вердикта, его независимость от профессионального судьи, что является фундаментальной характеристикой института присяжных. Однако, как обоснованно отмечают О.В. Ануфриева и О.П. Копылова, вердикт присяжных заседателей по своей юридической силе отличается от приговора суда присяжных: вердикт является основой приговора, его составляющим элементом, тогда как приговор представляет собой итоговое решение по делу.

Проблема формирования коллегии присяжных заседателей и выработки ею внутреннего убеждения является одной из ключевых для понимания природы вердикта. В соответствии с частью 1 статьи 343 УПК РФ присяжные заседатели при обсуждении поставленных перед ними вопросов должны стремиться к принятию единодушных решений. Однако достижение единодушия не всегда возможно, и закон предусматривает возможность принятия решения большинством голосов. При этом, как подчеркивается в литературе, присяжные заседатели, в отличие от судьи, принимают решение не на основе формально-юридического анализа норм права, а руководствуясь своим внутренним убеждением, основанным на жизненном опыте, здравом смысле и нравственных принципах [4, с. 91].

Сложность правовой компетентности присяжных заседателей является фактором, существенно влияющим на качество выносимого вердикта. Г.Я. Борисевич и С.И. Афанасьева справедливо отмечают, что распространенное мнение о том, что присяжным для установления фактической стороны преступления не требуется специальных юридических познаний, является ошибочным. В современных реалиях присяжные заседатели, будучи недостаточно сведущими в области права, нуждаются в консультациях по многим правовым вопросам, которые неизбеж-

но возникают при рассмотрении любого уголовного дела. Председательствующий обязан разъяснять нормы закона коллегии присяжных заседателей, однако, как показывает практика, этого явно недостаточно для решения главных вопросов о доказанности деяния, доказанности его совершения подсудимым и его виновности.

Особую роль в формировании вердикта играет напутственное слово председательствующего, регламентированное статьей 340 УПК РФ. В напутственном слове председательствующий напоминает присяжным исследованные в суде доказательства, не выражая при этом своего отношения к ним, разъясняет правила оценки доказательств, принцип презумпции невиновности, положение о толковании неустрашимых сомнений в пользу подсудимого. Как отмечает Г.Г. Зелинский, присяжным необходима дополнительная информация о законодательстве, о принципах судебной деятельности, однако существующая процедура не всегда позволяет обеспечить им полноценное восприятие сложной правовой информации [5, с. 252].

Проблема содержания вердикта неразрывно связана с вопросным листом, который составляется председательствующим в соответствии с требованиями статьи 339 УПК РФ. Присяжные заседатели отвечают на три основных вопроса: доказано ли, что деяние имело место; доказано ли, что это деяние совершил подсудимый; виновен ли подсудимый в совершении этого деяния. Как показывает судебная практика, формулировка вопросов может существенно повлиять на содержание вердикта. В приговоре Краснооктябрьского районного суда г. Волгограда по делу № 1-492/2024, вынесенном на основании вердикта присяжных, суд указал, что подсудимый признан виновным в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшем смерть потерпевшего, при этом присяжные установили фактические обстоятельства дела, включая количество и локализацию нанесенных ударов [9]. Данный пример демонстрирует, что вердикт присяжных содержит не только итоговое решение о виновности, но и фактические обстоятельства, которые впоследствии ложатся в основу приговора.

Одной из наиболее сложных проблем является выявление и преодоление противоречий в вердикте присяжных заседателей. Как отмечают И.И. Лодыженская и Д.Д. Малышева, одной из основных причин, по которой Верховный Суд РФ продолжает отменять приговоры, вынесенные на основании вердикта присяжных, является нарушение положений части 2 статьи 345 УПК РФ, согласно которой в случае, если председательствующий найдет вердикт присяжных заседателей неясным или противоречивым, он указывает на обнаруженные несоответствия и ошибки коллегии присяжных и предлагает им вернуться в совещательную комнату для внесения уточнений

в вопросный лист [6, с. 154].

Анализ судебной практики позволяет выделить типичные противоречия, влекущие отмену приговоров. К их числу относится неправильная трактовка результатов голосования. В качестве примера авторы приводят дело, рассмотренное Верховным судом Республики Калмыкия, где в вопросном листе на вопрос о доказанности причастности обвиняемого к деянию был дан ответ «Нет, не доказано», при этом результаты голосования показали, что большинство присяжных проголосовали «против» того, что причастность не доказана. Судебная коллегия Верховного Суда РФ обоснованно отменила оправдательный приговор, указав, что результаты голосования не дают оснований считать вердикт оправдательным.

Другой распространенной ошибкой является признание присяжными заседателями одного и того же факта как доказанным и недоказанным одновременно. В апелляционном определении Верховного Суда РФ от 22 марта 2016 г. по делу, рассмотренному Костромским областным судом, было установлено, что присяжные признали доказанным событие преступления, в частности производство двух выстрелов в потерпевшего, однако при ответе на вопрос о причастности подсудимого исключили из описания преступного деяния факт производства выстрелов, тем самым признав недоказанным как сговор на убийство, так и производство выстрелов. При этом на вопрос о виновности присяжные ответили утвердительно. Такие взаимоисключающие ответы были признаны судом кассационной инстанции существенным противоречием, влекущим отмену приговора.

Особую сложность представляет ситуация, когда присяжные признают невиновность лица при признании доказанным события преступления и причастности подсудимого к нему. Как отмечается в литературе, классическим примером является дело Веры Краскиной, рассмотренное Ивановским областным судом в 1995 году, где присяжные, признав доказанным событие преступления и причастность к нему подсудимой, отрицательно ответили на вопрос о ее виновности, вынеся оправдательный вердикт. Верховный Суд РФ признал такой приговор законным, указав, что часть 3 статьи 343 УПК РФ прямо предусматривает правовые последствия дачи отрицательного ответа хотя бы на один из трех основных вопросов. Данная позиция подтверждена впоследствии и в кассационном определении Верховного Суда РФ от 30 июля 2009 г., где судебная коллегия указала, что положительные ответы на первые два вопроса и отрицательный ответ о виновности не являются неясностью и противоречивостью вердикта и не могут служить основанием к отмене оправдательного приговора.

Анализ современной судебной практики по-

казывает, что суды последовательно применяют данные разъяснения. В приговоре Зерноградского районного суда Ростовской области от 20 июня 2025 г. по делу № 1-70/2025, вынесенном на основании вердикта присяжных, подсудимый был признан виновным в покушении на убийство [8]. При этом суд, квалифицируя действия подсудимого, исходил исключительно из фактических обстоятельств, установленных вердиктом, и не вправе был давать иную оценку этим обстоятельствам. В приговоре особо подчеркнуто, что утверждения стороны защиты об иной оценке фактических обстоятельств дела, установленных вердиктом, не подлежат обсуждению, поскольку все эти вопросы относятся исключительно к компетенции присяжных заседателей.

Вердикт присяжных заседателей может быть преодолен судом лишь в строго ограниченных законом случаях. Часть 4 статьи 348 УПК РФ предусматривает возможность роспуска коллегии присяжных и направления дела на новое рассмотрение иным составом суда в случае, если председательствующий признает, что вердикт вынесен в отношении невиновного и имеются достаточные основания для постановления оправдательного приговора вследствие того, что не установлено событие преступления или не доказано участие подсудимого в совершении преступления. Однако, как показывает практика, такие случаи крайне редки. В приговоре Верховного Суда Республики Бурятия от 17 июля 2025 г. по делу № 1-6/2025, вынесенном на основании обвинительного вердикта, суд не усмотрел оснований для роспуска коллегии, поскольку вердикт не содержал противоречий и был вынесен в соответствии с требованиями закона [7].

Проблема преодоления вердикта связана также с вопросом о пределах проверки приговора вышестоящими судами. Согласно статье 389.27 УПК РФ, приговор суда с участием присяжных заседателей не может быть обжалован в апелляционном порядке по основанию несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела. Это ограничение подчеркивает особый статус вердикта и его самостоятельное значение как акта судебной власти, не подлежащего переоценке вышестоящей инстанцией.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что вердикт присяжных заседателей занимает уникальное место в системе уголовного судопроизводства. Являясь актом самостоятельной судебной власти, он выносится непрофессиональными судьями на основе их внутреннего убеждения, жизненного опыта и нравственных принципов. Вместе с тем практика выявления и преодоления противоречий в вердикте свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования законодательной регламентации процедуры проверки вердикта председательствующим судьей. Обстоятельством,

порождающим ошибки, является отсутствие в законе регламентированной процедуры проверки вердикта председательствующим судьей. Разработка и внесение соответствующих изменений в УПК РФ, а также систематическое повышение правовой компетентности присяжных

заседателей и совершенствование методики составления вопросного листа будут способствовать снижению количества отмененных приговоров и повышению эффективности данной формы судопроизводства.

Список литературы:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 1.

[3] Ануфриева О.В., Копылова О.П. Вердикт присяжных заседателей и его значение для приговора суда // Science Time. 2017. № 4 (40). С. 17–21.

[4] Борисевич Г.Я., Афанасьева С.И. Правовая компетентность как фактор, влияющий на вердикт присяжных заседателей // Ex jure. 2018. № 3. С. 89–97.

[5] Зелинский Г.Г. Особенности судопроизводства с участием присяжных. Актуальные проблемы и перспективы развития суда присяжных заседателей // Молодой ученый. 2020. № 22 (312). С. 251–253.

[6] Лодыженская И.И., Малышева Д.Д. Противоречия в вердикте присяжных заседателей как основание для отмены приговора суда // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 1 (51). С. 153–163.

[7] Приговор Верховного Суда Республики Бурятия от 17 июля 2025 г. по делу № 1-6/2025. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VMn561LcLcJj/> (дата обращения: 22.03.2026).

[8] Приговор Зерноградского районного суда Ростовской области от 20 июня 2025 г. по делу № 1-70/2025. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GYzVloq5cS6L/> (дата обращения: 22.03.2026).

[9] Приговор Краснооктябрьского районного суда г. Волгограда от 4 августа 2025 г. по делу № 1-492/2024. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : [сайт]. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/YOUR_LINK/ (дата обращения: 22.03.2026).

References:

[1] Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ dated December 18, 2001 (as amended on March 8, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part I). Art. 4921.

[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 23 dated November 22, 2005, «On the Application by Courts of the Provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation Governing Proceedings Involving a Jury» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2006. No. 1.

[3] Anufrieva O.V., Kopylova O.P. The Jury Verdict and Its Significance for the Court Judgment // Science Time. 2017. No. 4 (40). Pp. 17–21.

[4] Borisevich G.Ya., Afanasyeva S.I. Legal Competence as a Factor Influencing the Jury Verdict // Ex jure. 2018. No. 3. Pp. 89–97.

[5] Zelinsky G.G. Specifics of Proceedings Involving a Jury: Current Issues and Prospects for the Development of the Jury System // Young Scientist. 2020. No. 22 (312). Pp. 251–253.

[6] Lodyzhenskaya I.I., Malysheva D.D. Contradictions in the Jury Verdict as Grounds for Overturning the Court Judgment // Leningrad Legal Journal. 2018. No. 1 (51). Pp. 153–163. [7] Judgment of the Supreme Court of the Republic of Buryatia dated July 17, 2025, in Case No. 1-6/2025. – Text : electronic // Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation (SudAkt) : [website]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VMn561LcLcJj/> (accessed: March 22, 2026).

[8] Judgment of the Zernogradsky District Court of the Rostov Region dated June 20, 2025, in Case No. 1-70/2025. – Text : electronic // Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation (SudAkt) : [website]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GYzVloq5cS6L/> (accessed: March 22, 2026).

[9] Judgment of the Krasnooktyabrsky District Court of Volgograd dated August 4, 2025, in Case No. 1-492/2024. – Text : electronic // Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation (SudAkt) : [website]. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/YOUR_LINK/ (accessed: March 22, 2026).

ПЕЛЕНИЦЫНА Марина Валентиновна,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ИБРАГИМОВА Карина Александровна,
студентка,
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП имени В.М. Лебедева»,
e-mail: mail@law-books.ru

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются современные направления развития института судебного контроля в гражданском судопроизводстве Российской Федерации. Анализируются теоретические подходы к пониманию сущности судебного контроля, его соотношение с правосудием и иными видами государственного контроля. Рассматривается самоконтроль суда первой инстанции как самостоятельное направление контрольной деятельности, его нормативное закрепление и практическое значение для повышения эффективности правосудия. Особое внимание уделяется проблемам реализации судебного контроля в исполнительном производстве. Выявляются основные проблемы правового регулирования судебного контроля и предлагаются пути их решения, включая совершенствование процессуального законодательства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: судебный контроль, гражданское судопроизводство, самоконтроль суда, исполнительное производство, правосудие, процессуальное законодательство.

PELENITSYNA Marina Valentinovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

IBRAGIMOVA Karina Aleksandrovna,
Student,
Crimean Branch of the Russian
State University of Justice named after V.M. Lebedev

MODERN DIRECTIONS OF JUDICIAL CONTROL IN CIVIL PROCEEDINGS

ANNOTATION. The article examines modern directions of development of the judicial control institute in civil proceedings of the Russian Federation. Theoretical approaches to understanding the essence of judicial control, its correlation with justice and other types of state control are analyzed. Self-control of the court of first instance as an independent direction of control activity, its normative consolidation and practical significance for increasing the efficiency of justice are considered. Special attention is paid to the problems of implementation of judicial control in enforcement proceedings. The main problems of legal regulation of judicial control are identified and ways to solve them are proposed, including improvement of procedural legislation.

KEY WORDS: judicial control, civil proceedings, self-control of the court, enforcement proceedings, justice, procedural legislation.

В последние годы научный интерес к институту судебного контроля в гражданском процессе заметно возрос. Представляется, что причины этого лежат не только в плоскости теории — значение данного правового феномена существенно и для правоприменительной практики, особенно на фоне текущей судебной реформы и обновления процессуальных норм. Как справедливо отмечается в литературе, судебный контроль, будучи одной из ключевых функций судебной власти, служит гарантией законности

судебных постановлений, обеспечивает защиту интересов участников оборота и встроен в общую архитектуру сдержек и противовесов как ее необходимая составляющая.

М.А. Бучакова совершенно обоснованно обращает внимание на то, что в науке до сих пор отсутствует единое, устоявшееся определение судебного контроля; более того, сама природа этой правовой категории оценивается исследователями неоднозначно [2, с. 157]. Разделяя данную позицию, позволим себе заметить: анализ

доктринальных источников действительно свидетельствует о множественности подходов к пониманию сущности рассматриваемого института. В частности, довольно распространена точка зрения, согласно которой судебный контроль сводится исключительно к проверке законности действий органов власти и местного самоуправления. Однако, с нашей точки зрения, подобная трактовка страдает известной узостью, поскольку в гражданском процессе контрольная функция суда проявляется значительно шире и не может быть сведена лишь к надзору за публичными органами.

В этой связи обоснованным представляется вывод, содержащийся в учебной литературе, о том, что судебную защиту гражданских прав следует рассматривать в качестве приоритетной, поскольку она наиболее регламентирована, универсальна и обеспечивает наибольшие гарантии правильного применения закона [8, с. 3]. В силу этого приоритета под гражданским процессом часто понимают именно гражданское судопроизводство, то есть порядок рассмотрения и разрешения судами гражданских дел, определяемый нормами процессуального законодательства [8, с. 3].

На наш взгляд, в современной правовой доктрине можно выделить несколько основных подходов к пониманию судебного контроля. Одни исследователи рассматривают его как самостоятельную функцию судебной власти, другие - как форму осуществления правосудия. Третья группа ученых видит в судебном контроле процессуальную деятельность суда по проверке законности и обоснованности решений, действий (бездействий) органов и должностных лиц. Полагаем, что наиболее обоснованным является комплексный подход, учитывающий как функциональный, так и процессуальный аспекты судебного контроля.

Следует отметить, что проблема определения понятия судебного контроля имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Отсутствие легального определения в процессуальном законодательстве создает трудности для правоприменителей при разграничении контрольных и иных полномочий суда. Представляется целесообразным законодательно закрепить понятие судебного контроля, что позволит устранить существующую неопределенность и унифицировать правоприменительную практику.

Одним из наиболее актуальных направлений судебного контроля в гражданском судопроизводстве является самоконтроль суда первой инстанции. В науке данный институт исследован недостаточно, хотя его практическое значение трудно переоценить. Возможность суда самостоятельно исправлять допущенные ошибки без обращения в вышестоящие инстанции способствует повышению эффективности правосудия и экономии процессуальных ресурсов. Как отме-

чает Е.Г. Тришина, «самоконтроль суда первой инстанции представляет собой сложную правовую категорию, включающую в себя мыслительную и процессуальную деятельность суда как после принятия и вынесения решения, так и во время разбирательства дела по существу» [3, с. 7].

Нормативную основу самоконтроля суда первой инстанции составляют положения Гражданского процессуального кодекса РФ [7]. Как показывает анализ соответствующих норм, законодатель закрепил несколько форм его проявления, каждая из которых имеет свои особенности. Наиболее простой из них выступает исправление описок и явных арифметических ошибок (ст. 200 ГПК РФ) - по сути, это техническая корректировка, не затрагивающая существа принятого решения. Более содержательной формой является разъяснение судебного акта (ст. 202 ГПК РФ): прибегая к ней, суд получает возможность уточнить собственную позицию, не меняя при этом резолютивной части. Отдельно следует выделить институты отсрочки, рассрочки исполнения, а также изменения способа и порядка исполнения (ст. 203 ГПК РФ) - здесь самоконтроль суда переходит уже в плоскость исполнительного производства. Наконец, наиболее радикальной мерой выступает отмена заочного решения (ст. 240-244 ГПК РФ), поскольку она влечет за собой фактически повторное рассмотрение дела по существу.

Автор полагает, что заложенный в институте самоконтроля суда первой инстанции потенциал далеко не исчерпан и открывает перспективы для его дальнейшего совершенствования. В частности, заслуживает внимания идея расширения круга оснований, по которым суд вправе пересмотреть собственное решение. Думается, было бы оправданным наделить суд возможностью отменять собственный акт при обнаружении новых обстоятельств, минуя апелляционную инстанцию, - разумеется, при условии, что эти обстоятельства стали известны суду в пределах разумного срока. Кроме того, нуждается в оптимизации процедура рассмотрения заявлений об устранении ошибок: представляется важным сделать ее менее обременительной для заявителей и более оперативной по срокам.

Важным направлением судебного контроля в гражданском судопроизводстве является контроль за исполнительным производством. Как справедливо отмечает Д.А. Драчевский, «судебный контроль всегда рассматривается, как самостоятельная функция судебной власти» [6, с. 296]. Действительно, в исполнительном производстве судебный контроль проявляется наиболее ярко, поскольку суд выступает гарантом законности принудительного исполнения судебных актов. На наш взгляд, контроль суда за исполнительным производством должен быть усилен, особенно в части проверки законности

действий судебных приставов-исполнителей и защиты прав взыскателей и должников.

В зависимости от объекта контроля автор выделяет контроль судов общей юрисдикции и арбитражных судов, по форме - прямой и косвенный, по месту реализации - контроль до возбуждения исполнительного производства, в его процессе и после окончания [6, с. 296]. С данной классификацией можно согласиться, однако она нуждается в дополнении. Представляется, что судебный контроль в исполнительном производстве может быть также классифицирован по инициативе его осуществления (по заявлению участников исполнительного производства или по инициативе суда) и по предмету проверки (контроль за процессуальными действиями пристава и контроль за законностью самих исполнительных документов).

Прямой судебный контроль, по мнению Д.А. Драчевского, «является судебной проверкой законности и обоснованности действий должностных лиц федеральной службы судебных приставов по конкретному юридическому делу» [6, с. 296]. В рамках такого контроля суд рассматривает жалобы на действия (бездействие) судебных приставов-исполнителей, что является эффективным механизмом защиты прав участников исполнительного производства. Однако на практике возникают проблемы, связанные с длительностью рассмотрения таких жалоб и не всегда обоснованными решениями судов.

Особое внимание в контексте судебного контроля заслуживает вопрос о разграничении судебного контроля с иными видами государственного контроля. Как указывает М.А. Умарова, «судебный контроль является специфической формой осуществления правосудия наравне с деятельностью по рассмотрению и разрешению юридических дел» [4, с. 16]. Субъектами судебного контроля выступают Конституционный Суд РФ, конституционные (уставные) суды субъектов РФ, суды общей юрисдикции и арбитражные суды [4, с. 16]. Сущность судебного контроля заключается в обеспечении в рамках правосудия защиты прав и свобод юридических и физических лиц, а также законности в деятельности органов власти и управления [4, с. 16-17].

Проблема соотношения судебного контроля и других видов государственного контроля является одной из наиболее дискуссионных в юридической науке. Отсутствие четких критериев разграничения приводит к дублированию контрольных функций и снижению их эффективности. Представляется, что основное отличие судебного контроля состоит в его процессуальной форме и независимом статусе суда. В отличие от ведомственного или прокурорского контроля, судебный контроль осуществляется в рамках установленной процессуальной процедуры и обеспечивает равную защиту прав всех участников судопроизводства. Данный аспект является

определяющим для правильного понимания правовой природы судебного контроля.

Анализируя практические аспекты осуществления судебного контроля, следует обратиться к работе Д. Каримова, который отмечает, что «в рамках гражданского дела у суда отсутствовали полномочия по признанию административного акта недействительным, то есть по исключению его из правового регулирования» [5]. Данное обстоятельство свидетельствует о существовании существенных различий между судебным контролем в гражданском и административном судопроизводстве, что требует от правоприменителя четкого понимания компетенции суда при рассмотрении конкретных категорий дел. Представляется, что разграничение подведомственности между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, а также между гражданским и административным судопроизводством нуждается в дальнейшем совершенствовании.

К числу наиболее актуальных проблем судебного контроля в гражданском судопроизводстве, на наш взгляд, следует отнести следующие.

Во-первых, отсутствие легального определения понятия «судебный контроль» в процессуальном законодательстве. Как отмечает П.А. Луценко, «сегодня институт судебного контроля не лишен определенных теоретических и практических проблем. Прежде всего, они связаны с несовершенством правового регулирования судебного контроля, отсутствием понятийного аппарата, неопределенностью сущности и природы судебного контроля» [1, с. 134]. Действительно, отсутствие законодательного определения не позволяет в полной мере установить существенные признаки судебного контроля, его границы и правовую природу [1, с. 132].

Во-вторых, проблема повышенной нагрузки на судей, которая негативно сказывается на качестве осуществления судебного контроля. Как справедливо указывает П.А. Луценко, «проблема повышенной нагрузки на судей всегда была актуальной. При таких условиях судьи часто допускают ошибки, от чего, соответственно, снижается и качество проведения судебного контроля» [1, с. 132-133]. Решение данной проблемы видится в увеличении штатной численности судей, совершенствовании процедур распределения дел и внедрении цифровых технологий в судебный процесс.

В-третьих, проблема недостаточной эффективности судебного контроля в исполнительном производстве. Суды зачастую формально подходят к рассмотрению жалоб на действия судебных приставов, что не позволяет в полной мере восстановить нарушенные права граждан и организаций.

В-четвертых, проблема разграничения судебного контроля и иных видов государственного контроля. Отсутствие четких критериев приводит к дублированию контрольных функций и

снижению их эффективности.

На наш взгляд, основные направления преодоления обозначенных трудностей связаны с обновлением как процессуальных норм, так и подходов к их применению.

Первоочередной задачей видится легальное закрепление дефиниции судебного контроля с одновременным определением его целей, задач и границ. Было бы оправданным дополнить ГПК РФ соответствующей нормой - это позволило бы снять сохраняющуюся неопределенность и унифицировать судебную практику. Солидаризируясь с позицией П.А. Луценко, подчеркнем, что устранение данного пробела является назревшей необходимостью [1, с. 132].

Второе направление касается исполнительного производства: полагаем, что эффективность судебного контроля здесь напрямую зависит от оптимизации порядка рассмотрения жалоб на действия приставов, сокращения процессуальных сроков и более строгого надзора за фактическим исполнением судебных актов.

Третье - развитие самоконтроля суда первой инстанции. В работе обосновывается, что

расширение инструментов самостоятельного исправления судебных ошибок не только снизит нагрузку на апелляционные инстанции, но и сделает правосудие более оперативным. Дополнительно автор полагает целесообразным совершенствование внесудебных механизмов оценки качества правосудия.

Четвертое - выстраивание четкого взаимодействия судебного контроля с иными контрольными механизмами государства. Критически важным представляется разграничение компетенции между различными надзорными органами, исключение параллелизма функций и налаживание скоординированной работы.

Резюмируя изложенное, отметим, что судебный контроль в гражданском процессе представляет собой многоаспектный правовой институт, обладающий серьезной теоретической и практической значимостью. Его современное развитие охватывает самоконтроль суда первой инстанции, надзор за исполнительным производством и совершенствование нормативной базы. Дальнейшая эволюция должна идти по пути легализации понятия.

Список литературы:

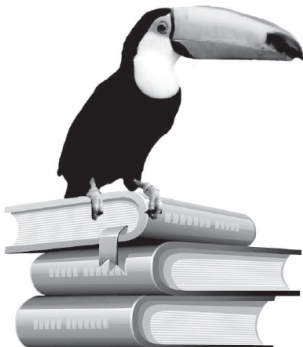
- [1] Луценко П.А. Теоретические и практические проблемы судебного контроля в российском законодательстве // *Lex criminalis scientiarum*. 2025. Том 2. № 2 (4). С. 130-134.
- [2] Бучакова М.А. Судебный контроль: некоторые теоретические подходы // *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2017. № 1 (50). С. 156-161.
- [3] Тришина Е.Г. Проблема судебного контроля в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Саратов, 2000. 193 с.
- [4] Умарова М.А. Механизм судебного контроля: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Курск, 2018. 24 с.
- [5] Каримов Д. Одинаков ли судебный контроль в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве. Комментарий к делу № А40-47128/2021 // *Закон.ру*. 2021. 13 декабря. URL: https://zakon.ru/blog/2021/12/13/odinakov_li_sudebnyj_kontrol_v_civilisticheskom_processe_i_administrativnom_sudoproizvodstve_komment (дата обращения: 17.07.2026).
- [6] Драчевский Д.А. Судебный контроль в гражданском процессе // *Вопросы российского и международного права*. 2018. Том 8. № 9А. С. 295-306.
- [7] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // *Собрание законодательства РФ*. 2002. № 46. Ст. 4532.
- [8] Гражданский процесс: Учебник / Под ред. д.ю.н., проф. А.Г. Коваленко, д.ю.н. проф. А.А. Мохова, д.ю.н., проф. П.М. Филиппова. — М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; «ИНФРА-М», 2008. — 448 с.

References:

- [1] Lutsenko P.A. Theoretical and practical problems of judicial control in Russian legislation // *Lex criminalis scientiarum*. 2025. Vol. 2. No. 2 (4). P. 130-134.
- [2] Buchakova M.A. Judicial control: some theoretical approaches // *Herald of Omsk University. Series «Law»*. 2017. No. 1 (50). P. 156-161.
- [3] Trishina E.G. The problem of judicial control in civil proceedings: Diss. ... Cand. Sc. (Law): 12.00.03. Saratov, 2000. 193 p.
- [4] Umarova M.A. The mechanism of judicial control: a general theoretical study: Abstract of Diss. ... Cand. Sc. (Law): 12.00.01. Kursk, 2018. 24 p.
- [5] Karimov D. Is judicial control the same in civil proceedings and administrative proceedings? Commentary on Case No. A40-47128/2021 // *Zakon.ru*. 2021. December 13. URL: https://zakon.ru/blog/2021/12/13/odinakov_li_sudebnyj_kontrol_v_civilisticheskom_processe_i_administrativnom_sudoproizvodstve_komment (accessed: 17.07.2026).

[6] Drachevsky D.A. *Judicial control in civil proceedings* // *Issues of Russian and International Law*. 2018. Vol. 8. No. 9A. P. 295–306. [7] *Civil Procedure Code of the Russian Federation* No. 138-FZ dated November 14, 2002 (as amended on August 4, 2026) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2002. No. 46. Art. 4532.

[8] *Civil Procedure: Textbook* / Ed. by Doctor of Legal Sciences, Professor A.G. Kovalenko, Doctor of Legal Sciences, Professor A.A. Mokhov, and Doctor of Legal Sciences, Professor P.M. Filippov. — Moscow: Law Firm «KONTRAKT»; «INFRA-M», 2008. — 448 p.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

ТИХОНОВА Лада Олеговна,
магистр,
e-mail: lannntt_25@mail.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: ОНЛАЙН-МЕДИАЦИЯ И ДИСТАНЦИОННЫЕ ФОРМАТЫ ПРИМИРЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу процесса цифровизации примирительных процедур в арбитражном судопроизводстве. Рассматриваются правовые основы онлайн-медиации, практические аспекты применения дистанционных форматов примирения, а также преимущества и риски, связанные с внедрением цифровых технологий в альтернативное урегулирование споров. На основе анализа российского законодательства, судебной практики и зарубежного опыта формулируются выводы о перспективах развития института онлайн-медиации в арбитражном процессе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровизация, примирительные процедуры, арбитражный процесс, онлайн-медиация, дистанционные форматы примирения, искусственный интеллект, альтернативное урегулирование споров.

TIKHONOVA Lada Olegovna,
master

DIGITALIZATION OF CONCILIATION PROCEDURES IN ARBITRATION PROCESS: ONLINE MEDIATION AND REMOTE RECONCILIATION FORMATS

ANNOTATION. The article is devoted to the analysis of the digitalization process of conciliation procedures in arbitration proceedings. The article examines the legal foundations of online mediation, the practical aspects of using remote reconciliation formats, as well as the advantages and risks associated with the introduction of digital technologies in alternative dispute resolution. Based on the analysis of Russian legislation, judicial practice and foreign experience, conclusions are formulated about the prospects for the development of the institute of online mediation in the arbitration process.

KEY WORDS: digitalization, conciliation procedures, arbitration process, online mediation, remote reconciliation formats, artificial intelligence, alternative dispute resolution.

Арбитражное судопроизводство в России переживает период глубокой цифровой трансформации. Электронный документооборот, веб-конференции, автоматизация судебного делопроизводства – все это уже стало привычной реальностью для участников арбитражного процесса. Однако наиболее интересные изменения происходят сегодня в сфере примирительных процедур. Онлайн-медиация и дистанционные форматы примирения постепенно превращаются из теоретических конструкций в работающие правовые механизмы. Мировое соглашение, медиация, переговоры – все это предполагало непосредственное взаимодействие участников спора. Цифровизация ставит под сомнение это устоявшееся представление, открывая новые возможности для урегулирования экономических споров.

В силу части 1 статьи 138 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) арбитражный суд принимает меры для примирения сторон, содействует им в урегулировании спора, руководствуясь при этом

интересами сторон и задачами судопроизводства в арбитражных судах [1].

Стороны пользуются равными правами на выбор примирительной процедуры, определение условий ее проведения, а также кандидатуры посредника, в том числе медиатора, судебного примирителя. По указанным вопросам сторонами может быть заключено соглашение (ч. 3 ст. 138 АПК РФ).

Вместе с тем действующее законодательство не содержит специальных норм, регламентирующих именно онлайн-формат примирительных процедур. В 2023 году был подготовлен проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» в части регулирования онлайн-медиации». Однако на сегодняшний день этот законопроект еще не принят, что создает определенную правовую неопределенность.

Определенную роль в развитии дистанционных форматов играет практика применения веб-конференций. Согласно статье 153.2 АПК

РФ, лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса могут участвовать в судебном заседании путем использования системы веб-конференции при условии заявления ими соответствующего ходатайства и при наличии в арбитражном суде технической возможности. Эта норма, хотя и не касается напрямую примирительных процедур, создает технологический фундамент для их дистанционного проведения.

Но при проведении процедуры медиации с использованием подобных технологий необходимо решить проблему верификации личности сторон спора и обеспечить защиту их персональных данных. Кроме того, в настоящее время российское законодательство не предусматривает возможность заключения медиативного соглашения в цифровом виде – даже с использованием электронной подписи (ст. 12 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ), что существенно ограничивает возможности применения онлайн-медиации [2].

Рассмотрим преимущества цифровизации примирительных процедур в арбитражном судопроизводстве:

1. Экономия ресурсов: По оценкам некоторых экспертов, внедрение цифровых инструментов примирения может принести бизнесу значительную экономию. Так, по расчетам вице-президента Международной Ассоциации медиаторов «Сила Диалога» Дмитрия Хрулева, если на цифровых сервисах закупок появится возможность оперативного решения споров через медиацию, это позволит бизнесу ежегодно экономить до 30 млрд рублей. Арбитражные суды в результате такого усовершенствования начнут получать примерно на 90 тыс. обращений в год меньше. При средней сумме иска около 2 млн. рублей одна госпошлина составляет около 85 тыс. рублей, а вместе с расходами на юристов минимальная нагрузка сторон может достигать примерно 335 тыс. рублей на одно дело.

2. Доступность и скорость: Как справедливо отмечают исследователи, применение в процедуре арбитража или медиации искусственного интеллекта и онлайн-разрешения является крайне перспективным вследствие ускорения процедуры разрешения спора и снижения издержек сторон. Участники спора могут подключиться к процедуре из любой точки мира, не тратя время и средства на проезд.

3. Улучшение коммуникации: Цифровые платформы позволяют сторонам и медиатору обмениваться документами в режиме реального времени, что способствует более эффективному ведению переговоров и поиску взаимоприемлемых решений.

4. Сохранение деловых отношений: Медиация в арбитражном судопроизводстве позволяет урегулировать конфликтные ситуации, что помогает участникам экономических отношений сохранить их деловые качества и способствует

повышению уровня правовой культуры. Цифровой формат делает эту процедуру еще более доступной и менее конфронтационной.

Однако, внедрение цифровых технологий в примирительные процедуры сопряжено с рядом рисков, которые требуют осмысления и правового регулирования [6, с. 38].

Например, как отмечается в научной литературе, основной риск онлайн-разрешения споров – низкий уровень правового регулирования, создающий сложности при привлечении сторон к участию в разрешении спора и исполнении вынесенного решения. Отсутствие специального законодательства об онлайн-медиации порождает вопросы о юридической силе медиативных соглашений, достигнутых в дистанционном формате, о порядке их утверждения судом и о механизмах принудительного исполнения.

Так же, проведение примирительных процедур в онлайн-формате требует надежной технической инфраструктуры. Проблемы с интернет-соединением, сбои в работе платформ, вопросы кибербезопасности – всё это может поставить под угрозу эффективность примирительной процедуры. Примирительные процедуры предполагают высокий уровень конфиденциальности. В цифровой среде обеспечение этого принципа становится более сложной задачей. Требуется разработка специальных механизмов защиты информации и данных, передаваемых в ходе онлайн-медиации.

Ещё к одному риску можно отнести отсутствие личного контакта сторон и медиатора, возможность видеть невербальные реакции участников спора – все это имеет значение для достижения примирения. Вопрос о том, насколько полноценно онлайн-формат может заменить очную встречу, остается открытым.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов в сфере цифровизации примирительных процедур является применение искусственного интеллекта. Медиация в арбитражном судопроизводстве является одной из примирительных процедур, которая позволяет урегулировать конфликтные ситуации третьей стороной (медиатором-человеком), а также возможное осуществление онлайн-медиации посредством искусственного интеллекта.

С одной стороны, искусственный интеллект способен ускорить обработку документов, поиск правовых актов и прецедентов, а также улучшить коммуникацию сторон. С другой стороны, сохраняются риски предвзятости при вынесении решений [4, с. 49].

На международном уровне активно обсуждаются вопросы внедрения блокчейн-технологий и искусственного интеллекта в процедуры медиации, арбитража и переговоров. В рамках форума АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, Asia-Pacific Economic Cooperation, APEC) представители различных

экономик обменялись опытом в этой сфере, отметили, что новые технологии могут вывести медиацию, арбитраж и переговоры в сфере электронной коммерции на новый уровень.

В России уже начинают появляться практические проекты, направленные на развитие онлайн-примирительных процедур.

Одной из наиболее обсуждаемых инициатив является внедрение «кнопки медиации» в цифровые сервисы закупок. Идея заключается в том, чтобы стороны могли в любой момент после заключения контракта нажать на кнопку и заявить о желании привлечь стороннего переговорщика. Медиатор обращается ко второй стороне, получает согласие и запускает процедуру. По оценкам экспертов, это позволит перевести в переговорную процедуру значительную часть договорных споров.

В России разрабатываются специализированные цифровые платформы для онлайн-разрешения коммерческих споров. Эти платформы интегрируют процедуры арбитража и медиации в единую цифровую среду. Развитие таких платформ рассматривается как важное направление совершенствования системы альтернативного урегулирования споров.

В научной литературе обосновывается целесообразность создания единой электронной платформы, обеспечивающей информационное

взаимодействие между судами и медиаторами, возможность онлайн-записи на медиацию, доступ к информации о медиаторах и медиативных организациях [5, с. 227].

Важным направлением является совершенствование механизмов исполнения медиативных соглашений. В 2023 году по инициативе Верховного Суда РФ был разработан законопроект, предусматривающий упрощенный порядок придания медиативным соглашениям, достигнутым вне суда, силы исполнительных документов без обязательного нотариального удостоверения.

В заключении отметим, что цифровизация примирительных процедур в арбитражном процессе – это объективный процесс, обусловленный развитием технологий и потребностями экономического оборота. Онлайн-медиация и дистанционные форматы примирения открывают новые возможности для урегулирования экономических споров, делая примирительные процедуры более доступными, быстрыми и экономически эффективными.

Вместе с тем цифровизация ставит перед правовой системой новые вызовы. Отсутствие специального законодательства об онлайн-медиации, вопросы конфиденциальности, технические риски, психологические аспекты дистанционного примирения – всё это требует осмысления и правового регулирования.

Список литературы:

- [1] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025);
- [2] Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ (последняя редакция);
- [3] Колгинова К. Г. Медиация как один из способов урегулирования споров в арбитражном процессе // Новый юридический вестник. – 2025. – № 5 (47). – С. 20–23.
- [4] Мрастьева О. С., Семикина С. А. Актуальные вопросы взаимодействия медиации и искусственного интеллекта в арбитражном судопроизводстве // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2025. – № 1 (20). – С. 45–58.
- [5] Рыбкина К. В. Перспективы развития системы разрешения экономических споров // Право и образование. – 2024. – № 4. – С. 225–230.
- [6] Семенов В. И. Применение новых технологий в альтернативном урегулировании споров: риски и преимущества // Выпускная квалификационная работа. – М.: НИУ ВШЭ, 2026.

References:

- [1] Arbitrazh Procedural Code of the Russian Federation No. 95-FZ dated July 24, 2002 (as amended on April 1, 2025);
- [2] Federal Law No. 193-FZ «On the Alternative Procedure for Dispute Resolution Involving a Mediator (Mediation Procedure)» dated July 27, 2010 (latest version);
- [3] Kolginova K. G. Mediation as a Method of Dispute Resolution in Arbitrazh Proceedings // New Legal Bulletin. – 2025. – No. 5 (47). – P. 20–23.
- [4] Mrastieva O. S., Semikina S. A. Current Issues Regarding the Interaction Between Mediation and Artificial Intelligence in Arbitrazh Proceedings // Bulletin of the Samara Humanities Academy. Series «Law». – 2025. – No. 1 (20). – P. 45–58.
- [5] Rybkina K. V. Prospects for the Development of the Economic Dispute Resolution System // Law and Education. – 2024. – No. 4. – P. 225–230.
- [6] Semenov V. I. Application of New Technologies in Alternative Dispute Resolution: Risks and Benefits // Final Qualifying Work. – Moscow: HSE University, 2026.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 11.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2949-0871-2026-4-88-93

ГЮЛБАНКЯН Артур Самвелович,
магистрант,
Кубанский государственный университет,
e-mail: 01-gas@mail.ru

ИНСТИТУТ ЭКСТРАДИЦИИ КАК КОМПЛЕКСНОЕ МЕЖОТРАСЛЕВОЕ ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ГЕНЕЗИС, ПОНЯТИЕ И ПРИРОДА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена комплексному теоретико-правовому исследованию института экстрадиции как одного из старейших и одновременно наиболее динамично развивающихся механизмов межгосударственного сотрудничества в борьбе с преступностью.

Автор последовательно рассматривает этимологию термина «экстрадиция», основные этапы исторического становления данного правового феномена в зарубежной и отечественной традиции, а также критически анализирует доктринальные подходы к определению его понятия.

Особое внимание уделяется терминологическому соотношению категорий «экстрадиция», «выдача», «выдача преступников» и «передача», а также разграничению экстрадиции и смежных правовых институтов. На основе изучения научных позиций обосновывается тезис о полисистемной межотраслевой природе экстрадиции, синтезирующей нормы международного, конституционного, уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права.

Сформулировано авторское определение экстрадиции и охарактеризованы три исторически сложившиеся модели её осуществления – европейско-континентальная, англо-американская и смешанная.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экстрадиция, выдача лиц, передача, международное сотрудничество, межотраслевой институт, презумпция невиновности, *aut dedere aut judicare*, исторический генезис, правовая природа.

GYULBANKYAN Artur Samvelovich,
Master's student,
Kuban State University

THE INSTITUTION OF EXTRADITION AS A COMPLEX INTERDISCIPLINARY LEGAL PHENOMENON: HISTORICAL AND LEGAL GENESIS, CONCEPT AND NATURE

ANNOTATION. The article is devoted to a comprehensive theoretical and legal study of the institution of extradition as one of the oldest and at the same time most dynamically developing mechanisms of interstate cooperation in combating crime. The author consistently examines the etymology of the term «extradition», the main stages of the historical formation of this legal phenomenon in foreign and Russian traditions, and critically analyses doctrinal approaches to defining its concept.

Particular attention is paid to the terminological correlation between the categories “extradition”, “surrender”, “surrender of criminals” and “transfer”, as well as to the demarcation between extradition and related legal institutions. Based on the analysis of scholarly positions, the thesis concerning the polysystemic interdisciplinary nature of extradition is substantiated, synthesising the norms of international, constitutional, criminal, penal-enforcement and criminal-procedural law.

The author's definition of extradition is formulated, and three historically developed models of its implementation are characterised – European-continental, Anglo-American and mixed.

KEY WORDS: extradition, surrender of persons, transfer, international cooperation, interdisciplinary institution, presumption of innocence, *aut dedere aut judicare*, historical genesis, legal nature.

Транснационализация преступности на современном этапе закономерно повышает значимость согласованных усилий государств в противодействии общественно опасным деяниям, превращая институт экстрадиции в один из ключевых инструментов обеспечения принципа неотвратимости уголовной ответственности. При этом, несмотря на многовековую практику применения, теоретические основы данного института остаются дискуссионными: до настоящего времени не выработано единого подхода ни к определению самого понятия «экстрадиция», ни к его соотношению со смежными категориями, ни к вопросу об отраслевой принадлежности соответствующих норм. Указанные обстоятельства обуславливают теоретическую и практическую актуальность настоящего исследования.

Этимологический анализ позволяет констатировать, что лексема «экстрадиция» восходит к латинской конструкции *extradition*, образованной соединением предлога *ex* («из», «вне») с существительным *traditio* («передача»), что в буквальном переводе передаёт идею «передачи вовне» [18, с. 816; 9, с. 108]. Официальное нормативное закрепление термин впервые получил во французском декрете от 19 февраля 1791 г.; политико-правовой авторитет Франции конца XVIII столетия способствовал утверждению французского языка в качестве рабочего в дипломатической переписке по экстрадиционным делам [31, с. 436]. Принципиально важно, однако, что эволюция рассматриваемого феномена носила преимущественно содержательный, а не лингвистический характер: первоначально под выдачей подразумевалось принудительное возвращение беглого подданного его сюзерену [8, с. 408], и лишь в результате длительной правовой трансформации этот инструмент политической расправы преобразился в межгосударственный механизм обеспечения неотвратимости наказания.

Классическую периодизацию ещё в XIX в. предложил Ф.Ф. Мартенс, последовательно связавший становление института с тремя этапами – от выдачи политических противников и перебежчиков (до конца XVII в.) через увеличение числа двусторонних договоров, обусловленных политической конъюнктурой (XVIII – первая половина XIX в.), к превращению выдачи в юридическую обязанность государства и в полноценный акт судебной взаимопомощи (с 40-х гг. XIX в.) [20, с. 270–271]. Окончательное оформление института в его современном виде, при котором сотрудничество в борьбе с общеуголовными деяниями стало доминировать над частными интересами монархов, относится именно к XIX столетию [7, с. 10; 17, с. 135], в течение которого радикально трансформируются субъектный состав правоотношений, целевая направленность процедуры и круг экстрадиционных деяний.

Применительно к российской правовой тра-

диции вопрос о первом упоминании выдачи остаётся дискуссионным. Длительное время в науке доминировало представление, согласно которому исторические корни выдачи следует обнаруживать в русско-византийских договорах 911, 944 (945) и 971 гг. [3, с. 35–36]. Вместе с тем данная позиция была подвергнута критике К.С. Родионовым: на основе скрупулёзного лингвистического и историко-правового анализа исследователь пришёл к выводу о том, что в ст. 14 Договора 911 г. речь ведётся не об экстрадиции как международно-правовом институте, а об архаичном обычае личных репрессалий гражданско-правового свойства [26], в связи с чем подведение идеи выдачи под содержание древних текстов представляет собой не более чем научное заблуждение [27, с. 152–164]. С учётом изложенного обоснованным следует признать отнесение к первому достоверному отечественному источнику Договорной записи со Швецией от 19 октября 1649 г. о выдаче перебежчиков, а в качестве рубежного национального нормативного акта – Закона «О выдаче преступников по требованию иностранных государств» от 15 декабря 1911 г., впервые квалифицировавшего экстрадиционный механизм как самостоятельную сложную юридическую процедуру [3, с. 39].

В современной юридической доктрине единого универсального подхода к определению понятия «экстрадиция» не сформировалось. В качестве методологического ориентира представляется оправданным опереться на позицию В.П. Коняхина, согласно которой институт выдачи (экстрадиции) являет собой совокупность нормативных предписаний, регулирующих передачу лица, совершившего преступление, одним (запрашиваемым) государством другому (запрашивающему) государству для привлечения к уголовной ответственности и (или) отбывания наказания [16, с. 18; 21, с. 101]. Достоинство данной дефиниции – в акцентировании институциональной (нормативной) природы феномена, а не только фактического акта перемещения.

Многие иные доктринальные определения отличаются избыточным формализмом. Так, классическая формулировка Г.В. Игнатенко [12, с. 35] и определение Д.К. Бекишева через совокупность действий по принудительной доставке лица [2, с. 103] оставляют за рамками своего содержания целый комплекс действий, объективно входящих в экстрадиционный процесс: установление местонахождения лица, применение мер процессуального принуждения, оценку обстоятельств дела и собственно процедуру принятия решения. Указанные пробелы отчасти восполняет позиция К.Е. Колибаба, обоснованно акцентирующего внимание на договорном характере процедуры и роли национального законодательства [14, с. 83].

Существенное значение приобретает терминологическая проблематика, связанная с раз-

граничением понятий «экстрадиция», «выдача», «выдача преступников» и «передача». Традиционно использовавшаяся в дореволюционной и советской литературе формулировка «выдача преступников» обладала ярко выраженной уголовно-обвинительной коннотацией [1, с. 81], однако в современных правовых реалиях применение лексемы «преступник» к лицу, виновность которого не установлена вступившим в законную силу обвинительным приговором, вступает в прямое противоречие с принципом презумпции невиновности. На данное обстоятельство справедливо указывает П.С. Абдуллоев, ссылающийся на правовые позиции Европейского суда по правам человека (в частности, по делу «Исмаилов и др. против России» от 24 апреля 2008 г.) [1, с. 82–84]. В связи с этим обоснован отказ от формулировки «выдача преступников» в пользу нейтральных категорий «выдача лица» или «экстрадиция» [22, с. 5]; аналогичной позиции придерживалась и В.М. Волженкина, полагавшая методологически точнее говорить о выдаче «лиц, обвиняемых в совершении преступлений, подпадающих под уголовную юрисдикцию государства» [4, с. 7].

В вопросе соотношения понятий «экстрадиция» и «выдача» в доктрине обозначились две конкурирующие позиции. Сторонники синонимичности (И.В. Смолькова [31, с. 442], А.И. Джигирь [9, с. 108]) указывают на отсутствие приемлемого русскоязычного эквивалента и предлагают отдавать предпочтение более ёмкому термину «экстрадиция» в целях унификации законодательства. Напротив, А.К. Романов и О.Б. Лысягин обоснованно настаивают на нетождественности категорий: экстрадиция представляет собой комплексный институт международного права, тогда как выдача в современных условиях является лишь формой реализации экстрадиции [28, с. 91].

Разделяя в целом тезис о необходимости разграничения, представляется обоснованным придерживаться логического подхода, согласно которому экстрадиция выступает родовым понятием, а выдача и передача – видовыми, отражающими конкретные способы её практической реализации [23, с. 8]. Подтверждением служит и практика международно-правового регулирования: в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. [15] одновременно используются категории «выдача» и «передача», что обусловлено возникновением новых юридических процедур, в меньшей степени обременённых препятствиями классической экстрадиции, – наглядным примером служит передача лиц на основании Европейского ордера на арест [29, с. 12–13].

В литературе обозначились также узкий и широкий подходы к объёму понятия экстрадиции. Сторонники узкого толкования рассматривают её исключительно как процесс передачи

лица в целях уголовного преследования либо исполнения приговора [1, с. 87], тогда как представители широкого толкования включают в её содержание весь сопутствующий комплекс действий, в том числе передачу лиц международным судебным органам [11, с. 8]. Последняя позиция неоспорна: как обоснованно указывает В.С. Овчинский, экстрадицию следует отличать от передачи лица международному трибуналу, поскольку в последнем случае задействуется принцип приоритета международной юрисдикции над национальной, что качественно изменяет правовую природу процедуры [24, с. 66]. В этом контексте О.В. Воронин справедливо проводит разграничительную линию между «выдачей» как доставкой лица другому государству и «передачей» как доставкой лица в международный юрисдикционный орган, например в Международный уголовный суд в соответствии со ст. 102 Римского статута [6, с. 37]. Экстрадицию необходимо ограничивать также от депортации и административного выдворения, обладающих административно-правовой природой и применяющихся за нарушение миграционного законодательства по инициативе государства пребывания, а равно от передачи осуждённых в государство гражданства, преследующей цель социальной реабилитации [10, с. 109].

Вопрос о правовой природе и отраслевой принадлежности экстрадиции остаётся одним из наиболее дискуссионных в отечественной доктрине. Анализ научной литературы позволяет выделить три основных подхода. Первая группа исследователей (И.И. Лукашук, А.В. Наумов [19, с. 30], Н.А. Сафаров [30, с. 20]) квалифицирует экстрадицию как самостоятельный институт международного уголовного права, акцентируя её полисистемность как главный критерий обособления. Вторая группа определяет институт через совокупность процессуальных и материальных аспектов: И.И. Карпец одновременно относил его к уголовно-процессуальному и уголовному праву, допуская и его административно- либо конституционно-правовую квалификацию [13, с. 157], тогда как В.М. Волженкина последовательно отстаивала уголовно-процессуальную природу выдачи [5, с. 183]. Третья группа исходит из междисциплинарного характера института: М.Д. Шаргородский утверждал, что нормы о выдаче являются смежными для отраслей международного, административного и уголовного права, а сама выдача представляет собой акт высших органов государственной власти, реализующих государственный суверенитет [32, с. 290, 300].

Критический анализ представленных позиций приводит к выводу о том, что наиболее обоснованной является трактовка экстрадиции как комплексного межотраслевого правового института: её сведение исключительно к уголовному процессу либо только к международному

праву искусственно сужает сущность феномена. В этой связи следует согласиться с Н.А. Сафаровым, аргументированно отмечавшим, что приращение приоритетного значения одной из сторон экстрадиции в ущерб другим методологически некорректно [29, с. 20–21]. Соответственно, институт экстрадиции регулируется двумя относительно самостоятельными группами правовых норм – международного и национального права, причём последнее охватывает предписания конституционного, уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права; правоотношения в этой сфере образуют сложные интегрированные связи, одна часть которых имеет международно-правовой характер, а другая – внутригосударственный, при этом последние выступают обеспечительными по отношению к первым [23, с. 44]. С учётом изложенного экстрадицию допустимо определить **как комплексную межотраслевую юридическую процедуру выдачи лиц, обвиняемых в совершении преступления либо осуждённых, из запрошенного суверенного государства запрашивающему, осуществляемую на основании двустороннего или многостороннего международного соглашения (а в их отсутствие – на основе принципа взаимности) и направленную на обеспечение правосудия и достижение целей наказания виновных.**

Правовая природа экстрадиции находит практическое преломление в трёх исторически сложившихся мировых моделях [6, с. 38]. *Европейско-континентальная (административная) система* характеризуется тем, что окончательное решение принимается органами исполнительной власти, тогда как суд выполняет лишь консультативную функцию. *Англо-американская система (стран общего права)*, напротив, предполагает обязательное судебное участие при исследовании достаточности доказательств причастности лица к инкриминируемому деянию. *Смешанная (французская) модель* занимает промежуточное положение: запрос изначально рассматривается судом, отрицательное решение которого имеет обязательный характер для исполнительной власти.

Объединяющей все указанные модели фундаментальной основой выступает принцип *aut dedere aut judicare* («или выдай, или суди»), относящийся к нормам международного обычного права и означающий, что государство обязано либо выдать лицо запрашивающей стороне, либо самостоятельно осуществить уголовное преследование; данная обязанность не может быть предметом дискреционных исполнитель-

ных полномочий [25, с. 81]. Подытоживая дискуссию, уместно констатировать, что экстрадиция по своей сущности является собой *горизонтальный* межгосударственный акт правовой помощи (передача от суверена к суверену), тогда как передача лица в органы международной юстиции имеет *вертикальный* характер. Указанное разграничение обладает не только теоретическим, но и существенным практическим значением, поскольку предопределяет объём процессуальных гарантий и распределение компетенции между органами государственной власти.

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд итоговых выводов. Историко-правовой генезис института наглядно демонстрирует его содержательную эволюцию – от инструмента политической расправы к межгосударственному механизму обеспечения неотвратимости наказания, причём окончательное оформление экстрадиции в её современном понимании относится к XIX в., тогда как отождествление института с русско-византийскими договорами X в. следует признать научным заблуждением, а первым достоверным отечественным источником – Договорную запись со Швецией 1649 г. В юридической науке отсутствует единый универсальный подход к определению понятия экстрадиции, при этом наиболее обоснованной выступает институциональная трактовка В.П. Коняхина. Терминологический анализ свидетельствует о недопустимости использования формулировки «выдача преступников» ввиду её противоречия принципу презумпции невиновности и о необходимости разграничения категорий «экстрадиция», «выдача» и «передача» по логической схеме «род – вид».

Экстрадицию следует строго отграничивать от смежных институтов – депортации, административного выдворения и передачи осуждённых, – а также от вертикальной передачи лиц органам международной юстиции. По своей сущности экстрадиция представляет собой комплексный межотраслевой правовой институт полисистемной природы, синтезирующий нормы международного, конституционного, уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права; попытки её сведения исключительно к одной из этих сфер методологически некорректны. Правовая природа экстрадиции находит практическое выражение в трёх исторически сложившихся моделях её осуществления – европейско-континентальной, англо-американской и смешанной, объединяемых базовым принципом *aut dedere aut judicare*.

Список литературы:

- [1] Абдуллоев П.С. Понятие выдачи лиц в рамках международного сотрудничества на постсоветском пространстве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. № 1. С. 80–92.
[2] Бекишев Д.К. Актуальные проблемы международного сотрудничества в выдаче преступников //

Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности ОВД. 1996. Ч. 1.

[3] Вениаминов А.Г. Институт экстрадиции как форма международно-правового сотрудничества Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 233 с.

[4] Волженкина В.М. К вопросу о разработке закона «О выдаче (экстрадиции)» // Уголовное право. 2002. № 1. С. 6–9.

[5] Волженкина В.М. Выдача в российском уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2002. 334 с.

[6] Воронин О.В. О понятии, содержании, типах, видах и сложившихся моделях экстрадиции // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 37–40.

[7] Гуськов И.Ю. Возникновение и становление института экстрадиции в России // Российский следователь. 2016. № 5. С. 7–11.

[8] Дворецкий И.Х. Латино-русский словарь. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.

[9] Джигирь А.И. Экстрадиция: терминологический аспект // Закон и право. 2008. № 6. С. 107–108.

[10] Евсичева Л.Л. Экстрадиция, выдача и передача как институты международного сотрудничества в российском уголовном процессе // Человек: преступление и наказание. 2013. № 1. С. 109–113.

[11] Жданов Ю.Н., Костин А.Н. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью. М., 1997. 120 с.

[12] Игнатенко Г.В. Международное сотрудничество государств в борьбе с преступностью. Свердловск, 1980. 73 с.

[13] Карпец И.И. Международное уголовное право / под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Наука, 1995. 171 с.

[14] Колибаб К.Е. Выдача обвиняемых и осужденных по международным договорам России // Правоведение. 1996. № 2. С. 83–88.

[15] Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».

[16] Коняхин В.П. Институт экстрадиции: уголовно-правовая регламентация // Законность. 2005. № 1. С. 17–19.

[17] Корягин Ю.Г. Ретроспективный анализ становления института экстрадиции в России // Право и государство: теория и практика. 2021. № 12. С. 132–137.

[18] Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. 3-е изд. М.: Русский язык, 2001. 847 с.

[19] Лукашук И.И., Наумов А.В. Выдача обвиняемых и осужденных в международном уголовном праве. М.: Российский юридический издательский дом, 1998. 160 с.

[20] Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. Т. 2. М.: Зерцало, 1996. 432 с.

[21] Международное уголовное право: российский концепт. Общая, Особенная и Специальная части: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина. М., 2025. 680 с.

[22] Миронов А.Н. Экстрадиция: проблемы категориального аппарата // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 4. С. 1–15.

[23] Миронов А.Н. Понятие, признаки и правовая природа экстрадиции // Полицейская и следственная деятельность. № 4. С. 37–51.

[24] Овчинский В.С. Интерпол (в вопросах и ответах). М.: Инфра-М, 2008. 368 с.

[25] Плотников А.В. История становления и развития института экстрадиции в современном международном праве (на примере РФ и США) // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2009. № 4. С. 69–83.

[26] Родионов К.С. Была ли в договоре 911 г. Киевской Руси с Византией норма о выдаче? // Государство и право. 2006. № 3. С. 75–85.

[27] Родионов К.С. История одного заблуждения. Часть первая // Государство и право. 2019. № 1. С. 152–164.

[28] Романов А.К., Лысягин О.Б. Институт экстрадиции: понятие, концепции, практика // Право и политика. 2005. № 3. С. 91–98.

[29] Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. М.: Волтерс Клувер, 2005. 416 с.

[30] Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 57 с.

[31] Смолькова И.В. Выдача или экстрадиция: вопросы терминологии // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23. № 4. С. 435–442.

[32] Шаргородский М.Д. Уголовный закон. М., 1948. 312 с.

References:

[1] Abdulloev P.S. The concept of the surrender of persons within the framework of international

- cooperation in the post-Soviet space // *Bulletin of Moscow University. Series 11. Law*. 2017. No. 1. P. 80–92.
- [2] Bekishev D.K. Current issues of international cooperation in the extradition of criminals // *Issues of improving the law enforcement activities of internal affairs bodies*. 1996. Part 1.
- [3] Veniaminov A.G. The institution of extradition as a form of international legal cooperation of the Russian Federation in the sphere of criminal proceedings: Diss. ... Cand. Jurid. Sci. Moscow, 2010. 233 p.
- [4] Volzhenkina V.M. On the issue of drafting the law «On Surrender (Extradition)» // *Criminal Law*. 2002. No. 1. P. 6–9.
- [5] Volzhenkina V.M. Extradition in Russian criminal procedure. Moscow: Yurlitinform, 2002. 334 p.
- [6] Voronin O.V. On the concept, content, types, varieties, and established models of extradition // *Criminal Justice*. 2018. No. 11. P. 37–40.
- [7] Guskov I.Yu. The emergence and development of the institution of extradition in Russia // *Russian Investigator*. 2016. No. 5. P. 7–11.
- [8] Dvoretzky I.Kh. Latin-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1976. 1096 p.
- [9] Dzhigir A.I. Extradition: the terminological aspect // *Law and Right*. 2008. No. 6. P. 107–108.
- [10] Evsicheva L.L. Extradition, Surrender, and Transfer as Mechanisms of International Cooperation in Russian Criminal Procedure // *Man: Crime and Punishment*. 2013. No. 1. Pp. 109–113.
- [11] Zhdanov Yu.N., Kostin A.N. International Cooperation in Combating Crime. Moscow, 1997. 120 p.
- [12] Ignatenko G.V. International Cooperation of States in Combating Crime. Sverdlovsk, 1980. 73 p.
- [13] Karpets I.I. International Criminal Law / Ed. by V.N. Kudryavtsev. Moscow: Nauka, 1995. 171 p.
- [14] Kolibab K.E. Surrender of Accused Persons and Convicts under Russia's International Treaties // *Pravovedenie*. 1996. No. 2. Pp. 83–88.
- [15] Convention against Transnational Organized Crime (adopted in New York on November 15, 2000, by Resolution 55/25 at the 62nd plenary meeting of the 55th session of the UN General Assembly) // *ConsultantPlus Legal Reference System*.
- [16] Konyakhin V.P. The Institution of Extradition: Criminal Law Regulation // *Zakonnost*. 2005. No. 1. Pp. 17–19.
- [17] Koryagin Yu.G. Retrospective Analysis of the Development of the Extradition Institution in Russia // *Law and State: Theory and Practice*. 2021. No. 12. Pp. 132–137.
- [18] Krysin L.P. Explanatory Dictionary of Foreign Words. 3rd ed. Moscow: Russkiy Yazyk, 2001. 847 p.
- [19] Lukashuk I.I., Naumov A.V. Surrender of Accused Persons and Convicts in International Criminal Law. Moscow: Rossiyskiy Yuridicheskiy Izdatelskiy Dom, 1998. 160 p.
- [20] Martens F.F. Modern International Law of Civilized Nations: in 2 vols. Vol. 2. Moscow: Zertsalo, 1996. 432 p.
- [21] International Criminal Law: A Russian Concept. General, Special, and Specific Parts: Textbook for Higher Education Institutions / Ed. by V.P. Konyakhin. Moscow, 2025. 680 p.
- [22] Mironov A.N. Extradition: Problems of the Categorical Apparatus // *Police and Investigative Activity*. 2025. No. 4. P. 1–15.
- [23] Mironov A.N. The Concept, Characteristics, and Legal Nature of Extradition // *Police and Investigative Activity*. No. 4. P. 37–51.
- [24] Ovchinsky V.S. Interpol (In Questions and Answers). Moscow: Infra-M, 2008. 368 p.
- [25] Plotnikov A.V. History of the Formation and Development of the Institution of Extradition in Modern International Law (Case Studies of the Russian Federation and the USA) // *RUDN Journal of Law*. 2009. No. 4. P. 69–83.
- [26] Rodionov K.S. Did the 911 Treaty Between Kievan Rus and Byzantium Contain a Provision on Extradition? // *State and Law*. 2006. No. 3. P. 75–85.
- [27] Rodionov K.S. The History of a Misconception. Part One // *State and Law*. 2019. No. 1. P. 152–164.
- [28] Romanov A.K., Lysyagin O.B. The Institution of Extradition: Concept, Theories, and Practice // *Law and Politics*. 2005. No. 3. P. 91–98.
- [29] Safarov N.A. Extradition in International Criminal Law: Theoretical and Practical Issues. Moscow: Wolters Kluwer, 2005. 416 p.
- [30] Safarov N.A. Extradition in International Criminal Law: Theoretical and Practical Issues: Abstract of Doctoral Dissertation (Law). Moscow, 2007. 57 p.
- [31] Smolkova I.V. Surrender or Extradition: Terminological Issues // *Academic Legal Journal*. 2022. Vol. 23. No. 4. P. 435–442.
- [32] Shargorodsky M.D. Criminal Law. Moscow, 1948. 312 p.

АНТОНОВА Анастасия Андреевна,
студент магистратуры,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
e-mail: *nastya.antonova.19@inbox.ru*

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРОЦЕДУРЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

АННОТАЦИЯ. Реорганизация юридических лиц – один из ключевых институтов российского гражданского права, не имеющий, между тем, легального определения в Гражданском кодексе Российской Федерации. Отсутствие законодательно закреплённого понятия порождает разноречивую доктрину и правоприменение: суды трактуют основания и последствия реорганизации по-разному, что подтверждается обширным массивом судебных актов, в том числе позицией Конституционного Суда Российской Федерации 2026 года. Настоящая статья посвящена анализу теоретических подходов к природе реорганизации, выявлению её сущностных признаков, разграничению с ликвидацией и иными корпоративными процедурами, а также исследованию проблем, сопровождающих отдельные формы – в особенности преобразование и принудительную реорганизацию. На основе систематизации научных позиций и судебной практики автор предлагает авторское определение понятия реорганизации, обосновывает необходимость законодательного закрепления процедуры принудительной реорганизации на стадии банкротного наблюдения и исключения преобразования из числа форм реорганизации с одновременным сохранением института смены организационно-правовой формы в отдельной норме ГК РФ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: реорганизация юридических лиц, правопреемство, формы реорганизации, принудительная реорганизация, преобразование, ликвидация, корпоративное право, гражданское законодательство, права кредиторов, передаточный акт.

ANTONOVA Anastasia Andreevna,
master's student,
Kuban State University

LEGAL NATURE OF THE REORGANIZATION PROCEDURE OF LEGAL ENTITIES IN RUSSIAN LAW

ANNOTATION. The reorganization of legal entities is one of the key institutions of Russian civil law, which, however, has no statutory definition in the Civil Code of the Russian Federation. The lack of a legally established concept creates divergence in doctrine and law enforcement: courts interpret the grounds and consequences of reorganization differently, which is confirmed by an extensive body of judicial acts, including the position of the Constitutional Court of the Russian Federation in 2026. This article analyzes theoretical approaches to the nature of reorganization, identifies its essential features, distinguishes it from liquidation and other corporate procedures, and examines problems associated with specific forms – particularly transformation and forced reorganization. Based on a systematization of scholarly positions and judicial practice, the author proposes an original definition of reorganization, substantiates the need to legislatively enshrine a forced reorganization procedure at the bankruptcy monitoring stage, and advocates excluding transformation from the list of reorganization forms while retaining the institution of changing organizational-legal form in a separate provision of the Civil Code.

KEY WORDS: reorganization of legal entities, succession, forms of reorganization, forced reorganization, transformation, liquidation, corporate law, civil legislation, creditor rights, deed of transfer.

Введение

Институт реорганизации юридических лиц занимает особое место в системе гражданского права. С одной стороны, речь идёт об инструменте, без которого невозможны ни нормальное функционирование крупного бизнеса, ни реструктуризация целых отраслей. С другой – именно реорганизация чаще прочих корпоративных процедур используется в противоправных

целях: для уклонения от кредиторской задолженности, сокрытия активов и обхода антимонопольных требований. Оба этих обстоятельства требуют качественного правового регулирования, а значит – прежде всего точного понятийного аппарата. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] – при всей разработанности регулирования конкретных форм реорганизации в ст. 57–60.2 – по-прежнему не

содержит легального определения самого понятия «реорганизация юридического лица».

Отсутствие законодательной дефиниции оборачивается практическими проблемами. Суды вынуждены оперировать доктринальными конструкциями, которые существенно расходятся между собой; правоприменительные органы нередко отказывают в регистрации завершённой реорганизации, опираясь на различные, порой взаимоисключающие нормативные источники. Об остроте вопроса свидетельствует и то, что в 2026 году Конституционный Суд РФ был вынужден проверять конституционность п. 2 ст. 60 ГК РФ в связи с правами кредиторов при реорганизации [2].

Цель настоящей работы – систематизировать существующие теоретические подходы к природе реорганизации, выявить её системообразующие признаки, показать отличие от ликвидации и смежных корпоративных механизмов, оценить проблемные точки действующего законодательства и предложить пути их устранения.

1. Доктринальные подходы к природе реорганизации

Научная дискуссия о природе реорганизации ведётся не первое десятилетие. Принципиально важно, что исследователи акцентируют внимание на разных сторонах одного и того же явления, отчего их позиции выглядят конкурирующими, хотя на деле нередко дополняют друг друга.

Наиболее распространён подход, в рамках которого реорганизация трактуется через призму правопреемства. Так, Аксенова Е.В. рассматривала реорганизацию как процесс перемены лиц в имущественных и иных правоотношениях, при котором изменяется организационно-правовая форма, состав участников и комплекс прав и обязанностей, а всё это влечёт универсальное правопреемство [3]. Схожей логики придержи-

вается Ломакин Д.В., сводя реорганизацию к «процедуре перехода прав и обязанностей от одного лица к другому» [4].

Второй подход – через прекращение юридического лица. Тихомиров М.Ю. определял реорганизацию как прекращение деятельности юридического лица с переходом его прав и обязанностей к другим лицам [5]. Капинос Е.Т. рассматривал реорганизацию одновременно как альтернативу первоначальному образованию организации и как инструмент прекращения её функционирования [6].

Третья группа позиций – комбинированные подходы. Белялова А.М. увязывает прекращение и образование: по её мнению, реорганизация предопределяет прекращение одной организации и возникновение новой, получающей обязанности и права предшественника [7]. Гаврилюк Р.В. и Еркин А.В. уточняют соотношение этих явлений: прекращение – это предпосылка, а правопреемство – следствие реорганизации [8]. Потапенко С.В. с соавторами обобщают: реорганизация корпоративных организаций – прекращение одной или нескольких из них с возможным образованием новых, при котором осуществляется переход прав и обязанностей в порядке общего (универсального) правопреемства [9].

Фирсова Н.В. и Подоприхина Д.С. подчёркивают: реорганизация представляет собой многообразие определённых действий, сопровождаемых универсальным характером правопреемства, при котором права и обязанности первоначальной организации переходят к вновь образованной [10]. Баттахов П.П. добавляет, что именно специфика правопреемства – его универсальный, а не сингулярный характер – «составляет главное юридическое отличие реорганизации от любых иных гражданско-правовых сделок» [11].

Таблица 1. Систематизация доктринальных подходов к природе реорганизации юридических лиц

Автор (коллектив авторов)	Год	Ключевое содержание позиции
Аксенова Е.В.	2006	Реорганизация – процесс перемены лиц в имущественных правоотношениях, влекущий универсальное правопреемство
Долинская В.В.	2006	Относительное прекращение деятельности лица при сохранении имущественной массы и переходе прав и обязанностей в порядке правопреемства
Ломакин Д.В.	2000	Процедура перехода прав и обязанностей от одного юридического лица к другому
Фирсова Н.В., Подоприхина Д.С.	2018	Совокупность действий с характеристиками универсального правопреемства: права и обязанности первоначальной организации переходят к вновь образованной
Капинос Е.Т.	2018	Инструмент прекращения функционирования конкретной организации и одновременно альтернатива её первоначальному образованию

Белялова А.М.	2019	Прекращение одной организации и образование новой с переходом к ней прав и обязанностей предшественника
Гаврилюк Р.В., Еркин А.В.	2018	Прекращение организации – предпосылка формирования новой организационной модели; правопреемство – следствие реорганизации
Потапенко С.В. и др.	2025	Прекращение одной или нескольких корпоративных организаций с возможным образованием новых; универсальное правопреемство как сущностный признак

Источник: составлено автором на основе указанных работ.

2. Сущностные признаки реорганизации и её отличие от иных институтов

Обобщая изложенные позиции, можно выделить три системообразующих признака реорганизации. Первый – связь с установленными в ст. 57 ГК РФ формами: слияние, присоединение, разделение, выделение и преобразование [1]. За пределами этих форм процедура не может квалифицироваться как реорганизация в гражданско-правовом смысле. Второй – прекращение одной организации и (или) возникновение новой. Левушкин А.Н. и Рязанцева Е.А., анализируя комбинированную реорганизацию, убедительно показывают, что именно юридический результат (государственная регистрация изменения правового статуса) определяет завершенность процедуры [12]. Третий – универсальное или хотя бы частичное правопреемство: права, обязанности и имущество переходят к правопреемнику без разрыва в правоотношениях.

От ликвидации реорганизация отличается именно сохранением правопреемства: при ликвидации юридическое лицо прекращается без какого-либо перехода прав и обязанностей к другому субъекту. Это различие напрямую влечёт разные правовые последствия для кредиторов, работников и контрагентов. При ликвидации кредиторы вправе лишь заявить требования в рамках процедуры; при реорганизации – обратиться к правопреемнику. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 24 марта 2026 г. № 17-П подчеркнул, что именно риск ухудшения имущественного положения кредитора в результате перераспределения активов при реорганизации обуславливает право требовать досрочного исполнения обязательств по п. 2 ст. 60 ГК РФ, – и это право не должно применяться механически, без оценки реального экономического состояния должника [2].

От смены участников (например, продажи доли) реорганизация отличается тем, что меняется сам субъект права – а не только его владельцы. Это порождает принципиально иную картину для третьих лиц. Арбитражный суд Красноярского края в решении от 29 ноября 2022 г. по делу № А33-8009/2022 специально оговорил: принудительная реорганизация возможна лишь в прямо предусмотренных законом

случаях и только по решению уполномоченного государственного органа или суда – субъективное желание одного из участников корпорации не образует самостоятельного основания для судебного понуждения к реорганизации [13].

3. Проблемные аспекты действующего регулирования

1. Отсутствие легального определения

Пробел ГК РФ в части определения реорганизации – не просто терминологический. Лашков А.П. убедительно показывает: отсутствие чёткой дефиниции порождает свободную интерпретацию термина как в академических исследованиях, так и в судебных актах [14]. Показателен пример Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга: в решении от 10 марта 2025 г. по делу № 2-2453/2025 суд констатировал, что при рассмотрении требования о признании реорганизации несостоявшейся необходимо прежде всего установить, принималось ли надлежащее решение участниками корпорации. Суд отказал в иске – истец к тому моменту уже не являлся членом организации. Случай наглядно демонстрирует: юридические вопросы, казалось бы, решённые на уровне регистрационных актов, нередко пересматриваются в связи с фундаментальными пороками волеобразования [15].

2. Проблема преобразования как формы реорганизации

Преобразование – смена организационно-правовой формы юридического лица без ликвидации и без реального перераспределения активов между несколькими субъектами. Содержательно оно не порождает ни прекращения одного юридического лица с образованием другого (как при слиянии или разделении), ни перехода части прав и обязанностей к новому субъекту при сохранении реорганизованного (как при выделении). Это само по себе ставит под сомнение правомерность включения преобразования в единый ряд с остальными формами. П. 5 ст. 58 ГК РФ закрепляет исключение: правила ст. 60 о правах кредиторов при реорганизации к преобразованию не применяются. Тем самым законодатель неявно признаёт специфику преобразования, но ограничивается точечной нормой [1].

3. Документальное оформление: коллизия между ГК РФ и специальными законами

Прусс Э.И. в детальном исследовании показывает: вопрос об обязательности передаточного акта и разделительного баланса неоднозначен. ГК РФ с 2014 г. требует передаточный акт только для выделения и разделения; между тем федеральные законы об ООО и АО предусматривают его для слияния, присоединения и преобразования [16]. Суды занимают разные позиции: одни признают передаточный акт обязательным при любой форме реорганизации, другие – лишь при выделении и разделении. Арбитражный суд Красноярского края указывал, что разделительный баланс является приложением к передаточному акту; иные суды возражали, признавая его самостоятельным документом. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 23 июня 2015 г. № 25 разъяснил, что при слиянии и присоединении права и обязанности переходят в порядке универсального правопреемства вне зависимости от составления передаточного акта – тем не менее правоприменительная практика ФНС продолжает требовать его при регистрации [17].

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30 января 2024 г. № 304-ЭС23-20473 по делу № А03-890/2022 демонстрирует ещё один пласт проблем: суд отменил акты нижестоящих инстанций и направил дело на пересмотр, констатируя, что вопрос о законности перехода арендных прав в порядке реорганизации (выделение с последующим присоединением) не получил надлежащей оценки – в частности, не было исследовано поведение арендодателя, в течение многих лет принимавшего арендную плату и тем самым признававшего нового арендатора [18]. Случай показывает: правопреемство при реорганизации порождает споры не только в момент её проведения, но и спустя годы – именно потому, что документальное оформление, закреплённое в разных нормативных актах, противоречиво.

4. Права кредиторов

Зайцев И.И. акцентирует внимание на том, что действующие гарантии прав кредиторов при реорганизации – прежде всего право требовать досрочного исполнения обязательств – страдают внутренней коллизией: механизм, введённый для защиты, способен спровоцировать цепную реакцию требований и привести к банкротству реорганизуемого лица [19]. Конституционный Суд РФ в Постановлении 2026 г. подтвердил этот вывод и признал п. 2 ст. 60 ГК РФ не соответствующим Конституции в той мере, в которой он допускает удовлетворение требований кредиторов без оценки реального финансового состояния должника и без анализа того, ухудшила ли реорганизация их положение. До принятия федеральным законодателем необхо-

димых изменений суды обязаны исследовать все существенные обстоятельства дела, включая имущественное состояние должника по итогам реорганизации, – причём бремя доказывания отсутствия ущерба возлагается на должника или его правопреемника.

Исходя из изложенного, автор предлагает следующее определение для закрепления в ГК РФ:

«Реорганизация юридического лица – установленная законом процедура, представляющая собой последовательность юридически значимых действий в одной из закреплённых форм (слияние, присоединение, разделение, выделение), в результате которых происходит прекращение одного или нескольких юридических лиц и (или) возникновение новых, с переходом имущественных прав и обязанностей к правопреемнику в порядке универсального либо частичного правопреемства.»

Предложение намеренно исключает преобразование: как показано выше, смена организационно-правовой формы не порождает ни прекращения субъекта, ни перераспределения активов между несколькими лицами. Место преобразования – самостоятельная статья ГК РФ.

В части совершенствования законодательства предлагается:

Во-первых, дополнить ст. 57 ГК РФ частью 1.1, содержащей приведённое выше определение реорганизации.

Во-вторых, исключить преобразование из перечня форм реорганизации в ст. 57 ГК РФ, одновременно включив в Кодекс отдельную ст. 57.1 «Преобразование юридического лица (смена организационно-правовой формы)», регулируемую соответствующую процедуру без привязки к последствиям реорганизации.

В-третьих, дополнить Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» нормой о принудительной реорганизации на стадии наблюдения: при наличии предикторов финансовой несостоятельности и наступлении оснований, предусмотренных законом, арбитражный суд должен иметь право вынести определение о принудительном слиянии должника с финансово устойчивым юридическим лицом – при условии согласия последнего и защиты прав всех кредиторов.

В-четвёртых, устранить коллизию между ГК РФ и специальными законами об ООО и АО в части обязательности передаточного акта, закрепив единый подход: передаточный акт составляется при любой форме реорганизации и является обязательным для государственной регистрации вновь возникающего юридического лица, тогда как разделительный баланс утрачивает самостоятельный статус и превращается в приложение к передаточному акту.

В-пятых, во исполнение Постановления Конституционного Суда РФ от 24 марта 2026 г. №

17-П сформулировать в ст. 60 ГК РФ критерии, которые суд обязан применять при рассмотрении требований кредиторов о досрочном исполнении обязательств, – в частности, закрепив опровержимую презумпцию ухудшения положения кредитора при реорганизации с возложением бремени опровержения на должника или его правопреемника.

Заключение

Реорганизация юридических лиц – сложная, многоэлементная правовая конструкция, ядром которой служит универсальное правопреемство. Доктрина выработала несколько подходов к её определению: через правопреемство, через прекращение субъекта, через одновременное прекращение и образование. Автор полагает, что наиболее корректен третий подход – с обя-

зательным акцентом на нормативно закреплённых формах и правопреемстве как системообразующем последствии.

Анализ действующего законодательства и судебной практики – включая позицию Конституционного Суда РФ 2026 г. – показывает: главными проблемами отрасли остаются отсутствие легального определения реорганизации, включение в её формы преобразования, не обладающего признаками универсального правопреемства, коллизия между ГК РФ и специальными законами в части документального оформления правопреемства, а также отсутствие механизма принудительной реорганизации при банкротстве. Предложенные законодательные изменения направлены на устранение этих противоречий и повышение стабильности гражданского оборота.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
- [2] Постановление Конституционного Суда РФ от 24 марта 2026 г. № 17-П по делу о проверке конституционности п. 2 ст. 60 ГК РФ и п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 292-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 19.08.2026).
- [3] Аксенова Е.В. Реорганизация юридических лиц по законодательству Российской Федерации: проблемы теории и практики: Автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2006.
- [4] Ломакин Д.В. Некоторые вопросы размещения акций при реорганизации обществ // Законодательство. 2000. № 4.
- [5] Тихомиров М.Ю. Реорганизация общества с ограниченной ответственностью // Законодательство и экономика. 2010. № 10. С. 16–30.
- [6] Капинос Е.Т. Понятие и формы реорганизации юридических лиц // Наука XXI века: теория, практика, перспективы развития. 2018. С. 149–153.
- [7] Беялова А.М. Понятие и сущность реорганизации юридических лиц // Закон и право. 2019. № 1. С. 69–76.
- [8] Гаврилюк Р.В., Еркин А.В. О понятии реорганизации юридического лица // Аллея науки. 2018. Т. 4, № 11(27). С. 660–663.
- [9] Потапенко С.В. и др. Понятие, правовая основа и сущность реорганизации корпоративных организаций // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 329–333.
- [10] Фирсова Н.В., Подоприхина Д.С. К вопросу о сущности реорганизации юридического лица // Инновационное развитие. 2018. № 4. С. 168–170.
- [11] Баттахов П.П. Понятие и формы реорганизации юридических лиц // Право и государство: теория и практика. 2019. № 4 (172). С. 62–64.
- [12] Левушкин А.Н., Рязанцева Е.А. Порядок осуществления комбинированной реорганизации в России // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2024. № 1 (53). С. 68–79.
- [13] Решение Арбитражного суда Красноярского края от 29 ноября 2022 г. по делу № А33-8009/2022 // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/TVzSOO4QN4ry/> (дата обращения: 19.08.2026).
- [14] Лашков А.П. Развитие института реорганизации юридических лиц: обобщение правоприменительной практики // Юридическая наука. 2023. № 2. С. 62–68.
- [15] Решение Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга от 10 марта 2025 г. по делу № 2-2453/2025 // Закон РФ. URL: <https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-5711d4e6-c74f-5d56-8287-c059294b9f23/> (дата обращения: 19.08.2026).
- [16] Прусс Э.И., Юлова Е.С. Некоторые проблемы правового регулирования порядка составления передаточного акта при реорганизации хозяйственных обществ // Образование и право. 2023. № 3. С. 111–115.
- [17] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

[18] Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30 января 2024 г. № 304-ЭС23-20473 по делу № А03-890/2022 // СПС Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408371231/> (дата обращения: 19.08.2026).

[19] Зайцев И.И. Гарантии прав кредиторов при реорганизации коммерческих юридических лиц // Юридическая наука. 2023. № 3. С. 55–58.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

[2] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 24, 2026, No. 17-P, regarding the case on the constitutionality review of Clause 2 of Article 60 of the Civil Code of the Russian Federation and Clause 2 of Part 1 of Article 7 of Federal Law No. 292-FZ dated July 14, 2022 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: www.pravo.gov.ru. (accessed: August 19, 2026).

[3] Aksenova E.V. Reorganization of Legal Entities under the Legislation of the Russian Federation: Theoretical and Practical Issues: Abstract of Dissertation... Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2006.

[4] Lomakin D.V. Certain Issues Regarding Share Placement During the Reorganization of Companies // Legislation. 2000. No. 4.

[5] Tikhomirov M.Yu. Reorganization of a Limited Liability Company // Legislation and Economics. 2010. No. 10. P. 16–30.

[6] Kapinos E.T. Concept and Forms of Reorganization of Legal Entities // Science of the 21st Century: Theory, Practice, and Development Prospects. 2018. P. 149–153.

[7] Belyalova A.M. Concept and Essence of the Reorganization of Legal Entities // Law and Legislation. 2019. No. 1. P. 69–76.

[8] Gavriluk R.V., Erkin A.V. On the Concept of Reorganization of a Legal Entity // Alley of Science. 2018. Vol. 4, No. 11(27). Pp. 660–663.

[9] Potapenko S.V. et al. The concept, legal basis, and essence of the reorganization of corporate entities // Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 1. Pp. 329–333.

[10] Firsova N.V., Podoprikhina D.S. On the essence of the reorganization of a legal entity // Innovative Development. 2018. No. 4. Pp. 168–170.

[11] Battakhov P.P. The concept and forms of reorganization of legal entities // Law and State: Theory and Practice. 2019. No. 4 (172). Pp. 62–64.

[12] Levushkin A.N., Ryazantseva E.A. Procedure for carrying out combined reorganization in Russia // Bulletin of Moscow City University. Series: Legal Sciences. 2024. No. 1 (53). Pp. 68–79.

[13] Decision of the Arbitration Court of Krasnoyarsk Krai dated November 29, 2022, in Case No. A33-8009/2022 // SudAkt. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/TVzSOO4QN4ry/> (accessed: August 19, 2026).

[14] Lashkov A.P. Development of the institution of reorganization of legal entities: generalization of law enforcement practice // Legal Science. 2023. No. 2. Pp. 62–68.

[15] Decision of the Chkalovsky District Court of Yekaterinburg dated March 10, 2025, in Case No. 2-2453/2025 // Law of the Russian Federation. URL: <https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-5711d4e6-c74f-5d56-8287-c059294b9f23/> (accessed: August 19, 2026).

[16] Pruss E.I., Yulova E.S. Certain issues regarding the legal regulation of the procedure for drafting the transfer deed during the reorganization of business entities // Education and Law. 2023. No. 3. P. 111–115.

[17] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 dated June 23, 2015, «On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 8.

[18] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 304-ES23-20473 dated January 30, 2024, in Case No. A03-890/2022 // Garant Legal Reference System. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408371231/> (accessed: August 19, 2026).

[19] Zaitsev I.I. Guarantees of creditors' rights during the reorganization of commercial legal entities // Legal Science. 2023. No. 3. P. 55–58.

САЛЬНИКОВА Екатерина Сергеевна,
магистрант,
ДВ институт (филиал) Всероссийского
государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
e-mail: EkaterinaS923S@yandex.ru

Научный руководитель:
КОВАЛЕНКО Елена Геннадьевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
ДВ институт (филиал) Всероссийского
государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
e-mail: kovalenko_pravo@mail.ru

УСЛОВИЯ, ПОРЯДОК И ПОСЛЕДСТВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ОДНОСТОРОННЕГО ОТКАЗА ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются условия, порядок и правовые последствия реализации одностороннего отказа от исполнения обязательств в российском гражданском праве. Актуальность обусловлена ростом судебных споров и неоднозначным применением статей 310 и 450.1 ГК РФ. На основе анализа практики высших судов за 2008–2023 годы автором систематизированы модели правомерности отказа, требования к уведомлению контрагента и имущественные последствия прекращения договора. В доктрине выделяются каузальная (мотивированная) и абстрактная (немотивированная) модели отказа. Для мотивированного отказа ключевым является критерий существенности нарушения (п. 2 ст. 450 ГК РФ), конкретизируемый для поставки, подряда и аренды. Немотивированный отказ в предпринимательских отношениях допускается договором и специальными нормами (ст. 717, 782 ГК РФ) и сопровождается платой за отказ либо возмещением убытков. Отказ носит уведомительный характер: договор прекращается с момента доставки юридически значимого сообщения по правилам ст. 165.1 ГК РФ. Суды предъявляют строгие требования к форме, содержанию и этапности уведомления; надлежащим признается извещение с квалифицированной электронной подписью. Основное последствие — прекращение обязательств на будущее время без обратной силы при сохранении условий о применимом праве, разрешении споров, конфиденциальности и гарантиях. Позиции Президиума ВАС РФ и Верховного Суда РФ о переквалификации мотивированного отказа в немотивированный, о тесте явной невозможности завершения работ, конструкции *take or pay* и пределы эстоппеля позволили сделать вывод о формировании сбалансированного подхода, сочетающего стабильность оборота и право стороны адаптировать договорные отношения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: односторонний отказ; исполнение обязательства; существенное нарушение; уведомление контрагента; плата за отказ; судебная практика; прекращение договора; добросовестность; юридически значимые сообщения.

SALNIKOVA Ekaterina Sergeevna,
Master's student,
DV Institute (branch) All-Russian
State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Academic Supervisor:
KOVALENKO Elena Gennadievna,
PhD. jurid. PhD, Associate Professor
of the Department of Civil Law and Process,
DV Institute (branch) All-Russian
State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)

CONDITIONS, PROCEDURE AND CONSEQUENCES OF UNILATERAL REFUSAL TO PERFORM OBLIGATIONS

ANNOTATION. The article examines the conditions, procedure, and legal consequences of unilateral termination of obligations in Russian civil law. The relevance is due to the growing number of legal disputes and the ambiguous application of Articles 310 and 450.1 of the Civil Code of the Russian Federation. Based on an analysis of the practice of higher courts for the period from 2008 to 2023, the author systematizes the models of the legitimacy of termination, the requirements for notifying the counterparty, and the property consequences of terminating a contract. The doctrine distinguishes between causal (motivated) and abstract (unmotivated) models of refusal. For a motivated refusal, the key criterion is the materiality of the breach (clause 2 of Article 450 of the Civil Code of the Russian Federation), which is specified for supply, contract work, and lease. . Unjustified refusal in business relations is permitted by the contract and special provisions (Articles 717, 782 of the Civil Code of the Russian Federation) and is accompanied by a fee for the refusal or compensation for losses. The refusal is of a notifying nature: the contract is terminated from the moment the legally significant message is delivered in accordance with the rules of Article 165.1 of the Civil Code of the Russian Federation. Courts impose strict requirements on the form, content, and procedure for notification; a notice with a qualified electronic signature is considered valid. The main consequence is the termination of obligations for the future, without retroactive effect, while maintaining the terms regarding the applicable law, dispute resolution, confidentiality, and warranties. The positions of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation regarding the reclassification of a motivated refusal as an unmotivated one, the test for the clear impossibility of completing the work, the take or pay structure, and the limits of estoppel have made it possible to conclude that a balanced approach has been formed, combining the stability of commercial transactions with the right of the parties to adapt contractual relations.

KEY WORDS: unilateral refusal; performance of an obligation; material breach; notice to the counterparty; termination fee; judicial practice; termination of a contract; good faith; legally significant communications.

Актуальность темы обусловлена ростом числа судебных споров, связанных с односторонним отказом от исполнения обязательств, и неоднозначным применением ст. 310 и 450.1 ГК РФ. Цель статьи — систематизировать условия правомерности отказа, требования к процедуре уведомления контрагента и имущественные последствия прекращения договора. Методологическую основу составили формально-юридический и системный методы, а также анализ практики высших судебных инстанций за 2008–2023 гг.

Институт одностороннего отказа от исполнения обязательств представляет собой сложный правовой механизм, эффективность которого определяется четким соблюдением установленных законом и договором условий, процедурных требований и пониманием правовых последствий его реализации.

Теоретико-правовые основы условий реализации одностороннего отказа

В современной цивилистической доктрине выделяются две основные модели условий правомерности одностороннего отказа: каузальная (мотивированная) и абстрактная (немотивированная). Данная дифференциация имеет принципиальное значение для определения объема обязанностей стороны, реализующей право на отказ [1, с. 234]. Пределы использования одностороннего отказа и его соотношение с иными способами прекращения договорных обяза-

тельств исследовались в литературе [10, с. 75].

Каузальная модель предполагает наличие конкретных юридических фактов, выступающих основанием для отказа. Мотивированный отказ требует доказывания не только формального нарушения контрагентом договорных обязательств, но и существенности такого нарушения. Законодатель использует различные критерии существенности: для договора поставки – неоднократность нарушения (ст. 523 ГК РФ), для договора подряда – явная невозможность окончания работ к сроку (ст. 715 ГК РФ), для договора аренды – использование имущества не по назначению (ст. 619 ГК РФ).

Критерий существенности раскрывается через оценочные категории. Существенным признается нарушение, которое влечет для другой стороны такой ущерб, что она лишается того, на что рассчитывала при заключении договора (п. 2 ст. 450 ГК РФ) [2, с. 112]. В деле о поставке строительных материалов суд признал существенной задержку на 45 дней, приведшую к остановке строительства. В другом случае аналогичная просрочка поставки офисной мебели не признана существенной из-за возможности использования арендованной мебели.

Абстрактная модель не требует обоснования причин отказа. Немотивированный отказ в предпринимательских отношениях является проявлением принципа свободы договора [3, с. 89]. Однако реализация права на немотивированный отказ сопряжена с имущественными обремене-

ниями в виде платы за отказ или возмещения убытков. Общее правило п. 3 ст. 310 ГК РФ допускает односторонний отказ в предпринимательской деятельности в случаях, предусмотренных договором. Специальные нормы устанавливают право на немотивированный отказ для отдельных видов договоров: заказчика от договора подряда (ст. 717 ГК РФ), сторон договора возмездного оказания услуг (ст. 782 ГК РФ).

Фундаментальное значение имеет положение п. 1 ст. 450.1 ГК РФ, в котором говорится о том, что право на односторонний отказ осуществляется путем уведомления другой стороны. Уведомительный характер процедуры принципиально отличает его от расторжения договора по соглашению сторон или в судебном порядке [2, с. 112].

Процедурные требования к реализации права на отказ

Согласно п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54, договор прекращается с момента, когда уведомление доставлено или считается доставленным по правилам ст. 165.1 ГК РФ. Риск неполучения юридически значимых сообщений несет адресат, если сообщение поступило по адресу из ЕГРЮЛ или договора [4, с. 61].

Форма уведомления должна позволять достоверно установить волеизъявление стороны и зафиксировать момент получения. В предпринимательских отношениях стандартом является письменная форма заказным письмом с описью вложения. Развитие электронного документооборота создает возможности использования электронных средств с квалифицированной электронной подписью.

Особую сложность представляют случаи многоэтапной процедуры отказа. В деле между дистрибьютором и производителем косметики договор предусматривал трехэтапную процедуру: предупреждение, 30-дневный срок для устранения, окончательное уведомление. Производитель направил сразу окончательное уведомление. Суд признал отказ недействительным, несмотря на доказанность нарушений [5, с. 59].

Содержание уведомления зависит от характера отказа. При мотивированном отказе необходимо указание конкретных оснований с доказательствами. При немотивированном достаточно однозначного волеизъявления со ссылкой на норму закона или пункт договора.

Временной аспект также существенен. Законодательство может устанавливать временные ограничения – например, право заказчика на отказ от подряда осуществляется только до сдачи

результата работы (ст. 717 ГК РФ). В деле IT-компании договор содержал «период стабильности» – первые 6 месяцев отказ не допускался. Суд признал такое ограничение действительным при отсутствии существенного нарушения.

Правовые последствия одностороннего отказа

Основным последствием является прекращение договорных обязательств на будущее время. Односторонний отказ не имеет обратной силы, исполненное до момента отказа возврату не подлежит [6, с. 144]. В деле о долгосрочной поставке продуктов после двух лет поставщик отказался из-за роста цен. Суд обязал вернуть предоплату за будущий месяц, но отклонил требование о возврате скидок за весь период.

Сохраняют силу условия о применимом праве, разрешении споров, конфиденциальности, гарантийные обязательства. Компенсационные последствия различаются по видам договоров. Для подряда ст. 717 ГК РФ устанавливает обязанность заказчика оплатить выполненную работу и возместить убытки в пределах разницы между ценой и выплаченным [7, с. 189]. При отказе от строительства коттеджа при 70% готовности суд удовлетворил требование об оплате выполненных работ, но снизил убытки до 15% от невыполненной части.

Для договора услуг п. 1 ст. 782 ГК РФ предусматривает оплату фактически понесенных расходов исполнителя [8]. Институт платы за отказ (п. 3 ст. 310 ГК РФ) представляет заранее согласованную сумму, подлежащую выплате при отказе независимо от реальных потерь.

В Постановлении Президиума ВАС РФ от 23.09.2008 № 5103/08 договор поставки предусматривал право на мотивированный отказ при существенном нарушении и немотивированный с уплатой штрафа 10%. Покупатель заявил отказ, ссылаясь на нарушения сроков. Выяснилось, что из пяти поставок только две просрочены на 3–5 дней. Президиум указал: даже если не доказана существенность нарушения, отказ может быть признан немотивированным с уплатой только штрафа, а не полных убытков.

Для систематизации эволюции судебных подходов к институту одностороннего отказа целесообразно проанализировать ключевые правовые позиции высших судебных инстанций за период 2008–2023 гг. (см. таблицу 1). Данный анализ позволяет выявить динамику развития судебной практики, формирование новых правовых стандартов и изменение подходов к оценке правомерности одностороннего отказа в различных договорных конструкциях.

*Таблица 1. Систематизация правовых позиций Верховного
Суда РФ по вопросам одностороннего отказа (2008–2023 гг.)*

№ дела и дата	Вид договора	Ключевая правовая проблема	Выработанная позиция	Влияние на практику
Постановление Президиума ВАС РФ от 23.09.2008 № 5103/08	Поставка	Возможность переквалификации мотивированного отказа	При недоказанности оснований мотивированный отказ может быть признан немотивированным	Создан универсальный механизм сохранения силы отказа
Определение ВС РФ от 18.08.2015 № 305-ЭС14-8022	Подряд	Стандарт доказывания явной невозможности завершения работ	Требуется комплексная оценка процента выполнения, темпа работ, объективных препятствий	Ограничены возможности произвольного отказа заказчика
Определение ВС РФ от 20.08.2021 № 305-ЭС21-10216	Возмездное оказание услуг	Правовая природа условия take or pay	Двойственная структура: право требования и платежная обязанность	Легализован новый вид договорных конструкций
Определение ВС РФ от 20.10.2022 № 305-ЭС22-14004	Подряд	Доказывание убытков в форме будущих расходов	Необходимо доказать неизбежность, невозможность митигации	Повышен стандарт доказывания убытков
Определение ВС РФ от 27.04.2023 № 305-ЭС17-14039	Строительный подряд	Влияние допсоглашений на право отказа	Подписание допсоглашения не лишает права на отказ при продолжении нарушений	Ограничено действие принципа эстоппель

Анализируя таблицу 1, можно сделать вывод о поступательном развитии института одностороннего отказа в российской судебной практике. Прослеживается тенденция к детализации критериев оценки правомерности отказа и установлению повышенных стандартов доказывания. Особое значение имеет выработанный Верховным Судом РФ механизм переквалификации мотивированного отказа в немотивированный при недоказанности оснований, что обеспечивает баланс между стабильностью договорных отношений и правом стороны на прекращение обязательств. Позиция судов эволюционировала от формального подхода к проверке наличия оснований для отказа к комплексной оценке добросовестности поведения сторон, соразмерности последствий и возможности достижения цели договора. Примечательно, что современная практика легализовала новые договорные конструкции (take or pay), установила жесткие критерии доказывания убытков и ограничила применение принципа эстоппель, что свидетельствует о формировании сбалансированного подхода к защите интересов обеих сторон договорного обязательства.

В Определении ВС РФ от 18.08.2015 № 305-ЭС14-8022 через 8 месяцев из 12 выполнено

30% проектных работ при плановых 70%. ВС РФ сформировал четырехфакторный тест: оценка процента выполнения (при 80–90% отказ вряд ли обоснован); анализ динамики (ускорение может свидетельствовать о возможности завершения); учет объективных обстоятельств; оценка мер по ускорению. Экспертиза подтвердила невозможность завершения даже за дополнительные 6 месяцев.

Определение ВС РФ от 20.08.2021 № 305-ЭС21-10216 дало оценку условию take or pay. Договор техобслуживания предусматривал минимальный платеж 5 млн. руб. независимо от объема услуг. После модернизации производства заказчик отказался по ст. 782 ГК РФ. ВС РФ разъяснил: условие состоит из права требовать услуги («take»), от которого можно отказаться, и обязанности платить («pay») как платы за отказ. Заказчик получал резерв мощностей, приоритетное обслуживание, фиксированные цены. Условие признано допустимым.

В Определении ВС РФ от 20.10.2022 № 305-ЭС22-14004 при отказе от изготовления оборудования подрядчик заявил убытки 25 млн руб. ВС РФ установил жесткие критерии: по материалам – доказать специальный характер и невозможность иного использования (взыскано 2 млн

из 10); по оплате труда – только специальные расходы на проект (1,5 млн из 5); по субподрядчикам – доказать неотменяемость договоров (1 млн из 7).

Определение ВС РФ от 27.04.2023 № 305-ЭС17-14039 касалось строительства в «Сколково». После трех допсоглашений о продлении сроков заказчик отказался от договора. Подрядчик ссылался на эстоппель. ВС РФ указал: п. 5 ст. 450.1 ГК РФ не позволяет должнику неограниченно не исполнять обязательства. Подписание допсоглашения не лишает права на отказ при продолжающихся нарушениях.

Электронный документооборот с квалифицированной электронной подписью признается судами надлежащим способом уведомления [9, с. 35]. Логистическая компания использовала

блокчейн-платформу для фиксации исполнения договоров перевозки. После третьего нарушения система автоматически сгенерировала уведомление об отказе. Суд признал такой способ надлежащим. Смарт-контракты открывают возможности автоматизации отказа при наступлении определенных условий, но порождают вопросы о форме уведомления и возможности оспаривания.

Таким образом, анализ условий, порядка и последствий реализации одностороннего отказа демонстрирует сложность данного правового института. Судебная практика выработала детализированные подходы к оценке правомерности отказа, обеспечивающие баланс интересов сторон и стабильность гражданского оборота при адаптации к цифровым технологиям.

Список литературы:

- [1] Карпетов, А. Г. *Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве* / А. Г. Карпетов. – М. : Статут, 2007. – 556 с.
- [2] Егорова, М. А. *Прекращение обязательств: опыт системного исследования правового института* : монография / М. А. Егорова. – М. : Юстицинформ, 2016. – 224 с.
- [3] Овдиенко, Е. Б. *Односторонний отказ от исполнения договоров в сфере предпринимательской деятельности* : учебно-практическое пособие / Е. Б. Овдиенко. – М. : ДАНА : Закон и право, 2017. – 176 с.
- [4] Смирнов, В. И. *Правовая природа односторонних действий как оснований изменения или расторжения договора* / В. И. Смирнов // *Власть Закона*. – 2015. – № 3 (23). – С. 61.
- [5] Демкина, А. В. *Порядок и пределы реализации права на отказ от договора или от осуществления прав по договору: новые правила ГК РФ* / А. В. Демкина // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. – 2015. – Вып. 4 (30). – С. 59–60.
- [6] Соменков, С. А. *Последствия расторжения договора в свете реформы гражданского законодательства* / С. А. Соменков // *Законы России: опыт, анализ, практика*. – 2015. – № 8. – С. 144–145.
- [7] Верховец, Д. И. *К вопросу о правовой природе платы за односторонний отказ от исполнения обязательства* / Д. И. Верховец // *Вестник Томского государственного университета*. – 2017. – № 419. – С. 186–192.
- [8] Бычков, А. *Плата за отказ от договора услуг* / А. Бычков // *ЭЖ-Юрист*. – 2015. – № 40.
- [9] Тамаев, Д. В. *Неосновательное обогащение при расторжении договора: новая норма ГК РФ закрепила правила, выработанные судебной практикой* / Д. В. Тамаев // *European research*. – 2015. – № 4 (5). – С. 35–39.
- [10] Оболонкова, Е. В. *Односторонний отказ от исполнения обязательства: пределы использования и соотношение с другими способами прекращения договорных обязательств* / Е. В. Оболонкова // *Журнал российского права*. – 2007. – № 2 (122). – С. 75–83.

References:

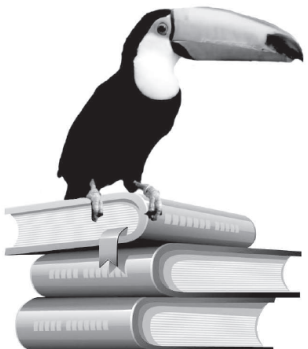
- [1] Karapetov, A. G. *Termination of a Breached Contract in Russian and Foreign Law* / A. G. Karapetov. – Moscow : Statut, 2007. – 556 p.
- [2] Egorova, M. A. *Termination of Obligations: A Study of the Legal Institution as a System : Monograph* / M. A. Egorova. – Moscow : Yustitsinform, 2016. – 224 p.
- [3] Ovdienko, E. B. *Unilateral Refusal to Perform Contracts in the Sphere of Entrepreneurial Activity : Educational and Practical Manual* / E. B. Ovdienko. – Moscow : DANA : Zakon i pravo, 2017. – 176 p.
- [4] Smirnov, V. I. *The Legal Nature of Unilateral Actions as Grounds for Modifying or Terminating a Contract* / V. I. Smirnov // *Vlast Zakona*. – 2015. – No. 3 (23). – P. 61.
- [5] Demkina, A. V. *Procedure and Limits for Exercising the Right to Refuse a Contract or the Exercise of Contractual Rights: New Rules of the Civil Code of the Russian Federation* / A. V. Demkina // *Perm University Herald. Juridical Sciences*. – 2015. – Issue 4 (30). – P. 59–60.
- [6] Somenkov, S. A. *Consequences of Contract Termination in Light of the Civil Legislation Reform* / S. A. Somenkov // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. – 2015. – No. 8. – P. 144–145.
- [7] Verkhovets, D. I. *On the Legal Nature of the Fee for Unilateral Refusal to Perform an Obligation* / D.

I. Verkhovets // *Tomsk State University Journal*. – 2017. – No. 419. – P. 186–192.

[8] Bychkov, A. Fee for withdrawal from a service contract / A. Bychkov // *EZh-Yurist*. – 2015. – No. 40.

[9] Tamaev, D. V. Unjust enrichment upon contract termination: a new provision of the Civil Code of the Russian Federation has codified rules established by judicial practice / D. V. Tamaev // *European Research*. – 2015. – No. 4 (5). – P. 35–39.

[10] Obolonkova, E. V. Unilateral refusal to perform an obligation: limits of application and relationship with other methods of terminating contractual obligations / E. V. Obolonkova // *Journal of Russian Law*. – 2007. – No. 2 (122). – P. 75–83.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2949-0871-2026-4-106-111

Дата принятия рукописи в печать: 11.09.2026 г.

ГУБАРЕВА Полина Владимировна,
студентка 2 курса магистратуры,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС),
e-mail: pelogeja99@mail.ru

ОТ ПОДРЯДНЫХ ГРАМОТ ДО ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА В РОССИИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена историко-правовому анализу становления и развития института строительного подряда в российском праве. Цель исследования выявление этапов эволюции правового регулирования строительных подрядных отношений, определение ключевых нормативных актов, оказавших влияние на формирование современной конструкции договора строительного подряда. В работе использованы историко-правовой и формально-юридический методы, проведён анализ законодательных памятников, начиная с подрядных грамот XVI века, Соборного уложения 1649 года, указов Петра I, Свода законов Российской империи 1835 года, советских гражданских кодексов и завершая действующим Гражданским кодексом РФ 1996 года.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: договор строительного подряда, история правового регулирования, Соборное уложение 1649 года, Свод законов Российской империи, Гражданский кодекс РФ, казенный подряд, эволюция института.

GUBAREVA Polina Vladimirovna,
2nd-year Master's student,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA)

FROM CONTRACT CHARTERS TO THE CIVIL CODE: THE HISTORY OF THE FORMATION OF CONSTRUCTION CONTRACTING IN RUSSIA

ANNOTATION. The article presents a historical and legal analysis of the formation and development of the institution of construction contracting in Russian law. The aim of the study is to identify the stages in the evolution of legal regulation of construction contracting relations and to determine the key normative acts that influenced the shaping of the modern legal framework for construction contracts. The research employs historical-legal and formal-juridical methods, and examines legislative sources ranging from the 16th century contract charters, the Sobornoye Ulozhenie (Council Code) of 1649, the decrees of Peter the Great, the Digest of Laws of the Russian Empire of 1835, the Soviet civil codes, and up to the current Civil Code of the Russian Federation of 1996.

KEY WORDS: construction contract (building contract), history of legal regulation, Sobornoye Ulozhenie of 1649, Digest of Laws of the Russian Empire, Civil Code of the Russian Federation, state (crown) contract, evolution of the legal institution.

Институт строительного подряда в отечественном праве прошел длительный и сложный путь исторического развития. Без анализа исторического пути становления института невозможно понять логику его современного состояния. Как показано в настоящем исследовании, формирование договора строительного подряда в отечественном праве насчитывает не одно столетие и включает несколько этапов, каждый из которых отражал конкретные экономические и политические условия. От подрядных грамот XVI века до § 3 главы 37 ГК РФ – этот

путь демонстрирует эволюцию правовой мысли и адаптацию института к меняющимся социально-экономическим реалиям. Изучение этого опыта позволяет выявить преемственность правовых конструкций и определить перспективные направления развития законодательства. Историко-правовое исследование формирования договора строительного подряда – это не просто экскурс в прошлое, а необходимый инструмент для понимания его современного состояния и прогнозирования будущего развития.

Первые шаги в законодательном закреплении договора строительного подряда

Первые документальные свидетельства о заключении подрядных сделок в строительстве датируются 1547 годом. Они представляли собой частные соглашения, оформлявшиеся посредством так называемых подрядных записей или грамот. Указанные документы фиксировали условия выполнения работ и найма, что убедительно доказывает существование на Руси уже в середине XVI века устойчивой письменной практики оформления подрядных отношений. Договор подряда в этот период выступал одной из древнейших форм юридического оформления деловых соглашений в сфере строительства [1].

Первым опытом нормативного закрепления подрядных отношений на государственном уровне принято считать царский наказ Федора Иоанновича от 15 декабря 1595 года, изданный в связи с необходимостью возведения Смоленской крепости [2; 3]. Документ, озаглавленный «О заготовлении материалов для строения Смоленской крепости», впервые ввел специальные правовые нормы, регулирующие так называемый «казенный подряд» – строительные работы, выполняемые по заказу государства. Для реализации масштабного проекта (протяженность крепостной стены составляла 6,5 км при толщине 5-5,2 м, включая 38 башен) был приглашен городской мастер, по сути, выполнявший функции современного генерального подрядчика. Этот объект стал первым в отечественной истории, при возведении которого в массовом порядке применялся вольнонаемный труд. Наказ также законодательно закрепил порядок финансовых расчетов, установив размер авансового платежа и механизм окончательного расчета по завершении работ, что свидетельствует о стремлении государства регламентировать экономическую составляющую подрядных отношений.

Следующим и, пожалуй, самым важным этапом в становлении института подряда стало принятие Соборного уложения 1649 года при царе Алексее Михайловиче [2; 4; 5]. Данным нормативным актом было проведено строгое терминологическое разделение между институтами подряда и личного найма. До этого правовые конструкции часто смешивались, и отличить договор подряда (нацеленный на результат) от договора личного найма (нацеленного на процесс труда) было сложно. Уложение впервые четко разграничило эти понятия в законодательстве. Непосредственно договору подряда в Соборном уложении были посвящены статьи 193, 272 и 273 десятой главы «О суде». Например, из этих статей следовало, что подрядчик, отказавшийся от исполнения, нес определенную ответственность.

Вслед за Соборным уложением 1649 года следующим важнейшим этапом в становлении

института строительного подряда стал период правления Петра I и последующее развитие законодательства в XVIII – XIX веках. В отличие от предыдущего периода, где подряд только начинал выделяться как самостоятельный институт, теперь государство активно и целенаправленно формирует правовую базу для регулирования подрядных отношений, особенно в сфере «казенных» (государственных) подрядов.

Именной указ Петра I от 27 декабря 1714 года «О подрядах» заложил фундаментальные принципы регулирования подрядных отношений. В соответствии с его предписаниями, подрядчик принимал на себя весь риск, связанный с выполнением работ, тогда как заказчик ограничивался обязанностью по оплате достигнутого результата. В тексте договора подлежали детализации все существенные условия: характер работ, место их проведения, объемы и сроки. Законодательно закреплялись размер штрафных санкций за нарушение обязательств, а также допускалась возможность выплаты аванса. Кроме того, указ ввел обязательную письменную форму договора и установил практику проведения торгов, что преследовало цель предотвращения монополизации рынка и предоставления казне возможности выбора наиболее экономически выгодного исполнителя. [6]. Сенатский указ от 25 января 1716 года «О подрядах и договорных письмах» и Указ Петра I Сенату от 9 января 1720 года «О составлении положения и подрядах при государственных работах и поставках» явились новаторскими для отечественного законодательства актами, поскольку именно в них впервые в правовом поле был употреблен термин «поставка» наряду с термином «подряд». Ранее отношения, связанные с поставкой товаров для государственных нужд, преимущественно регулировались в рамках подрядной конструкции. Введение нового термина и его сопоставление с подрядом ознаменовало собой важный этап на пути к их терминологическому и правовому размежеванию. [7]. Основополагающее значение данного указа состояло в его предписании разработать специальное «положение» – свод правил, регламентирующих подрядные отношения при выполнении государственных работ и поставках. Данное распоряжение наглядно демонстрирует намерение Петра I сформировать унифицированную, кодифицированную нормативную базу для регулирования этих хозяйственных отношений, имевших стратегическое значение для государства. Указ органично вписывался в общий массив законодательных новелл начала 1720-х годов. В этот период принимается целый ряд значимых актов: Генеральный регламент от 28 февраля 1720 года, заложивший общие принципы организации государственного аппарата и делопроизводственного процесса в коллегиях; Указ 1721 года, направленный на пресечение ценовых подлогов и коррупционных проявлений в

сфере подрядов и поставок; а также Регламент Адмиралтейства и верфи 1721 года, содержащий отдельную главу, посвященную порядку взаимодействия с подрядчиками.

Таким образом, указы 1716 и 1720 годов заняли место важнейших этапов в процессе становления в России системного регулирования государственных закупок и подрядных отношений, которое в дальнейшем обрело свою завершенную форму в Своде законов Российской империи.

Законодательное закрепление в XIX веке: Свод законов гражданских

Завершающим аккордом в длительном процессе становления договора подряда стало обнародование Свода законов Российской империи. Официально утвержденный в 1832 году и вступивший в силу с 1 января 1835 года, этот документ ознаменовал собой первый в истории страны опыт комплексной систематизации гражданско-правовых предписаний. Результатом этой масштабной кодификационной работы стало обретение многими договорными институтами, включая подряд, четких законодательных очертаний.

В X томе, части I Свода законов гражданских (издания 1835 года), в статье 1737 было закреплено определение, единое для договоров подряда и поставки. Данная норма гласила: «Подряд или поставка есть договор, по силе которого одна из вступающих в оный сторон принимает на себя обязательство исполнить своим иждивением предприятие, или поставить известного рода вещи, а другая, в пользу коей сие производится, учинить за то денежный платеж» [8; 9].

Объединение подряда и поставки в единой законодательной норме объяснялось наличием у них общего существенного признака – передача вещи всегда сопровождалась временным промежуток между подписанием договора и фактическим исполнением. Данная характеристика становилась определяющим различительным фактором по отношению к купле-продаже, для которой была характерна безотлагательная передача товара, осуществлявшаяся, как правило, непосредственно при заключении сделки.

Законодательное определение, данное в Своде законов, носило единый характер для обоих договоров, однако правовая мысль того времени уже выработала критерии их отграничения друг от друга. Как справедливо отмечается в научных источниках, заслуга Свода заключалась в том, что он впервые нормативно зафиксировал возможность признания предметом подряда именно трудовых операций. В судебных решениях и доктринальных трудах различие проводилось по существу обязательства: исполнение подрядчика квалифицировалось как «совершение с помощью других лиц какого-либо труда», а исполнение поставщика – как «доставка или

поставка известных материалов» [10; 11].

Нормативное закрепление данного определения в Своде законов стало важным этапом на пути признания подряда самостоятельным договорным институтом, отдельным от найма.

Дореволюционный период (1835-1917)

На протяжении всего дореволюционного периода Свод законов Российской империи оставался главным нормативным актом, определявшим правовой режим подрядных отношений. [12; 4; 13]

Помимо Свода, подрядные отношения регулировались:

- Уставами строительным и дорожным (входили в Свод законов, но имели специальный характер);
- Правительственными распоряжениями и ведомственными инструкциями (особенно в сфере казенных подрядов);
- Международными договорами (влияние на регулирование подрядов с участием иностранных лиц) [6].

Советский период (1917-1991)

В 1922 году был принят Гражданский кодекс РСФСР, который дал определение договора подряда, не указывая сферы деятельности. Согласно ст. 220 ГК РСФСР 1922 г., «по договору подряда одна сторона (подрядчик) обязуется за свой риск выполнить определенную работу по заданию другой стороны (заказчика), последняя же обязуется дать вознаграждение за выполнение задания». Предусмотренное ст. 220 ГК 1922 г. указание на выполнение работы за риском подрядчика понималось таким образом, что подрядчик «отвечает не только за происшедшие по его вине гибель или порчу предмета подряда, но и за невозможность исполнения» [14].

Были приняты Положения о государственных подрядах и поставках 1921 и 1923 годов. Положение от 30 сентября 1921 года, в частности, устанавливало, что заключение договоров поставки и подряда с государственными органами должно осуществляться через публичные торги [15; 16].

Гражданский кодекс РСФСР 1964 года осуществил нормативное разделение подрядных отношений на два самостоятельных института: «Подряд» (глава 30) и «Подряд на капитальное строительство» (глава 31). Данный акт распространял свое действие на правоотношения с участием граждан, между гражданами и социалистическими организациями, а также между самими социалистическими организациями. В условиях плановой экономики законодатель существенно ограничивал возможность участия граждан в подрядных отношениях, допуская ее лишь при условии личного выполнения работы (ст. 351 ГК РСФСР) [17].

Постановлением Совета Министров СССР от 26 декабря 1986 г. № 1550 были введены в дей-

ствие Правила о договорах подряда на капитальное строительство. Указанный нормативный акт регламентировал процедуру заключения и исполнения подрядных договоров в строительной сфере, закреплял права и обязанности участников договорных отношений, а также устанавливал меры их ответственности за невыполнение плановых показателей [18; 4].

Современный период (с 1991 г. по настоящее время)

Начало перехода к рыночной экономике ознаменовалось принятием Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 года. Как справедливо отмечается в юридической литературе, именно этот акт впервые после длительного перерыва вернул подряд на капитальное строительство в общую систему подрядных договоров, устранив при этом разделение подрядчика по субъектному составу. Основы 1991 года существенно расширили видовой состав подрядных обязательств, закрепив в качестве самостоятельных договорных типов подряд (ст. 91-94), подряд на капитальное строительство (ст. 95) и договор подряда на выполнение проектных и изыскательских работ (ст. 96) [19].

Завершающим этапом этого процесса стало принятие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации, вступившей в силу с 1 марта 1996 года. Именно 1990-е годы можно считать временем окончательного формирования института строительного подряда в его современном понимании — как соглашения сторон, основанного на принципах свободы договора и автономии воли. В рамках главы 37

«Подряд» специальный § 3 (ст. 740-757) полностью посвящен договору строительного подряда. Примечательно, что законодатель отказался от использования термина «подряд на капитальное строительство», что свидетельствует о возвращении строительного подряда в общую систему подрядных договоров при одновременном сохранении его отраслевой специфики [20; 21].

Выводы

Формирование договора строительного подряда в России насчитывает не одно столетие и включает несколько этапов. Каждый этап отражал конкретные экономические и политические условия, а сам институт постепенно обособлялся от смежных договорных конструкций (личного найма, поставки). От подрядных грамот XVI века до § 3 главы 37 ГК РФ — этот путь демонстрирует эволюцию правовой мысли и адаптацию института к меняющимся социально-экономическим реалиям. Ключевыми вехами стали: Соборное уложение 1649 года, впервые четко разграничившее подряд и личный наем; Свод законов гражданских 1835 года, закрепивший легальное определение подряда; ГК РСФСР 1964 года, выделивший подряд на капитальное строительство в самостоятельный вид; и современный ГК РФ, вернувший строительный подряд в общую систему подрядных договоров при сохранении его отраслевой специфики.

Исторический анализ позволяет выявить устойчивые тенденции: эволюцию от оплаты труда к оплате результата, постепенное обособление строительного подряда, диалектику публичного и частного интересов, а также преемственность правовых конструкций.

Список литературы:

- [1] «История закупок на Руси» // ЦЗРСИ – Центр закупок и развития поставщиков Курской области: сайт. – URL: <https://czrsi-kursk.ru/istoriya-zakupok-na-rusi/> (дата обращения: 15.07.2026).
- [2] Джамалутдинов Д. И. Историко-правовые аспекты зарождения и становления основ нормативного регулирования договора подряда в России // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 10.
- [3] Донцова Н. А. История правового регулирования государственных закупок в России / Н. А. Донцова // Вестник науки. – 2023. – № 9 (66), т. 4. – С. 178-186.
- [4] Кирчигина М. Е. История развития договора строительного подряда / М. Е. Кирчигина // – С. 16-17.
- [5] Соборное уложение 1649 года: становление договора подряда // Электронная библиотека Тюменского государственного университета: сайт. – URL: elib.utmn.ru (дата обращения: 15.07.2026).
- [6] Сальникова, О. А. История развития строительного подряда в России / О. А. Сальникова // Вестник Самарского юридического института. – 2025. – № 5 (66).
- [7] Крендясева А. С. История развития правового регулирования договора подряда в России / А. С. Крендясева. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2026. – № 13 (616). – С. 181-183.
- [8] Жарский М. И. Становление и развитие договора строительного подряда и договоров на выполнение проектно-изыскательских работ / М. И. Жарский // Труды Института государства и права РАН. – 2012. – № 4.
- [9] Соловьева А. История развития строительных правоотношений / А. Соловьева // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2010. – № 1.
- [10] Тютрюмов И. М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Книга пятая. Свод Законов Гражданских (т. X, ч. 1) / сост. И. М. Тю-

трюмов. – Санкт Петербург: Издание Юридического книжного магазина И. И. Зубкова под фирмю «Законоведение», 1911. – XXIII, 1683 с., 16 л. табл.

[11] Мейер Д. И. Русское гражданское право: курс лекций / Д. И. Мейер; научный редактор В. С. Ем. – 4-е изд., испр. и доп. — Москва: Статут, 2021. – 846 с.

[12] Малюшев А. В. История развития отечественного правового регулирования договора строительного подряда с древнейших времён до 1995 года / А. В. Малюшев, Э. А. Гурулева // *Legal Bulletin*. – 2023. – № 3.

[13] Заякин А. В. Договорная конструкция строительного подряда в Своде законов 1835 г. / А. В. Заякин // [Электронный ресурс]. – URL: dspace.tltsu.ru (дата обращения: 15.07.2026).

[14] Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. Ст. 220 // [Электронный ресурс] URL: iusprivatum.ru. – URL: (дата обращения: 15.07.2026).

[15] Положение о государственных подрядах и поставках от 30 сентября 1921 г. // СУ РСФСР. – 1921. – № 69. – Ст. 531.

[16] Положение о государственных подрядах и поставках 1923 г. // СУ РСФСР. – 1923. – № 84. – Ст. 806.

[17] Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407.

[18] Постановление Совета Министров СССР от 26 декабря 1986 г. № 1550 «Об утверждении Правил о договорах подряда на капитальное строительство» // СП СССР. – 1987. – № 8. – Ст. 33.

[19] Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 г. № 2211-I (ст. 91-96) // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1991. – № 26. – Ст. 733.

[20] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

[21] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть вторая) / под ред. О.Н. Садикова. – М.: ИНФРА-М, 1997.

References:

[1] «History of Procurement in Rus» // CZRSI – Center for Procurement and Supplier Development of the Kursk Region: website. – URL: <https://czrsi-kursk.ru/istoriya-zakupok-na-rusi/> (accessed: July 15, 2026).

[2] Dzhamalutdinov D. I. Historical and Legal Aspects of the Emergence and Formation of the Regulatory Framework for the Contract for Work in Russia // *Current Problems of Russian Law*. – 2014. – No. 10.

[3] Dontsova N. A. History of the Legal Regulation of Public Procurement in Russia / N. A. Dontsova // *Bulletin of Science*. – 2023. – No. 9 (66), Vol. 4. – P. 178-186.

[4] Kirchigina M. E. History of the Development of the Construction Contract / M. E. Kirchigina // – P. 16-17.

[5] The Council Code of 1649: Formation of the Contract for Work // *Electronic Library of Tyumen State University: website*. – URL: elib.utmn.ru (accessed: July 15, 2026).

[6] Salnikova O. A. History of the Development of Construction Contracts in Russia / O. A. Salnikova // *Bulletin of the Samara Law Institute*. – 2025. – No. 5 (66).

[7] Krendyaseva A. S. History of the Development of Legal Regulation of the Contract for Work in Russia / A. S. Krendyaseva. – Text: direct // *Young Scientist*. – 2026. – No. 13 (616). – P. 181-183. [8] Zharsky M. I. Formation and Development of the Construction Contract and Contracts for Design and Survey Works / M. I. Zharsky // *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. – 2012. – No. 4.

[9] Solovyeva A. History of the Development of Construction Legal Relations / A. Solovyeva // *MIR (Modernization. Innovation. Development)*. – 2010. – No. 1.

[10] Tyutryumov I. M. Civil Laws with Clarifications from the Governing Senate and Commentaries by Russian Jurists. Book Five. Code of Civil Laws (Vol. X, Part 1) / Comp. by I. M. Tyutryumov. – St. Petersburg: I. I. Zubkov's Law Bookstore (trading as «Zakonovedenie»), 1911. – XXIII, 1683 p., 16 leaves of tables.

[11] Meyer D. I. Russian Civil Law: A Course of Lectures / D. I. Meyer; Scientific Editor V. S. Em. – 4th ed., rev. and exp. — Moscow: Statut, 2021. – 846 p.

[12] Malyushev A. V. History of the Development of Domestic Legal Regulation of the Construction Contract from Ancient Times to 1995 / A. V. Malyushev, E. A. Guruleva // *Legal Bulletin*. – 2023. – No. 3.

[13] Zayakin A. V. The Contractual Structure of the Construction Contract in the 1835 Code of Laws / A. V. Zayakin // [Electronic resource]. – URL: dspace.tltsu.ru (date of access: 15.07.2026). [14] Civil Code of the RSFSR of 1922, Art. 220 // [Electronic resource] URL: iusprivatum.ru. – URL: (accessed: 15.07.2026).

[15] Regulation on State Contracts and Supplies of September 30, 1921 // *Collection of Enactments of the RSFSR*. – 1921. – No. 69. – Art. 531.

[16] Regulation on State Contracts and Supplies of 1923 // *Collection of Enactments of the RSFSR*. – 1923. – No. 84. – Art. 806.

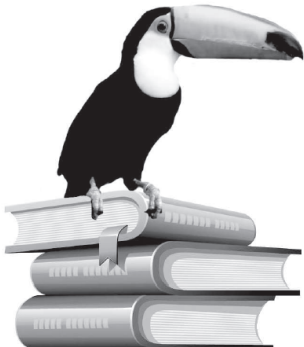
[17] Civil Code of the RSFSR of 1964 // *Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR*. – 1964. – No. 24. – Art. 407.

[18] Resolution of the Council of Ministers of the USSR No. 1550 of December 26, 1986, «On Approving the Rules for Capital Construction Contracts» // Collection of Resolutions of the USSR. – 1987. – No. 8. – Art. 33.

[19] Fundamentals of Civil Legislation of the USSR and the Republics No. 2211-I of May 31, 1991 (Arts. 91–96) // Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the USSR. – 1991. – No. 26. – Art. 733.

[20] Civil Code of the Russian Federation (Part Two) No. 14-FZ of January 26, 1996 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 5. – Art. 410.

[21] Commentary on the Civil Code of the Russian Federation (Part Two) / Ed. by O.N. Sadikov. – Moscow: INFRA-M, 1997.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ВАЛУЕВА Анастасия Дмитриевна,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Российская государственная академия
интеллектуальной собственности», г. Москва,
e-mail: nas_ti_17@mail.ru

Научный руководитель:
СЕРГЕЕВА Наталья Юрьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Российская государственная академия
интеллектуальной собственности», г. Москва,
e-mail: nskafedra@bk.ru

ОСНОВАНИЯ НАСЛЕДОВАНИЯ ИМУЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются основания наследования имущества, существующие в законодательствах Российской Федерации и Республике Беларусь. Автором исследуются классические механизмы перехода наследственной массы – по закону и по завещанию, а также выявляются принципиальные различия в наследственном праве указанных государств, связанные с новейшими правовыми институтами – наследственным договором и совместным завещанием супругов, предлагаются механизмы по усовершенствованию действующего законодательства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: наследственное право, основания наследования, наследование по закону, наследование по завещанию, наследственный договор, совместное завещание супругов.

VALUEVA Anastasia Dmitrievna,
Master's student,
Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow

Academic Supervisor:
SERGEEVA Natalia Yuryevna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow

GROUND FOR PROPERTY INHERITANCE (A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF RUSSIA AND THE REPUBLIC OF BELARUS)

ANNOTATION. The article examines the grounds for property inheritance under the legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus. The author analyzes the classic mechanisms for the transfer of the inheritance estate—inheritance by law and by will—and identifies fundamental differences in the inheritance laws of these states regarding modern legal instruments, such as inheritance contracts and joint wills of spouses. Mechanisms for improving current legislation are also proposed.

KEY WORDS: inheritance law, grounds for inheritance, inheritance by law, inheritance by will, inheritance contract, joint will of spouses.

Наследственное право относится к фундаментальным отраслям права, где ключевым инструментом реализации юридического механизма служат основания наследования. При этом важно заметить, что их перечень и состав не являются универсальными для всех государств. Основания наследования формируются под влиянием множества факторов, к которым следует относить правовую семью, национальные, исто-

рические и культурные особенности той или иной страны. В рамках настоящего исследования мы рассмотрим основания наследования имущества двух государств: Республики Беларусь и Российской Федерации с целью выявления принципиальной разницы, существующей между ними.

В Российской Федерации право наследования закреплено в п. 4 ст. 35 Конституции РФ: «Право наследования гарантируется». [4]. Впрочем, клю-

ческое правовое регулирование наследственного права регламентируется частью третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), а именно разделом V Кодекса, именуемым «Наследственное право» [2], в котором содержатся как общие положения о наследовании, так и нормы о наследовании отдельных видов имущества. Кроме того, важное место в практическом и процедурном порядке оформления наследственных прав играет такой важный нормативный акт как Основы законодательства РФ о нотариате [7].

В российском законодательстве выделяются следующие основания наследования – по завещанию, по закону и по наследственному договору, что закреплено в ст. 1111 ГК РФ [2].

Наследование по закону – это достаточно классический вариант определения юридической судьбы наследственной массы. Однако, его применение на практике возможно лишь в случае отсутствия иных вариантов наследования, наследственного договора или завещания. В России этот институт четко регламентирован и построен на фундаментальных постулатах. Законодатель определил восемь очередей потенциальных наследников в ст. 1142–1145, 1148 ГК РФ [2], что гораздо больше, чем в большинстве стран мира. К примеру, в США в большинстве штатов выделяют всего 3 очереди [5], в Германии – 5 [3]. Несмотря на то, что эти изменения в законодательстве существуют только с 2002 года, когда официально вступила в силу часть третья ГК РФ, они оказывают весьма положительное влияние на все сферы общества. К примеру, применительно к сфере интеллектуальной собственности, эта система очередей позволяет наследникам максимально долго коммерциализировать права на ее разновидности, что не только гарантирует постоянную финансовую стабильность, но и предотвращает их досрочное прекращение.

Наследование по завещанию – односторонняя сделка, которая создает права и обязанности после открытия наследства, что закреплено в п. 5 ст. 1118 ГК РФ [2]. При этом отметим, что завещание является приоритетным основанием в большинстве правовых систем, в том числе и в России. Настоящая конструкция носит строго индивидуальный характер и не может быть заключена через представителя, о чем сказано в п. 4 ст. 1118 ГК РФ [2].

Вместе с тем, отвечая современным реалиям, положения о завещании претерпевают некоторые изменения. К таковым следует отнести совместное завещание супругов, ставшее частью правовой системы России в 2019 году в связи с введением в действие Федерального закона № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса РФ» [12]. Научная среда встретила новеллу весьма бурными дискуссиями, оценивая категорию с положительных и отрицательных сторон. К примеру, М. В. Бычкова, характеризуя совместное завещание

супругов, указывает на ограничение воли наследодателя и принципа свободы завещания: «Если один супруг умирает в уверенности, что общее имущество (или права на произведение) перейдет их общему ребенку, то выживший супруг может переписать завещание на третьих лиц, бесповоротно нарушив посмертную волю первого» [6]. В то же время Н.Ю.Рассказова отмечает, что практика таких завещаний с первых дней оказалась крайне востребованной гражданами [9]. По нашему мнению, позитивных аспектов намного больше. Так, представляется интересным в этой связи рассмотреть возможность перехода по наследству исключительного права на произведение, созданное в соавторстве супругами. Благодаря конструкции совместного завещания, супруги-соавторы могут предотвратить деление исключительного права на доли и защитить права пережившего супруга. В ином случае исключительное право должно в равных долях распределяться между наследниками одной очереди, к которым может относиться и переживший супруг-соавтор. Таким образом, коммерциализация интеллектуальных прав будет фактически парализована.

Повышенный интерес представляет третье основание наследования – наследственный договор, который на сегодняшний день признается пока только ограниченным числом государств. В России наследственный договор был закреплен еще в 2019 году путем введения в действие Федерального закона № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса РФ» [12]. Согласно нововведению, в ГК РФ появилась статья 1140.1, согласно которой «наследодатель вправе заключить с любым из лиц, призванных к наследованию, договор, условия которого определяют круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора или к пережившим третьим лицам, призванным к наследованию (наследственный договор)» [2]. Основной целью введения указанной дефиниции стало предоставление возможности наследодателю и его наследникам закрепить в соглашении определенные права и обязанности по отношению друг к другу. Причем, несомненно, основную роль в данном случае будут играть обязанности потенциального наследника в пользу наследодателя в обмен на гарантии получения наследства в будущем [8].

В данном контексте отдельного внимания снова заслуживает сфера интеллектуальной собственности. В частности, институт наследственного договора является весьма гибким инструментом для определения судьбы интеллектуальных прав на произведения после смерти создателя. Главным преимуществом по такому договору является правомочие автора передать интеллектуальные права на произведения наследникам в обмен на выполнение конкретных условий, что

закреплено в п. 1 ст. 1140.1. ГК РФ: «Наследственный договор может также содержать условие о душеприказчике и возлагать на участвующих в наследственном договоре лиц, которые могут призываться к наследованию, обязанность совершить какие-либо не противоречащие закону действия имущественного или неимущественного характера, в том числе исполнить завещательные отказы или завещательные возложения.» [2]. К примеру, наследник может быть обязан организовывать ежегодные выставки картин или финансировать издание неопубликованных рукописей. Такая юридически закрепленная возможность позволяет автору получить гарантию на развитие его творчества в будущем.

Определившись с ключевыми основаниями наследования имущества, закрепленного в законодательстве Российской Федерации, перейдем к рассмотрению данного вопроса в наследственном праве Республики Беларусь.

В Белоруссии наследственные отношения получили закрепление на уровне основного свода законов страны – ст. 44 Конституции РБ: «Неприкосновенность собственности, право ее наследования охраняются законом.» [11]. Также немаловажными актами, закрепляющие основы наследования в Белоруссии являются Гражданский Кодекс РБ [1] и Закон РБ «О нотариате и нотариальной деятельности» [10].

Республика Беларусь признает всего два основания наследования – по завещанию и по закону, о чем говорит ст. 1032 ГК РБ [1]. Закон не признает современные конструкции наследственного договора и совместного завещания супругов, что свидетельствует о весьма консервативном подходе к регулированию наследственных правоотношений.

Наследование по закону исходит из базовых принципов и во многом совпадает с законодательством России. Однако, есть ряд расхождений в некоторых аспектах. К таковым следует относить, например, очередность наследования. Как и в России Республика Беларусь признает последовательность очередей при выборе наследников, о чем говорит ст. 1056 ГК РБ [1]. Тем не менее, количество очередей по закону возможно лишь до шестой степени родства. Также немаловажно отметить, что отчим, мачеха, падчерица и пасынок вовсе не могут претендовать на наследственную массу в отличие от законодательства Российской Федерации.

В свете сказанного, особого внимания вновь заслуживает сфера интеллектуальной собственности, в частности, то обстоятельство, что узкий круг наследников по закону в Белоруссии напрямую влияет на возможность перехода исключительного права на произведения в составе выморочного имущества, что кардинально меняет юридическую судьбу объекта интеллектуальных прав. Помимо сказанного, в отличие от России в Белоруссии отсутствуют нормы, закрепляющие

досрочный переход произведения в общественное достояние. Следовательно, при отсутствии наследников права на названный объект переходят к государству в качестве выморочного имущества, что пресекает возможность получения прибыли «дальними родственниками». Кроме того, государство получает возможность по своему усмотрению коммерциализировать исключительные права на произведение до конца сроков его действия.

Наследование по завещанию в Республике Беларусь, как было отмечено ранее, носит строго консервативных склад, исключая современные подходы к пониманию наследственных правоотношений. Так, ГК РБ категорически запрещает какие-либо варианты совместных завещаний в п. 4 ст. 1040 ГК РБ: «В завещании могут содержаться распоряжения только одного лица. Совершение завещания двумя или более лицами не допускается.» [1]. Запрет на такой вариант завещания, на наш взгляд, весьма ограничивает волю наследодателей. В то время как перспективная возможность совместного завещания супругов исключает в дальнейшем споры между наследниками. К примеру, в сфере интеллектуальной собственности такая конструкция будет блокировать потенциальное деление исключительного права на доли после смерти автора, что несомненно решит основную проблему наследования авторских прав.

В остальном правовое закрепление оснований наследования Российской Федерации и Республики Беларусь совпадает. В обоих правовых порядках регламентируются классические институты завещательного отказа и возложения, а также обеспечивается защита прав обязательных наследников за счет общей наследственной массы.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод, что при внешней схожести правовых подходов России и Белоруссии к наследственному праву основания наследования имеют ряд различий. Российская Федерация в большей степени идет по пути автономии воли сторон, опираясь на постоянно меняющиеся современные подходы к регулированию института наследования. В то время как Республика Беларусь остается верна консервативной модели закрепления норм наследственного права. Тем не менее, наличие наследственного договора и возможность составления совместного завещания супругам в России являются важными преимуществами правовой системы. Ярким примером этого служит радикально изменившаяся юридическая судьба исключительного права после смерти автора произведения. На наш взгляд, внедрение таких институтов наследственного права в законодательство Республики Беларусь могло бы оказать исключительно положительное влияние на правовую систему данного государства.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года № 218-З: в редакции Закона Республики Беларусь от 11 марта 2024 года № 362-З. — Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2024. — 688 с.
- [2] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья: от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. с изм. и доп.) — М.: Проспект, 2026. — С. 45.
- [3] Зыкова, А. А. Очередность наследования по закону в Российской Федерации и некоторых странах Европы / А. А. Зыкова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 35 (534). — С. 69-72.
- [4] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — М.: Юридическая литература, 2020. — 64 с.
- [5] Крашенинников П.В. Наследственное право (Включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания). 4-е изд., перераб. и доп. - Москва: Статут, 2019. – С. 302
- [6] Летова Н. В. Совместное завещание супругов: особенности и проблемы правоприменения // Наследственное право. 2026. № 1. С. 11–16.
- [7] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1: (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. — 1993. — 13 марта (№ 49); Ведомости СНД и ВС РФ. — 1993. — № 10. — Ст. 357.
- [8] Пожилых А. И. История наследственного договора // Уральский журнал правовых исследований. 2020. № 5. С. 84–88.
- [9] Рассказова, Н. Ю. Совместное завещание супругов и основанные на нем права / Н. Ю. Рассказова. – Текст: непосредственный // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2024. – № 3. – С. 72–94.
- [10] Республика Беларусь. Законы. О нотариате и нотариальной деятельности: Закон Республики Беларусь № 305-З: [принят Палатой представителей 22 июня 2004 года: одобрен Советом Республики 25 июня 2004 года: подписан Президентом Республики Беларусь 18 июля 2004 года] // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2004. – № 120. – С. 2–34.
- [11] Республика Беларусь. Конституция. Конституция Республики Беларусь: с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2022. – 96 с.
- [12] Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Российская газета». 2018. №160.

References:

- [1] Civil Code of the Republic of Belarus: Code of the Republic of Belarus No. 218-Z of December 7, 1998: as amended by the Law of the Republic of Belarus No. 362-Z of March 11, 2024. — Minsk: National Center of Legal Information of the Republic of Belarus, 2024. — 688 p.
- [2] Civil Code of the Russian Federation. Part Three: No. 146-FZ of November 26, 2001 (as amended and supplemented). — Moscow: Prospekt, 2026. — P. 45.
- [3] Zyкова, A. A. Order of succession by law in the Russian Federation and certain European countries / A. A. Zyкова. — Text: direct // Molodoy Ucheny [Young Scientist]. — 2024. — No. 35 (534). — P. 69–72.
- [4] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). — Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 2020. — 64 p.
- [5] Krasheninnikov P. V. Inheritance Law (Including inheritance funds, inheritance contracts, and joint wills). 4th ed., revised and supplemented. — Moscow: Statut, 2019. — P. 302.
- [6] Letova N. V. Joint will of spouses: features and problems of law enforcement // Nasledstvennoye Pravo [Inheritance Law]. 2026. No. 1. P. 11–16.
- [7] Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries: approved... Supreme Council of the Russian Federation, 11 February 1993, No. 4462-1 (as amended on 4 August 2026) // Rossiyskaya Gazeta. — 1993. — 13 March (No. 49); Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Council of the Russian Federation. — 1993. — No. 10. — Art. 357.
- [8] Pozhilykh A. I. History of the Inheritance Contract // Ural Journal of Legal Research. 2020. No. 5. P. 84–88.
- [9] Rasskazova N. Yu. Joint Will of Spouses and Rights Based Thereon / N. Yu. Rasskazova. – Text: direct // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2024. – No. 3. – P. 72–94.

[10] Republic of Belarus. Laws. On Notaries and Notarial Activity: Law of the Republic of Belarus No. 305-Z: [adopted by the House of Representatives on 22 June 2004; approved by the Council of the Republic on 25 June 2004; signed by the President of the Republic of Belarus on 18 July 2004] // National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus. – 2004. – No. 120. – P. 2–34.

[11] Republic of Belarus. Constitution. Constitution of the Republic of Belarus: with amendments and additions adopted at national referendums on 24 November 1996, 17 October 2004, and 27 February 2022. – Minsk: National Center of Legal Information of the Republic of Belarus, 2022. – 96 p. [12] Federal Law No. 217-FZ of July 19, 2018, “On Amending Article 256 of Part One and Part Three of the Civil Code of the Russian Federation” // *Rossiyskaya Gazeta*. 2018. No. 160.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

ЛЫСЕНКО Елена Алексеевна,
магистрант,
Российский государственный университет правосудия,
Москва, Россия,
e-mail: lenchen-lenchen@mail.ru

КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПЕРЕПЛАНИРОВКИ И РЕКОНСТРУКЦИИ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ СТАБИЛЬНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется материально-правовая проблема разграничения понятий «перепланировка» и «реконструкция» жилых помещений в многоквартирных домах. Автор анализирует позицию Верховного Суда РФ, зафиксировавшую критерий изменения площади здания в качестве ключевого фактора квалификации. В работе вскрывается доктринальный парадокс, при котором технологическое уменьшение площади в результате ремонта формально переводит процесс в плоскость реконструкции всего дома. На основе принципа стабильности гражданского оборота автором предлагается нормативно закрепить доктрину допустимой технологической погрешности площади без пересчета общедолевой собственности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: перепланировка; реконструкция; многоквартирный дом; общее имущество; общая площадь; стабильность гражданского оборота; жилищное законодательство.

LYSENKO Elena Alexeevna,
Graduate Student,
Russian State University of Justice,
Moscow, Russia

CRITERIA FOR DIFFERENTIATING REDEVELOPMENT AND RECONSTRUCTION OF RESIDENTIAL PREMISES IN THE CONTEXT OF PROTECTING THE STABILITY OF CIVIL TURNOVER

ANNOTATION. The article examines the substantive and legal problem of distinguishing between the concepts of «redevelopment» and «reconstruction» of residential premises in apartment buildings. The author analyzes the position of the Supreme Court of the Russian Federation, which fixed the criterion of changing the building area as a key qualification factor. The paper reveals a doctrinal paradox in which a technological reduction in the apartment area during routine repairs formally shifts the process into the dimension of reconstruction of the entire building. Based on the principle of stability of civil turnover, the author proposes to normatively consolidate the doctrine of permissible technological tolerance of the area without recalculating socially shared ownership.

KEY WORDS: redevelopment; reconstruction; apartment building; common property; total area; stability of civil turnover; housing legislation.

1. Введение и актуальность исследования

Развитие жилищного законодательства и усложнение гражданских правоотношений в сфере управления многоквартирными домами (МКД) диктуют необходимость определения базовых юридических понятий. Одной из наиболее острых и дискуссионных проблем в современной цивилистической науке и правоприменительной практике остается разграничение понятий «перепланировка» и «реконструкция» жилых помещений [4, 5]. Данный вопрос носит не теоретический, а выраженный процессуальный характер, так как законодатель закрепил принципиально разные правовые режимы для этих процедур. Перепланировка жилого помещения представля-

ет собой изменение его конфигурации, требующее внесения изменения в технический паспорт, и осуществляется по согласованию с органом местного самоуправления на основании статьи 26 Жилищного кодекса РФ (ЖК РФ) [1]. В свою очередь, реконструкция объектов капитального строительства регулируется нормами Градостроительного кодекса РФ (ГрК РФ) [2]. Если реконструкция многоквартирного дома влечет за собой уменьшение размера общего имущества, для ее проведения требуется единогласное согласие всех собственников помещений в данном доме (часть 3 статьи 36, часть 2 статьи 40 ЖК РФ). Ошибка в материально-правовой квалификации производимых собственником работ вле-

чет за собой негативные последствия, к которым относятся: признание выполненных работ незаконными, возложение обязанности по восстановлению первоначального состояния объекта, а также затяжные судебные споры между собственниками, органами жилищного контроля и управляющими организациями.

2. Анализ материально-правовых критериев и позиции Верховного Суда РФ

Основные проблемы в правоприменении возникают из-за размытости критериев, позволяющих отделить масштабное строительное изменение здания от внутренней перепланировки отдельной квартиры. В соответствии с пунктом 14 статьи 1 ГрК РФ под реконструкцией понимается изменение параметров объекта капитального строительства, его частей (высоты, количества этажей, площади, объема), в том числе надстройка, перестройка, расширение объекта, а также замена и (или) восстановление несущих строительных конструкций. В целях унификации судебной практики Верховным Судом РФ был издан профильный Обзор судебной практики [3], регулирующий споры о перепланировках. Высшая судебная инстанция указала, что основополагающим для разграничения должен служить критерий изменения параметров жилого дома, в первую очередь - его общей площади или строительного объема. На первый взгляд, предложенный Верховным Судом РФ подход выглядит логичным, системным и полностью опирается на буквальное толкование норм градостроительного законодательства. Если работы привели к изменению площади, то это реконструкция, если параметры здания остались неизменными, то это перепланировка. Однако детальный теоретико-правовой анализ обнаруживает в данном толковании скрытый доктринальный тупик, способный парализовать нормальное функционирование жилищного фонда.

3. Технологический парадокс изменения площади помещения

Главный изъян абсолютизации критерия «изменения площади» заключается в игнорировании строительно-технологической специфики отделочных работ. Площадь любого жилого помещения не является раз и навсегда зафиксированной статической величиной. Напротив, это динамический параметр, который подвержен неизбежным колебаниям не только в ходе глобальных архитектурных перестроек, но и при проведении самого обычного, рутинного косметического ремонта.

Рассмотрим стандартную ситуацию: собственник квартиры осуществляет выравнивание стен с использованием штукатурных смесей или производит монтаж звукоизоляционных панелей из гипсокартона. С точки зрения строительных технологий, данные действия являются неотъемлемой частью качественного ремонта или

внутренней перепланировки (например, при замене несущих межкомнатных перегородок). Однако нанесение слоя штукатурки толщиной в несколько сантиметров по всему периметру квартиры неизбежно приводит к физическому уменьшению внутреннего пространства комнат. При проведении последующих обязательных обмеров органами технического учета (БТИ) будет официально зафиксировано уменьшение общей площади данного жилого помещения. Если руководствоваться логикой, изложенной в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ, любое подобное уменьшение площади одной квартиры автоматически меняет параметры всего многоквартирного дома. Следовательно, обычное выравнивание стен штукатуркой должно квалифицироваться не как ремонт, а как реконструкция МКД.

4. Угроза стабильности гражданского оборота и цепная реакция

Описанный юридический парадокс не является исключительно умозрительной доктринальной проблемой. Он несет в себе прямую и реальную угрозу для стабильности гражданского оборота прав на недвижимое имущество. В соответствии со статьей 37 ЖК РФ доля собственника помещения в праве общей долевой собственности на общее имущество в многоквартирном доме прямо пропорциональна размеру общей площади принадлежащего ему жилого или нежилого помещения. Доля в общем имуществе – это ключевой юридический эквивалент, который определяет объем прав собственника при голосовании на общих собраниях, а также размер его расходов на содержание дома. Математическая логика закона непреклонна: если общая площадь одной отдельно взятой квартиры уменьшилась (например, на 0,2 квадратных метра из-за слоя штукатурки или обшивки стен), то совокупная площадь всех индивидуальных помещений в доме также уменьшилась. Это означает, что доли абсолютно всех остальных собственников квартир в данном МКД должны быть пересчитаны в сторону увеличения.

Таким образом, изменение площади одного помещения запускает неизбежную цепную реакцию, которая формально изменяет права долевой собственности всех жильцов дома. В рамках толкования ч. 3 ст. 36 ЖК РФ для проведения такого ремонта собственник обязан инициировать общее собрание и получить стопроцентное согласие всех соседей. В условиях современных многоквартирных домов, где количество собственников может исчисляться сотнями и тысячами, сбор 100% подписей для проведения внутреннего ремонта силами одного человека объективно невозможен.

Более того, признание таких колебаний площади реконструкцией порождает необходимость постоянного внесения изменений в Единый госу-

дарственный реестр недвижимости (ЕГРН) для каждого собственника в доме. Также создаются легальные условия для злоупотребления правом (шikanы) со стороны недоброжелательных соседей, которые получают юридическую возможность оспаривать ремонт в чужой квартире под предлогом «нарушения их долей в общем имуществе».

5. Пути преодоления доктринального тупика и выводы

Для разрешения выявленного системного противоречия российской правовой доктрине необходимо выработать гибкий подход, основанный на приоритете сущностных критериев строительных работ над их сугубо формально математическими последствиями. Представляется целесообразным разграничить понятия «изменение архитектурно-строительного объема здания» (что составляет суть реконструкции) и «технологическое колебание внутренней площади» (что является следствием перепланировки или ремонта). Законодателю и высшей судебной инстанции необходимо прямо зафиксировать

правило материальной неизменности долей при незначительных изменениях площади. Колебания площади жилого помещения, вызванные исключительно внутренними отделочными работами или изменением конфигурации несущих перегородок, не должны признаваться реконструкцией многоквартирного дома и не должны влечь за собой автоматический пересчет долей в общем имуществе МКД.

В качестве практической рекомендации предлагается внести изменения в статью 37 ЖК РФ либо закрепить на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ доктрину допустимой технологической погрешности. Изменение площади объекта в результате внутренних работ должно удерживать процедуру исключительно в рамках правового режима перепланировки. Такой подход позволит защитить добросовестных собственников от необоснованного административного давления, исключит практику злоупотребления правом со стороны третьих лиц и обеспечит гармоничное развитие жилищных правоотношений.

Список литературы:

- [1] Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2005. - № 1 (часть 1).
- [2] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2005. - № 1 (часть 1).
- [3] Обзор судебной практики по спорам, связанным с реконструкцией, переустройством и перепланировкой помещений в многоквартирном доме : утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 13 декабря 2023 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2024. - № 4.
- [4] Бетхер, В. А. Реконструкция и перепланировка нежилых помещений: законодательные коллизии и пробелы / В. А. Бетхер. - Текст : электронный // Вестник Омского университета. Серия «Право». - 2012. - № 3 (32). - С. 112-119.
- [5] Былков, В. В. Правовые проблемы переустройства и перепланировки помещений / В. В. Былков. - Текст : электронный // Современные тенденции в строительстве, градостроительстве и планировке территорий. - 2025. - Т. 2, № 1.

References:

- [1] Housing Code of the Russian Federation No. 188-FZ dated December 29, 2004 // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2005. - No. 1 (Part 1).
- [2] Urban Planning Code of the Russian Federation No. 190-FZ dated December 29, 2004 // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2005. - No. 1 (Part 1).
- [3] Review of Judicial Practice Regarding Disputes Arising from the Reconstruction, Alteration, and Layout Modification of Premises in an Apartment Building: Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 13, 2023 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. - 2024. - No. 4.
- [4] Betkher, V. A. Reconstruction and Layout Modification of Non-Residential Premises: Legislative Conflicts and Gaps / V. A. Betkher. - Text: electronic // Herald of Omsk University. Series «Law». - 2012. - No. 3 (32). - P. 112-119.
- [5] Bylkov, V. V. Legal Issues Regarding the Alteration and Layout Modification of Premises / V. V. Bylkov. - Text: electronic // Modern Trends in Construction, Urban Planning, and Territorial Planning. - 2025. - Vol. 2, No. 1.

БЫКОВСКИЙ Тимур Николаевич,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
КрУ МВД России, Краснодар, Россия,
e-mail: moyu771@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЛИЦА, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОРУЖИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ СУДЕБНОЙ СТАТИСТИКИ)

АННОТАЦИЯ. В рамках данного исследования проведен анализ статистических данных, отражающих социально-демографические признаки личности преступника, совершающего преступления в сфере незаконного оборота оружия. Исследование показателей отдельных периодов совместно с экстраполированием результатов представляет возможным рассмотреть возможные показатели преступности в указанной сфере в конце заданного исследуемого периода. Вместе с этим стоит отметить, что динамика изменения социально-демографических находятся в прямой зависимости от геополитических событий, изменений законодательства и правоприменительной практики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: оружие, преступность, признаки, незаконный оборот, боеприпасы, статистика, данные, осужденные, закон, ответственность.

BYKOVSKY Timur Nikolaevich,
adjunct professor of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

SOCIO-DEMOGRAPHIC PORTRAIT OF A PERSON COMMITTING CRIMES IN THE SPHERE OF ILLEGAL ARMS TRAFFICKING (BASED ON FORENSIC STATISTICS)

ANNOTATION. This study analyzes statistical data reflecting the socio-demographic characteristics of criminals committing weapons trafficking crimes. By examining indicators for individual periods and extrapolating the results, it is possible to examine potential crime rates in this area at the end of the study period. It is also worth noting that the dynamics of socio-demographic changes are directly dependent on geopolitical events, legislative changes, and law enforcement practices.

KEY WORDS: weapons, crime, signs, illegal trafficking, ammunition, statistics, data, convicts, law, responsibility.

На всем протяжении существования человеческой цивилизации, оружие всегда оставалось инструментом демонстрации силы, власти и превосходства, вне зависимости от его типа и форм. Незаконный оборот оружия в современных реалиях остается одной из наиболее значимых угроз общественной безопасности и правопорядка, выступая не только самостоятельным видом преступности, но и фактором, который способствует росту насильственной и организованной преступности.

Преступление, будучи криминальным событием объективной действительности, не может существовать без своего инициатора, которым выступает субъект преступления. С точки зрения диалектико-материалистического понимания, личность всегда выступает как конкретный

человек, который характеризуется социально-психологическими и биологическими особенностями, выступающими в единстве и определяющими программу и содержательную сторону его поведения. [2] Понимание социально-демографических характеристик лиц, которые совершают преступления в сфере незаконного оборота оружия помогает выстраивать более эффективные стратегии профилактики, оптимизировать работу правоохранительных органов и адресно распределять ресурсы последних.

Специфика данной категории преступлений – от нелегального хранения и сбыта до контрабанды и изготовления оружия – предполагает наличие различных типов мотивации к совершению преступлений, что актуализирует вопрос о дифференцированном подходе к изучению лич-

ности преступника. Социально-экономические и геополитические условия способны влиять на трансформацию портрета преступника, обуславливая потребность в обновлении эмпирической базы и переосмыслении сложившихся криминологических стереотипов. В России ежегодно фиксируется значительное количество уголовных дел, связанных с хранением, перевозкой, сбытом и использованием оружия без соответствующих разрешений и лицензий. Учитывая политическую и экономическую значимость борьбы с преступностью в сфере незаконного оборота оружия, а также транснациональный характер данной формы криминальной деятельности, исследование ее специфики, тенденций и факторов, способствующих ее распространению, изучение данных вопросов является весьма актуальным. [3]

Для того, чтобы провести анализ социально-демографических характеристик личности преступника, совершающим преступления в сфере незаконного оборота оружия, считаем целесообразным взять за основу три среднестатистических периода. В данном случае речь идет о тех геополитических событиях, которые

существенно оказывают влияние на трансформацию личности преступников в сфере незаконного оборота оружия – вооруженные конфликты. Базу исследования составят статистические данные 2020, 2022 и 2024 годов. [4] Начальной точкой отсчета будет являться 2020 год, характеризующейся умеренной криминогенной обстановкой в области преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. 2022 год – начальный этап проведения Специальной военной операции (далее по тексту – СВО), который отражает максимальную динамику на линии фронта. Именно в этот период происходят наиболее масштабные действия и формируется основной театр военных действий. 2024 год – это период качественного скачка в применении разведывательных и ударных беспилотников, а также средств радиоэлектронной борьбы, а также фаза интенсивного минирования местности и перехода к позиционной борьбе.

Отправной точкой исследования будут выступать данные о количестве осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, за отчетные периоды исследования. Сведения представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Количество осужденных лиц в отчетных периодах за преступления, связанные с незаконным оборотом оружия

Год	2020	2022	2024
Всего осуждено	6095	6114	6186

В рамках исследуемых периодов отмечается постепенный рост числа осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Несмотря на рост, коле-

бания показателей относительно общего уровня (около 6100 осужденных) незначительны, что говорит о стабильности ситуации с точки зрения масштаба явления. За двухлетний период темпы прироста составили примерно 1,5%.

Таблица 2. Половая принадлежность лиц, осужденных за преступления в сфере незаконного оружия в отчетных периодах

Год	2020	2022	2024
Всего осуждено	6095	6114	6186
Мужчин	5907	5975	6072
Женщин	188	139	114

Доля мужчин в структуре преступности, связанной с незаконным оборотом оружия стабильно превышает 96%, а в 2024 году составляет почти 98%, что говорит о типичной гендерной асимметрии в насильственной и «оружейной» преступности. По сравнению с 2020 годом доля женщин в 2024 году снизилась на 39%. Общее число осужденных выросло на 1,5% (с 6095 до 6186), а доля мужчин на 1,26% (с 96,6% до

98,16%). Представленные данные говорят о том, что прирост осужденных почти полностью обеспечен мужчинами. Т.Л. Григорян отмечает, что при участии женщин в совершении незаконных действий с огнестрельным оружием и предметами вооружения их роль, как правило, сводится к сокрытию орудий и следов преступной деятельности, осуществляемой мужчинами [1].

Таблица 3. Возрастная принадлежность лиц, осужденных за преступления в сфере незаконного оружия в отчетных периодах

Год	2020	2022	2024
Всего осуждено	6095	6114	6186
14-17	46	36	43
18-24	505	359	327
25-29	586	443	359
30-49	3262	3153	2915
50 лет и старше	1696	2123	2542

По результатам анализа представленных сведений наблюдается смещение возрастной структуры в сторону старших возрастов. Наибольшее значимое изменение затрагивает группу осужденных старше 50 лет: с 27,84% (2020 год) до 41,09% (2024 год), т.е. на 13,25%. Криминализация старшего возраста может быть связана с рядом факторов: наличие у старшего поколения

оружия, особенностями хранения и передачи, а также более высокой выявляемостью. Снижение доли молодежи отражает как реальное снижение вовлеченности в преступную деятельность. Структурный сдвиг указывает на изменение профиля преступника в этой сфере: от молодого и рискованного к старшему и осознанному.

Таблица 4. Гражданство лиц, осужденных за преступления в сфере незаконного оружия в отчетных периодах

Год	2020	2022	2024
Граждане государств СНГ (кроме РФ)	100	52	44
Иных государств (кроме РФ и СНГ)	23	3	3
Лица без гражданства	14	15	10

Совокупная доля иностранных граждан и лиц без гражданства упала с 2,25 % (2020 год) до 0,92 (2024 год), то есть более чем в 2 раза, что может быть обусловлено ужесточением миграционного контроля, изменением практики привлечения

к уголовной ответственности. Наиболее выраженный спад наблюдается среди граждан СНГ. Число осужденных в этой группе сократилось с 1,64% до 0,71%.

Таблица 5. Место жительства лиц, осужденных за преступления в сфере незаконного оружия в отчетных периодах

Год	2020	2022	2024
Постоянные жители данной местности	5708	5855	5924
Беженцы и вынужденные переселенцы	6	4	3
Другие жители иной местности	329	225	241
Без определенного места жительства	52	30	18

Рост доли жителей говорит о том, что преступления в сфере незаконного оборота оружия в основном совершаются лицами, которые прочно связаны с территорией. Это отличает данную категорию преступлений от более «мобильных» видов криминала.

Сокращение доли лиц без определенного места жительства может быть связано как с реальным снижением их вовлеченности в совершаемые преступления, так и с особенностями правоприменения (например, приоритет в выявлении «оседлых» владельцев оружия).

Таблица 6. Образование лиц, осужденных за преступления в сфере незаконного оружия в отчетных периодах

Год	2020	2022	2024
Высшее профессиональное	604	657	767
Среднее профессиональное	1958	2187	2175
Среднее общее	2453	2184	2248
Основное общее, начальное или нет образования	1080	1086	996

Преступность в сфере незаконного оборота оружия становится более образованной. Растет доля лиц с профессиональным образованием, снижается доля лиц с низким уровнем подготовки. Сокращение доли лиц с низким уровнем образования может говорить о снижении роли «уличной» и спонтанной преступности в этой сфере и росте доли более «плановых» деяний. Важно учитывать, что уровень образования — это учётный признак, который может фиксироваться с разной степенью полноты в разные годы. Также возможны изменения в практике квалификации и распределения по категориям. В создании опорных сил определяется потенциальная склонность личности к совершению противоправных преступных деяний. В частности, возросшую склонность к преступности личностей с высоким уровнем образования отмечают еще исследователи в начале прошлого века, в частности, Е.Н. Тарновский [5].

роваться с разной степенью полноты в разные годы. Также возможны изменения в практике квалификации и распределения по категориям. В создании опорных сил определяется потенциальная склонность личности к совершению противоправных преступных деяний. В частности, возросшую склонность к преступности личностей с высоким уровнем образования отмечают еще исследователи в начале прошлого века, в частности, Е.Н. Тарновский [5].

Таблица 7. Род занятий (социальное положение) лиц, осужденных за преступления в сфере незаконного оружия в отчетных периодах

Год	2020	2022	2024
Рабочие	1183	1344	1384
Работники с/х	41	59	46
Государственные и муниципальные служащие	16	15	27
Служащие коммерческой или иной организации	114	132	121
Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность или участвующие в ней	96	85	101
Индивидуальные предприниматели	62	60	64
Учащиеся и студенты	42	40	45
Осужденные к лишению свободы, назначенному реально	16	8	8
Совершили преступление в период отбывания наказания в виде лишения свободы	14	8	6
Нетрудоспособные (неработающие)	667	726	846

Трудоспособные лица без постоянного источника дохода	3644	3262	2990
Безработные трудоспособные (зарегистрированы в службе занятости)	62	44	37
Военнослужащие по призыву и по контракту	37	73	97
Адвокаты, нотариусы, аудиторы	2	0	1
Судьи, работники суда	0	0	0
Прокуроры, следователи	2	0	0
Иные сотрудники правоохранительных органов, в том числе прокуратуры	7	20	17
Лица прочих занятий	228	350	503
Инвалиды I и II групп	105	119	119

Группа трудоспособных лиц без постоянного источника дохода сократилась с 59,77% (2020) до 48,34% (2024), то есть на 11,43 п.п. Это главный структурный сдвиг: ранее эта категория доминировала, теперь её доля существенно

Доля рабочих выросла с 19,41% до 22,37%, что отражает перераспределение структуры осуждённых в пользу лиц с формальной занятостью.

Рост доли «лиц прочих занятий» с 3,74% до 8,13% (+4,39 п.п.) может указывать на расширение учёта нетипичных статусов либо на рост вовлечённости лиц с нестандартной занятостью.

Увеличение нетрудоспособных (неработающих) с 10,94% до 13,68% может быть связано как с демографией, так и с изменением практики выявления и квалификации деяний.

Заметный рост доли военнослужащих. С 0,61% до 1,57% — почти в 2,6 раза.

Государственные служащие, сотрудники правоохранительных органов, адвокаты и т. д. остаются в пределах долей менее 1%, при этом динамика разнонаправленная и несистемная.

Абсолютное число безработных, зарегистрированных в службе занятости сократилось с 62 до 37, что согласуется с общим трендом на снижение доли маргинальных групп.

Резкое сокращение доли трудоспособных без постоянного дохода говорит о том, что незаконный оборот оружия всё меньше связан с классической «уличной» маргинализацией и всё больше — с иными социальными группами.

Рост доли рабочих, военнослужащих и «прочих занятий» может отражать вовлечение в преступность лиц, имеющих доступ к оружию либо

к специфическим каналам его оборота (охота, охрана, служба, коллекционирование).

На основе представленных данных и методом экстраполяции, может быть предложен следующий итог развития криминогенной обстановки относительно преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия.

Итак, экстраполируя эту тенденцию можно ожидать дальнейший небольшой прирост. При сохранении темпа примерно 0,75% в год (средний темп прироста за 4 года), в конце 2026 года общее число осуждённых может составить около 6280 человек.

Доля мужчин продолжит оставаться доминирующей (около 98%), а сам прирост осуждённых полностью обеспечивается за счёт этой категории. Тенденция смещений в сторону старших возрастов (от 30 и выше) будет сохраняться, что опять же обусловлено влиянием активных боевых действий.

Доля лиц без постоянного источника дохода будет сокращена, что свидетельствует об уходе преступности от «уличной» маргинализации. Скорее всего сохранится тенденция относительно роста доли военнослужащих, имеющих доступ к оружию или специфическим каналам его оборота.

Таким образом, 2026 год будет характеризоваться незначительным ростом общего числа осуждённых, однако с углублением структурных изменений. Важно отметить, что подобный прогноз основан на экстраполяции, а реальная картина может быть скорректирована под влиянием законодательства и правоприменительной практики.

Список литературы:

[1] Григорян Т. Л. Противодействие незаконному обороту оружия: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург., 2005. 147 с.

[2] Игнатов А.Н. Понятие и общая характеристика личности преступника // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5(71). № 1. С. 319-326.

[3] Пихов А. Х-А. Транснациональная преступность: система понятий // Вестник Московского

университета МВД России. — 2017. — № 6.

[4] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики // [Электронный ресурс]. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 03.08.2026)

[5] Тарновский Е.Н. Распределение преступлений по профессиям // Журнал Министерства юстиции. Санкт-Петербург, 1907. - № 8 (октябрь). - С. 54-100; № 9 (ноябрь). - С. 54-83.

References:

[1] Grigoryan T. L. Countering Illicit Arms Trafficking: Criminal Law and Criminological Aspects: Dissertation... Candidate of Legal Sciences. St. Petersburg, 2005. 147 p.

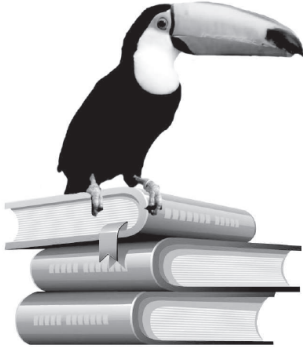
[2] Ignatov A. N. The Concept and General Characteristics of the Offender's Personality // Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences. 2019. Vol. 5(71). No. 1. P. 319–326.

[3] Pikhov A. Kh.-A. Transnational Crime: A System of Concepts // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2017. — No. 6.

[4] Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Judicial Statistics Data // [Electronic resource]. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (accessed: 03.08.2026)

[5] Tarnovsky E. N. Distribution of Crimes by Profession // Journal of the Ministry of Justice. St. Petersburg, 1907. — No. 8 (October). — P. 54–100; No. 9 (November). — P. 54–83.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

РОГОЖИНА Светлана Григорьевна,
старший преподаватель
кафедры правовых, психолого-педагогических
и экономических дисциплин
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»
филиал в г. Белореченске, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЁННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблемам квалификации преступлений, совершаемых с использованием или посредством систем искусственного интеллекта. Анализируются сложности определения субъекта ответственности при автономных действиях ИИ, установления причинно-следственной связи и вины, а также недостаточность действующих уголовно-правовых норм. Рассматриваются отечественный и зарубежный опыт законодательного регулирования, обосновывается необходимость введения отягчающих обстоятельств и новых составов преступлений, а также адаптации уголовно-правовой доктрины к феномену нечеловеческой агентности. Автор приходит к выводу, что эффективное противодействие данной категории преступлений требует комплексного подхода, сочетающего совершенствование закона, процессуальных механизмов и международно-правовых стандартов при сохранении принципа индивидуальной ответственности человека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: искусственный интеллект, квалификация преступлений, субъект преступления, причинно-следственная связь, вина, отягчающие обстоятельства, дипфейки, уголовная ответственность, международное уголовное право, цифровые технологии.

ROGOZHINA Svetlana Grigorievna,
Senior Lecturer Department of Legal, Psychological, Pedagogical,
and Economic Disciplines
Adygea State University, Branch in Belorechensk, Russia

CLASSIFICATION OF CRIMES COMMITTED USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE: NEW CHALLENGES FOR THE CRIMINAL LAW

ANNOTATION. The article is devoted to the problems of qualification of crimes committed using or through artificial intelligence systems. The difficulties of determining the subject of responsibility in the autonomous actions of AI, establishing a causal relationship and guilt, as well as the insufficiency of existing criminal law norms are analyzed. The article examines the domestic and foreign experience of legislative regulation, substantiates the need to introduce aggravating circumstances and new types of crimes, as well as the adaptation of criminal law doctrine to the phenomenon of inhuman agency. The author concludes that effective counteraction to this category of crimes requires an integrated approach combining the improvement of the law, procedural mechanisms and international legal standards while maintaining the principle of individual responsibility.

KEY WORDS: artificial intelligence, qualification of crimes, subject of crime, causal relationship, guilt, aggravating circumstances, deepfakes, criminal liability, international criminal law, digital technologies.

Современный этап развития общества характеризуется всепроникающим влиянием цифровых технологий, среди которых искусственный интеллект занимает особое место. Будучи способным к автономному принятию решений, обработке огромных массивов данных и имитации когнитивных функций человека, искусственный интеллект открывает беспрецедентные возможности для экономического и социального прогресса. Однако та же самая техно-

логия становится мощным инструментом в руках злоумышленников, порождая новые формы преступной деятельности, которые бросают вызов традиционным институтам уголовного права. Масштаб проблемы подтверждается официальными статистическими данными. По сведениям Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2024 году зарегистрировано 765,4 тысячи преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникацион-

ных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 13,1% превышает показатель предыдущего года. Удельный вес таких преступлений в общем массиве увеличился с 34,8% до 40%. При этом значительная часть этих деяний совершается с применением технологий искусственного интеллекта, что существенно трансформирует механизм преступного посягательства и создает дополнительные сложности для правоприменителя [1].

Проблематика уголовно-правовой оценки деяний, связанных с использованием ИИ, находится в фокусе внимания ведущих научных центров мира. Так, Институт Макса Планка по изучению преступности, безопасности и права реализует масштабный исследовательский проект «AI Crime», посвященный анализу феномена вредоносных ИИ-агентов и пределов уголовного права в данной сфере. Актуальность темы признается и на уровне международного права: в *Journal of International Criminal Justice* опубликованы исследования, анализирующие возможность привлечения к ответственности за акты кибер-агрессии, совершенные с использованием ИИ-систем, в контексте Римского статута Международного уголовного суда.

Для целей уголовно-правового анализа представляется необходимым определение того, какие деяния могут быть отнесены к категории преступлений, совершаемых с использованием искусственного интеллекта. Как справедливо отмечается в исследовании, проведенном в рамках проекта Института Макса Планка, не всякий вред, причиненный ИИ-системой, может квалифицироваться как «AI crime». Речь должна идти о ситуациях, когда «агентная» система, способная к автономному достижению целей без постоянного человеческого контроля, действует таким образом, который вступает в конфликт с намерениями разработчиков или пользователей и при этом нарушает уголовно-правовые запреты. Иными словами, преступление с использованием ИИ имеет место тогда и только тогда, когда ИИ-агент совершает деяние, которое, будучи совершенным человеком, составило бы преступление при наличии соответствующей субъективной стороны.

Как верно отмечает Максименко, Д. В., анализ современных способов использования ИИ в преступных целях позволяет выделить несколько форм таких деяний. Во-первых, искусственный интеллект может выступать в качестве инструмента совершения традиционных преступлений. В этом качестве он используется для автоматизации, интенсификации или маскировки уже известных составов. Типичными примерами являются фишинговые атаки с использованием чат-ботов на основе ИИ, персонализирующих сообщения для повышения эффективности обмана; создание дипфейков — реалистичных подделок аудио- и видеоматериалов — для мо-

шенничества, шантажа или распространения заведомо ложных сведений; разработка адаптивного вредоносного программного обеспечения, способного обходить традиционные системы защиты [2].

Во-вторых, развитие ИИ порождает качественно новые виды преступных деяний, которые ранее были невозможны или не имели практического значения. К их числу относятся деяния, совершаемые автономными системами без непосредственного участия человека (например, дорожно-транспортные происшествия с участием беспилотных автомобилей, где причиной вреда послужила ошибка алгоритма); алгоритмическая дискриминация, приводящая к нарушению прав определенных групп лиц в сфере кредитования, трудоустройства или правосудия; манипуляции на финансовых рынках с использованием автономных торговых алгоритмов. Особого внимания заслуживает выделенная в литературе категория «AI crime», связанная с действиями вредоносных ИИ-агентов, чье поведение не только отклоняется от ожиданий разработчиков, но и объективно нарушает уголовно-правовые запреты. В исследовании Института Макса Планка подчеркивается, что такие случаи представляют собой «непредвиденные последствия» автономной деятельности алгоритмов, когда ИИ, реализуя поставленную перед ним задачу, выбирает способы ее достижения, прямо противоречащие закону [3].

Центральной проблемой квалификации преступлений с использованием ИИ остается определение субъекта. В действующем уголовном праве России и большинства стран субъектом признается только физическое вменяемое лицо, а ИИ выступает либо орудием, либо объектом посягательства, но не субъектом ответственности. Однако многие исследователи указывают, что дихотомия «личность – вещь» не позволяет адекватно осмыслить вредоносную нечеловеческую агентность ИИ-систем. Предлагается рассматривать ИИ-агентов как промежуточную категорию акторов: подобно малолетним или невменяемым, они могут действовать объективно умышленно, но не являются виновными и не подлежат наказанию. Ключевое отличие от людей – возможность их ante встраивать в ИИ механизмы правового комплаенса, удерживающие от нарушений. В этой логике ответственность несут только те человеческие принципы, которые не реализовали такие механизмы либо неосторожно делегировали ИИ свои полномочия.

В российской доктрине обосновывается необходимость уголовно-релевантного определения ИИ, разграничивающего случаи его использования как «пассивного» орудия и автономных действий, не предопределенных прямым указанием пользователя. В последнем случае традиционная модель вменения неприменима, поскольку причинно-следственная связь опо-

средована непрозрачными алгоритмическими процессами.

Проблема субъекта неразрывно связана с установлением объективной и субъективной сторон. Современные системы машинного обучения, особенно глубокие нейросети, представляют собой «черные ящики», что создает принципиальные трудности для доказывания причинно-следственной связи и вины. Как показывает следственная практика, сложность алгоритмов делает почти невозможным точное установление механизма принятия решения, ставя под сомнение возможность доказывания умысла или неосторожности. Особенно остро это проявляется при «алгоритмической ошибке», когда легитимная ИИ-система по независящим от разработчиков причинам причиняет вред.

Возникает вопрос: это неосторожность разработчика или случай, исключающий человеческий фактор и, следовательно, уголовную ответственность? В южнокорейской литературе справедливо предупреждают, что наказание за непреднамеренный вред от ИИ может затормозить технологическое развитие, требуя взвешенной дифференциации ответственности в зависимости от автономности системы и сферы риска [4].

Актуальной тенденцией стало признание использования ИИотягчающим обстоятельством. В РФ в сентябре 2024 года внесен законопроект № 718538-8 о квалифицирующем признаке использования дипфейков при мошенничестве, поддержанный Верховным Судом, Следственным комитетом и Премьер-министром. Научное обоснование – признание ИИ современным оружием, повышающим общественную опасность: он обеспечивает анонимность, оперативность, масштабируемость и усложняет расследование. Предлагается дополнить статью 63 УК РФ пунктом о совершении преступления с использованием ИИ-технологий, существенно повышающих общественную опасность.

Зарубежный опыт различен: во Франции с 2023 года ужесточено наказание за дипфейки (ст. 226-8-1 УК), в США Минюст рекомендует ужесточать наказание, а дело *United States v. Vasquez* (2024) признало использование дипфейков отягчающим обстоятельством. В Китае с января 2023 года действуют жесткие правила

регулирования технологий глубокого синтеза с уголовной ответственностью. Помимо отягчающих обстоятельств, предлагается ввести новые составы – например, за создание вредоносной ИИ-системы, а также закрепить процессуальные процедуры изъятия и экспертизы алгоритмических моделей как вещественных доказательств [5].

Особую сложность представляют международные преступления с использованием ИИ. В доктрине международного уголовного права обсуждается готовность системы к актам агрессии с участием ИИ – чтобы такие деяния не оказались в «правовой лазейке». Пример – кибератаки 2017 года WannaCry и NotPetya, нанесшие ущерб на миллиарды долларов. NotPetya с ИИ-управляемым ПО распространялась автоматически и неизбирательно, нанеся ущерб, вероятно, превышавший намерения создателей. Это ставит под сомнение применимость классических элементов *actus reus* и *mens rea*: в какой момент деяние можно «редуцировать до человеческой деятельности», а в какой – оно настолько удалено от человека, что вменение невозможно? Исследователи приходят к выводу, что Римский статут в нынешней интерпретации к этому не готов, требуется адаптация норм международного уголовного права с сохранением принципа индивидуальной ответственности.

Проведенный анализ показывает, что развитие искусственного интеллекта создает для уголовного права новые вызовы: неопределенность субъекта ответственности при автономных действиях ИИ, сложность доказывания причинно-следственной связи и вины, недостаточность существующих составов и квалифицирующих признаков. Противодействие этим угрозам требует комплексных мер — введения отягчающих обстоятельств и новых составов (например, за создание вредоносных ИИ-систем), разработки процессуальных механизмов работы с алгоритмами как доказательствами и адаптации доктрины к феномену нечеловеческой агентности. При этом человек должен оставаться конечным носителем ответственности, что предполагает дальнейшую дифференциацию ответственности в зависимости от степени автономности ИИ и формирование международных стандартов в этой сфере.

Список литературы:

[1] Амирова М. Г., Таилова А. Г. Уголовно-правовая ответственность за преступления, совершенные с использованием систем искусственного интеллекта // *Human Progress*. 2025. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-otvetstvennost-za-prestupleniya-sovershennyye-s-ispolzovaniem-sistem-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 29.06.2026).

[2] Максименко Д. В. Искусственный интеллект в механизме киберпреступлений: проблемы квалификации и прокурорского предупреждения / Д. В. Максименко. — Текст : непосредственный // *Молодой ученый*. — 2026. — № 20 (623). — С. 553-556.

[3] Корбут Н.В. Противоправное использование искусственного интеллекта: уголовно-правовая оценка // *Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн.* 2025. 1(135). URL:

<https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21488> (дата обращения: 29.06.2026).

[4] Арзуманян А. Э. Искусственный интеллект в уголовном процессе: необходимость формирования доктринальных дефиниций // Право и политика. 2026. № 1. С. 16-30.

[5] Позднякова К. В. Искусственный интеллект в уголовном праве: возможности и риски // Искусственный интеллект и этика: диалог компьютерных наук, философии и права : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 15 декабря 2025г. Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2025. С. 22-24.

References:

[1] Amirova M. G., Tailova A. G. Criminal liability for crimes committed using artificial intelligence systems // Human Progress. 2025. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-otvetstvennost-za-prestupleniya-sovershennyye-s-ispolzovaniem-sistem-iskusstvennogo-intellekta> (accessed: June 29, 2026).

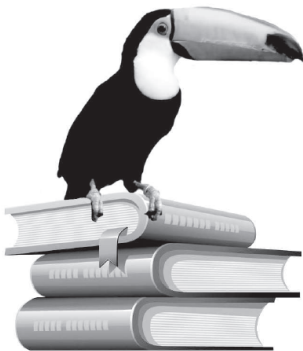
[2] Maksimenko D. V. Artificial intelligence in the mechanism of cybercrimes: issues of legal classification and prosecutorial prevention / D. V. Maksimenko. — Text : direct // Molodoy Ucheny [Young Scientist]. — 2026. — No. 20 (623). — P. 553-556.

[3] Korbut N. V. Unlawful use of artificial intelligence: criminal law assessment // Universum: Economics and Jurisprudence : electronic scientific journal. 2025. 1(135). URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/21488> (accessed: June 29, 2026).

[4] Arzumanyan A. E. Artificial intelligence in criminal proceedings: the need to formulate doctrinal definitions // Law and Politics. 2026. No. 1. P. 16-30.

[5] Pozdnyakova K. V. Artificial intelligence in criminal law: opportunities and risks // Artificial Intelligence and Ethics: A Dialogue Between Computer Science, Philosophy, and Law : collection of scientific papers based on the proceedings of the International Scientific and Practical Conference held on December 15, 2025. Belgorod: Advanced Scientific Research Agency LLC (APNI), 2025. Pp. 22-24.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2949-0871-2026-4-130-135

Дата принятия рукописи в печать: 11.09.2026 г.

МАКСИМКИН Яков Александрович,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
юридического института Самарского национального исследовательского
университета имени академика С.П. Королева,
кандидат юридических наук,
443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34,
тел: +7 (927) 657-99-07,
e-mail: maksimkin.yaa@ssau.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРОИЗВОДНЫХ ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И ГОНКОНГА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена сопоставлению подходов России и Гонконга к юридической квалификации производных финансовых инструментов. Российская модель охарактеризована как нормативно-дефинитивная: содержание категории задается легальным определением договора, исчерпывающим подзаконным перечнем видов дериватива и специальным правилом о судебной защите требований из расчетных сделок. Гонконгская модель определена как функционально-регуляторная: общего законодательного определения дериватива статут не содержит, а квалификация инструмента опирается на общее договорное право и категории регуляторного периметра Ордонанса о ценных бумагах и фьючерсах. Установлено, что размежевание дериватива и пари достигается в Гонконге не доктринальными, а регуляторными средствами: сделки, подпадающие под Ордонанс, изъяты из-под законодательства об азартных играх. Общими для обеих моделей признаны договорная природа инструмента и стохастическая обусловленность обязательств; рассмотрена судебная практика по спорам о ненадлежащей продаже финансовых продуктов; предложены рекомендации для правоприменения..

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: производные финансовые инструменты; деривативы; правовая природа; алеаторные сделки; Гонконг; Ордонанс о ценных бумагах и фьючерсах; внебиржевые деривативы; добросовестность; сравнительное правоведение.

MAKSIMKIN Yakov Aleksandrovich,
Associate Professor of the Department of Civil and Business Law,
Law Institute, Samara National Research University,
Candidate of Legal Sciences

THE LEGAL NATURE OF DERIVATIVE FINANCIAL INSTRUMENTS UNDER THE LAWS OF RUSSIA AND HONG KONG

ANNOTATION. The article provides a comparative legal analysis of the legal nature of derivative financial instruments under the laws of Russia and Hong Kong. The Russian regulatory model is characterised as normative-definitional: the legal nature of a derivative is revealed through the statutory definition of the contract, a closed sub-statutory list of its types, and a special rule granting judicial protection to claims arising from cash-settled transactions. The Hong Kong model is defined as functional-regulatory: there is no single statutory definition of a derivative, and the legal nature of the instrument is revealed through the general law of contract and the functional categories of the regulatory perimeter of the Securities and Futures Ordinance. The author demonstrates that in Hong Kong the borderline between a derivative and a wager is drawn by regulatory rather than doctrinal means: transactions falling within the Ordinance are carved out of the gambling legislation. The article identifies the features common to both models – the contractual nature and the stochastic conditionality of the obligations – examines the mis-selling case law, and formulates practical recommendations for legal practice.

KEY WORDS: derivative financial instruments; derivatives; legal nature; aleatory transactions; Hong Kong; Securities and Futures Ordinance; OTC derivatives; good faith; comparative law.

Срочные сделки давно перестали быть экзотикой и превратились в системный элемент мировой финансовой архитектуры. По статистике Банка международных расчетов, к середине 2025 г. совокупная номинальная стоимость открытых позиций по внебиржевым дериватам достигла 846 трлн долл. США, прибавив за год 16 %; почти четыре пятых этого объема (около 79 %) формируют процентные инструменты [24]. Российский срочный сегмент на глобальном фоне невелик, но показывает устойчивую динамику и обладает сложившейся инфраструктурой.

Одновременно вопрос о правовой природе дериватива так и не получил общепризнанного решения и остается предметом острой дискуссии. Если для экономической науки определяющим признаком служит зависимость стоимости инструмента от базисного актива, то в цивилистике конкурируют несколько слабо совместимых квалификаций подобных договоров [20].

Гонконг, где традиции английского общего права соединены с развитым статутным регулированием финансового рынка, дает ценный материал для сравнения: на его фоне отчетливее видны как достоинства, так и ограничения отечественной модели.

В российском праве за деривативом закреплена договорная модель. В силу п. 23 ст. 2 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее – Закон о РЦБ) к производным финансовым инструментам отнесен договор, содержание которого включает хотя бы одну обязанность из законодательно очерченного набора [3]. Внутри этого набора различимы три типа конструкций: сделки, стороны которых рассчитываются деньгами в зависимости от динамики цены (значения) базисного актива; опционы, по которым заявление управомоченной стороны порождает обязанность купить или продать базисный актив либо заключить договор; наконец, поставочные сделки в отношении ценных бумаг, валюты или товара, приобретающие статус ПФИ только при наличии соответствующей оговорки в самом соглашении.

Две конструкции изъяты из числа деривативов прямым указанием закона: репо и опционный договор, заключаемый с физическим лицом в связи с его трудовой функцией либо участием в органах управления хозяйственного общества [2, ст. 2, п. 23]. Логика изъятия функциональна: внешне обе сделки воспроизводят механику ПФИ, однако решают другие экономические задачи – обеспечительное финансирование в первом случае и стимулирование персонала во втором.

Развитие легальная дефиниция получает на подзаконном уровне. Указание Банка России от 16 февраля 2015 г. № 3565-У «О видах производных финансовых инструментов» [5] называет допустимые базисные активы (ценные бумаги,

товары, валюту, процентные ставки, кредитное событие и др.) и описывает четыре поименованных вида дериватива: опционный, фьючерсный, форвардный и своп-договор. Водоразделом между поставочным форвардом и обычной куплей-продажей избран момент исполнения: базисный актив передается не ранее третьего дня с даты совершения сделки.

Отсюда следует итоговая характеристика российской модели – нормативно-дефинитивная. Содержание категории задается не открытым функциональным признаком, а закрытым набором договорных конструкций в законе, дополненным подзаконным перечнем их видов.

Ценной бумагой дериватив при этом не является. Пункт 22 ст. 2 Закона о РЦБ строит понятие финансового инструмента как альтернативу: либо ценная бумага, либо ПФИ; пересечение названных вариантов фактически исключено. Опорой такого решения служит принцип нормативного закрепления видов ценных бумаг (п. 2 ст. 142 ГК РФ) [1]. Показательна судьба опциона эмитента: экономически перед нами опционная конструкция, но закон причисляет его к эмиссионным ценным бумагам, что уже само по себе закрывает вопрос о квалификации в качестве ПФИ. Демаркация, следовательно, идет по избранной законодателем форме, а не по существу обязательства.

Становление отечественной модели юридического нормирования ПФИ неотделимо от проблемы алеаторности. На рубеже 1990 – 2000-х годов арбитражная практика видела в расчетном форварде разновидность пари и отказывала вытекающим из него требованиям в исковой защите [13]; Конституционный Суд РФ не нашел в таком подходе нарушения конституционных прав участников оборота [14]. Изменение позиции в законодательстве произошло в 2007 г., когда п. 2 ст. 1062 ГК РФ в редакции Федерального закона от 26 января 2007 г. № 5-ФЗ [4] распространил судебную защиту на требования из расчетных деривативов. Защита обусловлена субъектным цензом: хотя бы одна из сторон должна обладать лицензией на банковские операции или лицензией профессионального участника рынка ценных бумаг, либо сделка должна совершаться на организованных торгах. Ценз, стало быть, адресован лишь одной стороне. Алеаторности расчетных инструментов законодатель не отрицал – он лишь лишил ее правопорождающего эффекта.

Спор продолжается и в новейшей литературе. А.Я. Быстров отстаивает алеаторную трактовку сделок на разницу: перед нами подвид пари, где условно-отлагательное обязательство одной стороны служит эквивалентом предоставления другой [19]. А.П. Клементьев систематизирует договорные подходы, разводя ограничительный (охватывающий лишь расчетные инструменты) и широкий (включающий также

поставочные срочные сделки) варианты [20, с. 421-424]. Универсальную формулу предложил Г. Райнер: юридически производный инструмент отличается стохастическая обусловленность обязательства хотя бы одной из сторон договора [22, с. 13].

О договорном существе деривативов свидетельствует и организация рынка. Внебиржевой сегмент основывается на генеральных соглашениях, восходящих к документации Международной ассоциации свопов и деривативов (ISDA), влияние которой прослеживается и в развитии российских правил о ликвидационном неттинге [21]. Отечественным аналогом проформ ISDA служит Стандартная документация для срочных сделок на финансовых рынках, подготовленная АРБ, НАУФОР и НВА и согласованная ФСФР России в 2011 г. [6]; ее применение открывает сторонам доступ к механизму ликвидационного неттинга.

Право Гонконга идет иным путем: единого легального определения дериватива здесь нет. Производный инструмент рассматривается как договор (contract), действительность и защита в исковом порядке которого подчинены общим началам контрактного права.

Проблема пари, определившая российскую траекторию, в Гонконге снята принципиально другим способом, и этот прием заслуживает отдельного разбора. Ордонанс об азартных играх (Gambling Ordinance, Cap. 148) содержит собственное понятие «договора на разницу» (contract for differences): это соглашение, цель или эффект которого – извлечь прибыль либо избежать убытка за счет колебаний стоимости или цены имущества, либо значения индекса или иного согласованного показателя [7]. Буквально под такое описание подпадает едва ли не любой расчетный дериватив. Однако действие Ордонанса не распространяется, во-первых, на договоры на разницу, допущенные к торгам на признанных фондовых и фьючерсных биржах, и, во-вторых, на сделки, которые регулируются Ордонансом о ценных бумагах и фьючерсах или совершаются в соответствии с ним, – пока Комиссия по ценным бумагам и фьючерсам (SFC) не установит правилами иное.

Сам юридический механизм примечателен: линия между деривативом и пари прочерчивается здесь не в доктринальной плоскости, а конфигурацией регуляторного периметра. Инструмент выходит из-под действия законодательства об азартных играх ровно в той мере, в какой входит в сферу финансового регулирования. Наглядна и обратная сторона: SFC предупреждала, что фьючерсы на виртуальные активы, оставшиеся за пределами периметра, рискуют квалификацией в качестве договоров на разницу по смыслу Ордонанса об азартных играх [26]. В английском праве – «материнском» для гонконгского – аналогичный результат закреплен прямой нормой

статута [4] (Приводится в порядке сравнения: в английском праве проблема ничтожности деривативов как пари снята прямой статутной нормой). Немаловажно, наконец, что по общему праву Гонконга пари само по себе исковой защиты не лишено, что заметно снижает остроту вопроса в частноправовой плоскости.

Публично-правовая рамка выстроена функционально. Ордонанс о ценных бумагах и фьючерсах (Securities and Futures Ordinance, Cap. 571; далее – SFO) [8] обходится без родового термина «дериватив», используя вместо него набор категорий: «фьючерсный контракт» (futures contract) – сделка, заключаемая по правилам фьючерсного рынка; «структурированный продукт» (structured product) – инструмент, выплаты по которому исчисляются от цены, стоимости или уровня базисного показателя; введенная реформой 2014 г. категория «внебиржевой деривативный продукт» (OTC derivative product), рассчитанная на внебиржевые сделки со стохастически обусловленным исполнением.

Именно последняя категория стала опорой имплементации обязательств «Группы двадцати»: подзаконные правила ввели отчетность по внебиржевым деривативам перед торговым репозитарием и централизованный клиринг стандартизированных классов сделок [9]. Маржирование сделок, остающихся вне централизованного клиринга, напрямую следует стандарту Базельского комитета и ИОСКО (Margin requirements for non-centrally cleared derivatives (BCBS – IOSCO)). Гонконгский режим маржирования внебиржевых деривативов, не проходящих централизованный клиринг, прямо ориентирован на этот стандарт). Самостоятельное нормативное значение имеют утверждаемые SFC кодексы: их несоблюдение – основание дисциплинарной ответственности лицензиатов. Кодекс поведения возлагает на посредника проверку пригодности инструмента клиенту (suitability), классификацию инвесторов и особые обязанности при работе с производными продуктами [11].

Судебные споры в Гонконге вращаются не вокруг действительности деривативов, а вокруг стандартов их продажи, и эволюция практики показательна. В деле DBS Bank (Hong Kong) Ltd v. Sit Pan Jit суды всех трех инстанций отклонили встречные требования частного клиента о ненадлежащей продаже структурных нот: доктрина договорного эстоппеля признана частью права Гонконга, а оговорки об отсутствии опоры на консультации банка (non-reliance clauses) заблокировали в том числе требование из введения в заблуждение по ст. 108 SFO [16]. Долгое время исход подобных дел складывался в пользу банков.

Поворот произошел в деле Chang Pui Yin & Ors v. Bank of Singapore Ltd: Апелляционный суд впервые встал на сторону инвесторов, расценив типовые оговорки об отсутствии опоры и о

неконсультационном характере отношений как недобросовестные по смыслу Ордонанса о недобросовестных договорах (Cap. 458) и как необоснованное ограничение ответственности по Ордонансу о контроле за исключаящими оговорками (Cap. 71) [17]. Принципиально, что защита слабой стороны обеспечена не перекалфикацией дериватива, а общими институтами договорного права.

Последующие решения очертили пределы подхода: отношения «банк – клиент» сами по себе консультационной обязанности не создают, а ее объем выводится из условий договора и фактических обстоятельств, включая опытность клиента [18]. Системную точку поставил регулятор (SFC): с 9 июня 2017 г. клиентские соглашения лицензиатов должны включать условие о соблюдении требования пригодности, что лишает посредника возможности снять с себя ответственность типовыми оговорками.

Гонконгская модель, таким образом, является функционально-регуляторной: частноправовой статус дериватива задан общим договорным правом, а публично-правовые последствия – лицензирование, репортинг, клиринг, маржирование, стандарты поведения – включаются при попадании инструмента в категории регуляторного периметра SFO.

Сравнение правопорядков обнаруживает глубинное сходство. Как в российской, так и в гонконгской системе юридического нормирования дериватив – договор, обязательство по которому хотя бы для одной из сторон стохастически обусловлено. Совпадает и посткризисный вектор публичного регулирования: обе юрисдикции реализовали решения «Группы двадцати» о репозитарной отчетности и централизованном клиринге внебиржевых сделок. Сходно осуществляется и защита слабой стороны: в России – через фигуру квалифицированного инвестора и принцип добросовестности [23], в Гонконге – через стандарт пригодности (suitability) и практику по делам о ненадлежащей продаже финансовых продуктов (mis-selling).

Расхождения лежат в плоскости юридической техники. Первое из них: закрытому российскому перечню договорных конструкций противостоят открытые функциональные категории Гонконга, легче принимающие финансовые новации.

Второе: по-разному решена проблема пари. Российский закон гасит правопоражающий эффект алеаторности специальной нормой с субъектным цензом. Гонконгский правопорядок действительность деривативов под сомнение вообще не ставит, а от азартных игр отделяет их регуляторным изъятием: сделки, охваченные SFO, выведены из сферы действия Ордонанса об азартных играх.

Третье: в России ПФИ и ценные бумаги – параллельные, непересекающиеся явления. SFO

тоже разделяет «ценные бумаги» (securities) и «структурированные продукты» на уровне закона, однако на практике грань размывается. Структурированный продукт нередко эмитируется специально созданной компанией в форме ноты или облигации – получает оболочку ценной бумаги при деривативном экономическом содержании, – и тогда один и тот же, по существу, инструмент может подчиняться режиму ценных бумаг. Российский ПФИ, напротив, всегда существует как «голое» договорное обязательство и облечен в ценную бумагу быть не может.

Для трансграничных сделок значимы и коллизионные решения. Российское право допускает выбор применимого права соглашением сторон (ст. 1210 ГК РФ) [2]; в отсутствие выбора применяется право стороны, осуществляющей решающее исполнение. Гонконг, следуя общему праву, равным образом уважает прямо выраженный выбор права, а вопросы юрисдикции решаются пророгационными и арбитражными соглашениями. Реальные трудности сосредоточены не в коллизионных нормах, а в признании и приведении в исполнение иностранных решений.

Из проведенного исследования вытекает ряд практических выводов.

Во-первых, структурируя трансграничную сделку с гонконгским контрагентом, инструмент необходимо квалифицировать дважды: по п. 23 ст. 2 Закона о РЦБ и Указанию № 3565-У – и по функциональным категориям SFO, проверяя, не возникают ли обязанности по отчетности, клирингу и маржированию. Игнорирование субъектного ценза п. 2 ст. 1062 ГК РФ чревато отказом в судебной защите требований в российской юрисдикции.

Во-вторых, гонконгский опыт демонстрирует пределы сугубо договорных средств защиты клиента. Пока споры решались только на базе условий генерального соглашения, договорный эстоппель и оговорки об отсутствии опоры неизменно вели к отказу в иске; перелом принесло обращение к институтам контроля за несправедливыми договорными условиями, а устойчивость защите придало закрепление требования пригодности на регуляторном уровне. Для российского правоприменения из приведенных выше выводов следует: подписание клиентом типовых деклараций о принятии рисков не должно снимать вопрос о добросовестности финансовой организации (ст. 1, 10 ГК РФ), если существо и риски инструмента реально не раскрывались; более надежным средством, впрочем, выступает не казуальная судебная оценка, а нормативные требования к продаже сложных инструментов.

В-третьих, de lege ferenda целесообразно рассмотреть возможность дополнения российского перечня видов ПФИ открытым функциональным критерием по образцу гонконгского структурированного продукта: это позволило бы охватывать новые инструменты, в том числе

конструкции с цифровыми базисными активами, без точечной правки подзаконного акта.

Наконец, участникам рынка целесообразно опираться на Стандартную документацию для срочных сделок на финансовых рынках, воспринявшую апробированные решения проформ ISDA, а при трансграничном структурировании – заблаговременно фиксировать применимое право и порядок разрешения споров.

В своей основе правовая природа ПФИ в России и Гонконге едина: перед нами договор со стохастически обусловленным обязательством. Различна техника ее раскрытия. Нормативно-дефинитивная модель России предоставляет определенность оборота, обратной стороной которой является пониженная адаптивность к новым инструментам; функционально-регуля-

торная модель Гонконга жертвует строгостью дефиниций ради подвижности регуляторного периметра, возлагая на него, в частности, разграничение дериватива и пари.

Сближение моделей идет не в частноправовых определениях, а через международные стандарты посткризисного регулирования – обязательства «Группы двадцати» о репозитарной отчетности и централизованном клиринге, маржинальные стандарты Базельского комитета и ИОСКО – а также через рецепцию договорных стандартов ISDA, воспринятых российской практикой фондового рынка. Перспективным продолжением исследования видится сопоставление режимов ликвидационного неттинга двух правовых порядков: России и Гонконга.

Список литературы:

- [1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
- [2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
- [3] О рынке ценных бумаг: Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.
- [4] О внесении изменений в статью 1062 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 26.01.2007 № 5-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 5. Ст. 558.
- [5] О видах производных финансовых инструментов: Указание Банка России от 16.02.2015 № 3565-У // Вестник Банка России. 2015. № 28.
- [6] Стандартная документация для срочных сделок на финансовых рынках (редакция 2011 г.), согласованная приказом ФСФР России от 28.12.2011 № 11-3600/пз-и.
- [7] Gambling Ordinance (Cap. 148) // Hong Kong e-Legislation. URL: <https://www.elegislation.gov.hk> (дата обращения: 23.07.2026).
- [8] Securities and Futures Ordinance (Cap. 571) // Hong Kong e-Legislation. URL: <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap571> (дата обращения: 23.07.2026).
- [9] Securities and Futures (OTC Derivative Transactions – Reporting and Record Keeping Obligations) Rules // Hong Kong e-Legislation. URL: <https://www.elegislation.gov.hk> (дата обращения: 23.07.2026).
- [10] Securities and Futures (OTC Derivative Transactions – Clearing and Record Keeping Obligations) Rules // Hong Kong e-Legislation. URL: <https://www.elegislation.gov.hk> (дата обращения: 23.07.2026).
- [11] Code of Conduct for Persons Licensed by or Registered with the Securities and Futures Commission // URL: <https://www.sfc.hk> (дата обращения: 23.07.2026).
- [12] Financial Services and Markets Act 2000 (UK), s. 412 // URL: <https://www.legislation.gov.uk> (дата обращения: 23.07.2026).
- [13] Постановление Президиума ВАС РФ от 08.06.1999 № 5347/98 // Вестник ВАС РФ. 1999. № 9.
- [14] Определение Конституционного Суда РФ от 16.12.2002 № 282-О // Собрание законодательства РФ. 2002. № 52 (ч. 2). Ст. 5291.
- [15] Bank of China (Hong Kong) Ltd v. Fung Chin Kan (2002) 5 HKCFAR 515.
- [16] DBS Bank (Hong Kong) Ltd v. Sit Pan Jit, HCA 382/2009; CACV 91/2015; FAMV 45/2016.
- [17] Chang Pui Yin & Ors v. Bank of Singapore Ltd, CACV 194/2016; [2017] 4 HKLRD 458.
- [18] Shine Grace Investment Ltd v. Citibank, N.A. & Anor, HCCL 28/2008; CACV 483, 484 & 485/2018.
- [19] Быстров А.Я. Алеаторная природа сделок на разницу / А.Я. Быстров // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 9. С. 86 – 121.
- [20] Клементьев А.П. Основные подходы к рассмотрению понятия «дериватив» как правовой категории / А.П. Клементьев // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 3 (65). С. 419 – 447.
- [21] Клементьев А.П. Влияние Международной ассоциации свопов и деривативов на российскую договорную практику и эволюцию отечественного законодательства в области производных финансовых инструментов / А.П. Клементьев, А.Л. Комолов // Банковское право. 2025. № 3. С. 30 – 37.
- [22] Райнер Г. Деривативы и право / Г. Райнер; пер. с нем. Ю.М. Алексеев, О.М. Иванов. – М.: Волтерс Клувер, 2005. 496 с.

- [23] Селивановский А.С. Внебиржевые деривативы и добросовестность участников рынка: обзор накопившихся проблем / А.С. Селивановский // Закон. 2021. № 10. С. 51 – 81.
- [24] OTC derivatives statistics at end-June 2025 // Bank for International Settlements. 8 December 2025. URL: https://www.bis.org/publ/otc_hy2512.htm (дата обращения: 23.07.2026).
- [25] Закон о РЦБ в редакции Федерального закона от 31.07.2020 № 306-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5065.
- [26] SFC issues warnings on virtual asset futures contracts // Securities and Futures Commission. URL: <https://www.sfc.hk> (дата обращения: 23.07.2026).

References:

- [1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
- [2] Civil Code of the Russian Federation (Part Three) dated November 26, 2001, No. 146-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 49. Art. 4552.
- [3] On the Securities Market: Federal Law dated April 22, 1996, No. 39-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 17. Art. 1918.
- [4] On Amendments to Article 1062 of Part Two of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law dated January 26, 2007, No. 5-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 5. Art. 558.
- [5] On Types of Derivative Financial Instruments: Directive of the Bank of Russia dated February 16, 2015, No. 3565-U // Bulletin of the Bank of Russia. 2015. No. 28.
- [6] Standard Documentation for Derivatives Transactions in Financial Markets (2011 version), approved by Order of the Federal Financial Markets Service of Russia dated December 28, 2011, No. 11-3600/pz-i.
- [7] Gambling Ordinance (Cap. 148) // Hong Kong e-Legislation. URL: <https://www.elegislation.gov.hk> (accessed: July 23, 2026).
- [8] Securities and Futures Ordinance (Cap. 571) // Hong Kong e-Legislation. URL: <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap571> (accessed: 23.07.2026).
- [9] Securities and Futures (OTC Derivative Transactions – Reporting and Record Keeping Obligations) Rules // Hong Kong e-Legislation. URL: <https://www.elegislation.gov.hk> (accessed: 23.07.2026).
- [10] Securities and Futures (OTC Derivative Transactions – Clearing and Record Keeping Obligations) Rules // Hong Kong e-Legislation. URL: <https://www.elegislation.gov.hk> (accessed: 23.07.2026).
- [11] Code of Conduct for Persons Licensed by or Registered with the Securities and Futures Commission // URL: <https://www.sfc.hk> (accessed: 23.07.2026).
- [12] Financial Services and Markets Act 2000 (UK), s. 412 // URL: <https://www.legislation.gov.uk> (accessed: 23.07.2026).
- [13] Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 5347/98 dated 08.06.1999 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 1999. No. 9.
- [14] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 282-O dated 16.12.2002 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 52 (Part 2). Art. 5291.
- [15] Bank of China (Hong Kong) Ltd v. Fung Chin Kan (2002) 5 HKCFAR 515.
- [16] DBS Bank (Hong Kong) Ltd v. Sit Pan Jit, HCA 382/2009; CACV 91/2015; FAMV 45/2016.
- [17] Chang Pui Yin & Ors v. Bank of Singapore Ltd, CACV 194/2016; [2017] 4 HKLRD 458.
- [18] Shine Grace Investment Ltd v. Citibank, N.A. & Anor, HCCL 28/2008; CACV 483, 484 & 485/2018.
- [19] Bystrov A.Ya. The Aleatory Nature of Contracts for Difference / A.Ya. Bystrov // Herald of Economic Justice of the Russian Federation. 2022. No. 9. P. 86–121.
- [20] Klementyev A.P. Key Approaches to Examining the Concept of a «Derivative» as a Legal Category / A.P. Klementyev // Perm University Herald. Juridical Sciences. 2024. No. 3 (65). P. 419–447.
- [21] Klementyev A.P. The Influence of the International Swaps and Derivatives Association on Russian Contractual Practice and the Evolution of Domestic Legislation Regarding Derivative Financial Instruments / A.P. Klementyev, A.L. Komolov // Banking Law. 2025. No. 3. P. 30–37.
- [22] Reiner G. Derivatives and Law / G. Reiner; trans. from German by Yu.M. Alekseev, O.M. Ivanov. – Moscow: Wolters Kluwer, 2005. 496 p.
- [23] Selivanovsky A.S. OTC Derivatives and Market Participant Good Faith: An Overview of Accumulated Issues / A.S. Selivanovsky // Zakon. 2021, No. 10, pp. 51–81.
- [24] OTC derivatives statistics at end-June 2025 // Bank for International Settlements. 8 December 2025. URL: https://www.bis.org/publ/otc_hy2512.htm (accessed: 23.07.2026).
- [25] Law on the Securities Market (as amended by Federal Law No. 306-FZ of 31 July 2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5065.
- [26] SFC issues warnings on virtual asset futures contracts // Securities and Futures Commission. URL: <https://www.sfc.hk> (accessed: 23.07.2026).

~~~~~

[illegible]

ВОПРОСЫ ПРАВА

Всероссийский научный журнал

№ 4

(октябрь-декабрь)

2026 г.

научно-издательская группа
ЮРКОМПАНИ

Подписано в печать 11.09.2026.

Формат 60х90/8. Печать цифровая. Печ. л. 18,75.

Тираж 250 экз. Заказ № 56.

ООО «ЮРКОМПАНИ»

г. Москва, ул. Горбунова, д. 2 стр. 3